

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

БАДИМ
ПАРСЕН



ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ
KONTAKT

Всё, о чём мы подумали, рано или поздно осуществляется...

Чарльз де Линт

Неужели мы одиноки во Вселенной? Этого не может быть! Тогда почему мы до сих пор не встретились с нашими соседями? Ответ банален и лежит на поверхности — значит их нет. Но допустим, они есть. Они прилетели на наш маленький шарик и протянули нам свои щупальца. Что мы им скажем? Я бы сказал словами Аркадия Стругацкого: «Товарищи, садитесь в свою тарелку и летите отсюда на тысячу парсеков». А вы?

Вадим Ларсен

Преждевременный контакт

«Это безнадежно, — подумал он.

Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений.

Можно дать им все. Можно поселить их в современных спектроглассовых домах и научить их ионным процедурам, и все равно по вечерам они будут резаться в карты, и ржать над соседом, которого лупит жена»

Аркадий и Борис Стругацкие «Трудно быть богом»

Солнечный луч зарождающегося утра озарил кроны могучих клёнов, коснулся разлапистых падубов, осветил в темноте густые заросли лещины, и вскоре вся роща засияла светом нового дня. Заголосили сороки, раскричались неугомонные сойки, белки запрыгали с ветки на ветку.

На тропинке вдоль прогалины показались двое: седой, довольно крепкий старик в инвалидной коляске с кульями вместо ног и мальчик лет шести. Старик указывал на вздымающуюся в небо пирамидальную башню со стеклянными гранями, сплошь обросшими зелёным мхом, и деловито пояснял:

— Маркус глянь, это дом Солнца.

Мальчишка кривился и, сводя рыжие бровки «домиком», возражал:

— Солнышко живёт не здесь. Оно на небе.

— Так и есть, — улыбался старик, — но каждое утро оно приходит к нам, а чтобы ему хорошо с нами жилось в этот день, мы и построили ему домик.

— Большой домик, — с пониманием кивал мальчик, задирая веснушастое лицо и с интересом разглядывая укрытую «живым» ковром пирамиду.

Старик продолжал:

— Здесь Солнце отдаёт нам самое ценное, что у него есть.

— Что это, деда Феликс? — с интересом спрашивал мальчик.

— Силу. Здесь она становится нашей.

— А мы что отдаём солнышку?

— Свою любовь, — глаза старика искрились. — Таков закон природы — Солнце дает силу всему земному: и этим деревьям, и птицам, и животным, и муравью, и тебе, и мне. В каждой живой клетке есть его сила. Так было и так будет. Вот вырастишь и построишь много таких солнечных башен.

— И у солнышка будет много домиков? — спрашивал мальчик.

— Да, — отвечал старик. — Так и будет.

Мальчик заворожено глядел, как сияет пирамида, обласканная солнечными лучами, и улыбался, отдавая Солнцу всю свою детскую любовь. Вместе с ним улыбался старик.

Глава 1

Блики вечернего мартовского солнца нагло вкрадывались в крошечный кабинет сквозь тусклое стекло. Проникнув, начинали весело резвиться, перескакивая с угловатого полупустого графина на потускневшую лакировку старого ободранного шкафа, растекаясь по наспех побеленным стенам и затоптанному полу, до массивного стекла на громоздком столе. Затем, отразившись в толстых линзах очков сидящего за столом Марка, собирались на потолке в яркое светлое пятно, немного отдышаться. Но игра солнечных бликов ничуть не мешала Марку зарыться в груды картонных папок и, уткнувшись носом в мелко исписанные корявым почерком каракули, полностью раствориться в чтении чёртового протокола.

— «...со сломанной правой рукой был забран скорой помощью», — чуть слышно бубнил Марк, облизывая пересохшие губы, — «...и назвался Эриком Губером. Никаких документов личности, при нём не оказалось...».

Крошечные, небрежно нацарапанные буквы прыгали по бумаге.

— Ну и почерк, глаза сломать можно. А какие фразы! «...поверх форменной тельняшки небрежно накинута куртка неопределенного цвета с чужого плеча». Ну, поэт.

День весеннего равноденствия подходил к концу, и сумерки назойливо вползали в крохотный кабинет, изгоняя неутомных «солнечных зайчиков» в небытие. Марк щёлкнул выключателем старой настольной лампы с пыльной газетой вместо безвозвратно утерянного абажура и, поправив очки, продолжил пытку чтением:

— «...не было ни сигарет, ни денег. В кармане куртки оказался только блокнотный листок с текстом, написанным синими чернилами. Данный листок занесен в опись под № 1 и лично к ней прилагается».

Почесав всклокоченный рыжий затылок, хмыкнул:

— Э как выкрутил, писатель.

Он перестал бормотать, и какое-то время читал «про себя». Вдруг изумленно вскрикнул, ткнув указательным пальцем в бумагу:

— «Вопросами дежурного инспектора был удивлен и их не понимал. Место своей работы огласить отказался, родственников огласить отказался, адрес свой огласить отказался. Утверждает, что не знает.» Хм, как не знает?

Напрягая подсевшее зрение, почти носом уперся в листок:

— Нет-нет, здесь написано: «...утверждает, что не знает что это»!

Сделав ударение на двух последних словах, Марк снова громко произнес их, отделяя каждую букву:

— Ч-т-о! Э-т-о!

Наконец он отложил протокол, и нервно стуча пальцами по стеклу на столешнице, пропел тут же придуманную им песенку:

«Что это,

Кто это,

Кто к нам пришел?»

Он встал из-за стола и направился к единственному в кабинете окну. Весеннее солнце катилось за выцветшие крыши рабочих трущоб, за обнесённый «колючкой» шестиметровый забор на СЭС W-23, где энергия «солнечных зайчиков» преобразовывалась в двадцатичетырёхчасовую жизнь Юго-Восточного Кластера.

Марк взял оставленную на подоконнике полупустую пачку. Привычным жестом вытолкнул сигарету. Но не закурил, а принялся фильтром постукивать по стеклу, отбивая такт только что придуманной песенки. Тихо напевая, глянул на въезжающий во двор патрульный электрокар. Скомкав сигарету, бросил в пепельницу и задумчиво произнёс:

— Очень интересный типчик. И на наших не похож. Ни работы, ни семьи, ни прошлого, ни будущего. Кто же ты, Эрик Губер?

Быстро смахнув сигаретную пачку с подоконника в карман, Марк выскочил из кабинета. Спускаясь по лестничному пролёту, размышлял на ходу:

«На фото при задержании выглядит, как для обычного бродяги, достаточно крепко сбитым атлетом. Широкие плечи, большие руки. Заметно, что алкоголем не балуется. К тому же в правильных и даже аристократичных чертах лица прослеживается мощный интеллект. Высокий лоб, длинные прямые волосы, глаза ясные и глубокие. Умный пронизательный взгляд. А в протоколе вместо подписи поставил крестик. Нигде не проживает, не работает, родственников нет. И денег в карманах ни копейки. На вид около тридцати пяти, а медицинский осмотр свидетельствует, что зубы, все до единого целёхоньки. Все тридцать два. Ни грибка на коже, ни перхоти, ни единого синяка на теле. Станный бомж».

Марк открыл массивную дверь и оказался во дворе полицейского отделения.

— Здравствуй, Роза, — широко улыбнулся стройной брюнетке.

— Привет, Марк, — девушка в черной униформе с ефрейторскими нашивками на рукаве улыбнулась в ответ.

— Твоя бригада выезжала вчера к третьей Аккумуляторной?

— Да.

Они приятельствовали давно, ещё с полицейской школы.

— Видел фото. Как вам удалось скрутить такого здоровяка?

— А он не сопротивлялся.

— Да? А руку тому, второму всё же сломал.

— Сломал. Но я этого не видела. Мы приехали, когда всё закончилось. — Девушка рассмеялась, — то, как ругался тот, со сломанной рукой, надо было слышать.

— Он сейчас в больнице. Помню я его. Пересекались.

— Нам сказали, их было трое. А тот здоровяк один. Все разбежались ещё до нашего приезда. Остался лишь побитый, и ругался как сапожник. А этот задержанный спокойно стоял рядом, и ты знаешь, Марк, такого безразличия, какое было на его лице, я видела впервые. И когда оформляли, и когда везли в участок. Мне кажется, он так и не понял, что мы полиция.

— Вот как? — протянул Марк. — Думаешь, не понял?

Девушка утвердительно кивнула и они распрощались.

«Будто не от мира сего», — вздохнул Марк, провожая взглядом хрупкую девичью фигурку в полицейской униформе.

«И этот бич тоже..., — мысли снова вернулись к задержанному, — Не рабочий, но и не попрошайка. Ему определено есть что скрывать. Каждому в нашем 23-м есть что скрывать. Но удивляет явная нестыковка в простых, повседневных вещах. И ещё одно...»

Вспомнились слова старшего патрульного офицера:

— Тот, кого мы привезли, если и бездомный, то, ему точно есть, где приводить себя в порядок. Гладко выбрит. И волосы, будто только-только вымыты.

Окна полицейского отделения поочередно вспыхивали светом. Далеко за бараками

взвывла сирена. Заканчивалась вторая смена, а значит через десять минут, тысячи усталых рабочих потянутся по туннелям в свои крошечные квартирки, чтобы забыться глубоким шестичасовым сном.

— Господин инспектор!

Марк оглянулся. Со ступенек ему махал молодой стажёр в сером кителе дежурного и с красной повязкой на рукаве.

— Вас ждут в «дежурке»!

В дежурной части на единственном, покосившемся от времени и множества человеческих задов табурете, сидел худой, морщинистый и очень сутулый человек. Видно, что систематически недоедал и имел проблемы с позвоночником. На пропитом почерневшем лице, под заплывшим правым глазом, красовалась старая, начавшая основательно желтеть большая пухлая гематома. Правая рука покоилась в недавно наложенном белоснежном гипсе, и это была единственная девственно чистая деталь во всём его облики. Остальное же выглядело крайне неряшливо — старые, бесформенные подвязанные веревкой брюки, растянутый штопанный во многих местах свитер, вылинявшее пальто с засохшей грязью на фалдах и не по размеру детская вязаная шапочка на плешистой голове. Он сидел, уткнувшись в пол, придерживая левой ладонью загипсованную руку.

Марк остановился перед посетителем и, скрестив руки на груди, спросил:

— Ко мне?

Человек поднял глаза:

— А по вчерашней драке к вам?

— Да.

— Господин, э-э...

— Капитан.

Сутулый вскочил и скрипучий табурет громко, пронзительно взвизгнул.

— Господин капитан, — скороговоркой затрепал незнакомец, глотая окончания слов, — я прише... сказать, что не имею никаки... претензий. Никаки... ни к чему... э, ни к кому. Рука, э-э... да что рука, бывало хуже. Не им...

— Так, — перебил Марк, — пройдем в кабинет.

Он махнул дежурному и направился к лестничному пролету. Сутулый последовал за ним.

— Давно из больницы? — не оборачиваясь, спросил Марк.

— Из травмпункта? Сразу, как токо наложили, — сутулый постучал костяшками пальцев по свежему гипсу и брезгливо поморщился, — и под зад коленом. Больница, хе-хе. Все им там провонял. Чистюли...

Они вошли в кабинет.

— Садитесь, — Марк указал на стул, — как звать?

— Меня? Э... зовите Шмайсер. Меня здесь все знают, да и ваши, хе-хе, тоже. Так, хе-хе, по мелочи...

— Ладно, анкетные данные уточнять не буду. Я и так все про тебя знаю. Из рапорта патруля и не только.

Сутулый внимательней присмотрелся к Марку здоровым глазом и ахнул.

— Так это вы! Год назад, в «Толстой Бочке»... вы ещё тогда патрульным служили?

— Да, Шмайсер, сталкивала нас жизнь. Так что ты для меня человек небезызвестный.

Видимо сутулый окончательно вспомнил Марка потому как, развалившись на стуле с

видом старого знакомого, непринужденно протянул:

— О-о, вы теперь инспектор! Поздравляю с повышением, господин начальник.

Марк жестко осадил:

— Так! Зачем пришел?

Шмайсер понял, что перешел границу, съёжился и еле слышно пробурчал:

— Я, э... никакого заявления писать не буду. Ничего не было. Ну, хе-хе, дел то на копейку. А крику развели, крику... зря только эта тетка полицию вызвала. Лучше бы, вон... снова что ни день, то беда. А рука..., — он взмахнул загипсованной рукой, — рука заживет как на собаке, не впервой-то.

Поелозив на стуле, сутулый подался вперед и как-то жалобно простонал:

— Не надо ничего, господин начальник, а? Пожалейте.

— В смысле, пожалейте?

— Ну, а это..., — вдруг замялся, понял, что ляпнул лишнее, — бумагу пожалейте, хе-хе.

И себя это... в смысле, свое драгоценное время. Вам же ничего с этого дела не обломится, хе-хе... эка, драка. И не драка вовсе, а так — ерунда. Вам с этого никакого проку. И вам меньше хлопот, и мне спокойнее. Тут и без меня работы по горло... с утра до вечера передоз, вешаются, на «колючке» горят. А у меня что? Жизнь как жизнь. Вот Лизка, дура, саданула неделю назад, во драка...

Последнюю фразу он пробурчал чуть слышно и, отвернувшись, грязным пальцем ощупал под глазом желтый «фингал».

Выглядел Шмайсер подавленным, скрюченным и весьма напуганным. Марк смотрел, как он неуверенно ерзает на стуле и недоумевал. С чего подзаборный жулик сам прибежал в отделение с просьбой не давать делу хода.

«Ну, не желает писать заявление и ладно, — размышлял Марк, пытаюсь понять мотивы. — Неужели бич вспомнил о гражданском долге? Как же. Так нет, сам пришел в отделение. Другой раз не выпросишь. А тут... Сидит. Правда дерганый, и просит непонятно что».

— Ну, Шмайсер, твоё право, — сказал вслух.

— Ага.

— Раз не хочешь предъявлять законные претензии этому..., — Марк стрельнул глазом в протокол, — ...Эрику Губеру. Заставить не имею права.

— Губер, — задумчиво повторил Шмайсер.

— Ты, кстати, его знаешь?

— Его никто не знает.

— Точно? — инспектор твердо посмотрел сутулому в единственный рабочий глаз.

— Точно, господин начальник, как есть точно. А когда его выпустят?

Марк удивлённо свел брови.

— Ладно, — заерзал Шмайсер, — разрешите идти?

— А кто был с тобой?

— В смысле? — бомж напрягся.

— Те двое, кто они?

— Никого со мной не было.

— А свидетели другое говорят.

— Какие свидетели, — фальцетом заголосил Шмайсер, — чего свидетели? Не было ничего, говорю же, не было. Никаких «разборок», никакого «базара». Я этого Губера знать

не знаю и претензий к нему не имею! Хотите, пишете в свои бумажки, хотите, нет.

«А фамилию все же запомнил», — отметил про себя Марк.

— Не было со мной никого, — не унимался Шмайсер, — все сам, в смысле случайно. Э... я фуфло не гоню! И руку я сам сломал, поскользнулся и сломал. И что теперь, на человека, мне совсем незнакомого «телегу» писать? На честного человека! И мне совсем, заметьте, совсем не знакомого. Нет, я не такой, господи... инспектор. Меня уважают э... люди, ну эти... те, которые...

Его горячий монолог прервала трель телефонного звонка. Шмайсер замолчал, разгорячено вдыхая носом. Марк, с интересом наблюдавший за спектаклем, поднял телефонную трубку.

— Да, это я. Нет, лучше завтра. Да, завтра в девять.

Он положил трубку на рычаг и внимательно посмотрел на притихшего Шмайсера.

— В общем, — отдышавшись, спокойно простонал тот устало поднимаясь, — я всё, зачем пришел, э... разрешите идти, а?

— Свободен.

Когда дверь за сугулым закрылась, инспектор понял — вопросов стало ещё больше. Так ничем закончился этот длинный день.

* * *

Ночь Марк провел в комнате отдыха, и после беспокойного сна холодная свежесть мартовского утра шла ему на пользу. Сейчас он и дежурный сержант курили у входа, пытаясь согреться в слабых лучах утреннего солнца.

— Сегодня вечером будет ровно сорок восемь часов. Сегодня надо решать, — сказал Марк, глубоко затягиваясь первой утренней сигаретой. — А я не готов.

Сержант удивленно мотнул головой, и Марк понял его немой вопрос.

— Вчера допросить не смог. Ну, о чем бы я с ним говорил? Кодекс Мегалополиса не нарушен, а друг с другом эти внесистемные могут делать всё что угодно. Да и сейчас мне в голову ничего путного не приходит. Но допросить надо.

Какое-то время они курили молча, глядя как полицейские электрокары, блестя бронёй и начищенными пулемётными стволами, разъезжаются на пристанционное патрулирование. Вдруг Марк прыснул со смеху:

— Ну и почерк у тебя!

Он вспомнил вчерашний протокол.

— Уж, какой есть, — сержант обиженно покраснел.

— Тренируй! Работа у нас такая — бумажная. Много писать надо.

— Да уж, бумажная, — вздохнул сержант.

— По сути, допрос этого Губера тоже нужен «для бумажки», — уже серьезно продолжил Марк. — Формальность, но надо. Нет учётной карточки — фильтрация. Но таких в нашем районе половина — работать не хотят и социалки нет. Всех не отфильтруешь и не выселишь. Карантинные Зоны переполнены. На восстанавливающегося не похож. На нём хоть паши. Я уж молчу об отсутствии чипа. Может беглый? Но тогда была бы ориентировка. Вот так, есть бумажка — нет проблем, нет бумажки — есть проблемы.

— Какая-то бумажка при нём всё, же имеется, — улыбнулся сержант.

— Да уж, какая-то, — хмыкнул Марк, и процитировал фразу из протокола: — «... занесен в опись под номером «один» и лично к ней прилагается».

Оба рассмеялись.

— Не люблю фильтрационных. Но кажется мне, этот не из таких. Полночи не спал, думал. Глаза у него на фото..., — Марк стряхнул пепел на мокрый асфальт. — Может он паломник с юга? Или как его... странствующий... хотя, нет, на перешедшего пустыню не похож. Может отправить на фильтрацию? Как мыслишь, что за тип? Только давай без этих твоих литературных...

— Сдался он тебе, Марк. У нас и так дел по горло. Полрайона сидит на даркфомине. Двадцать суицидников за последнюю неделю. А по этому пришельцу даже заявления нет.

— Кстати, анализы у него как у младенца, так что с наркотой мимо. — Марк хмыкнул: — Ну, и словцо ты подобрал — «пришелец».

— Так и есть, пришлый из ниоткуда.

— То-то и оно, сплошная неопределенность. А определиться я должен... — Марк посмотрел на часы, — через десять часов. И определюсь, конечно. Выясню, что за гусь.

— Ну, уж нет. Передал я тебе, Марк, не гуся, а целого Юлиа Цезаря. Представляешь, дал ему ознакомиться с протоколом, ну с тем, который ты еле осилил. Он секунду глянул и возвращает, говорит: «Все верно». Я ему — прочел бы, может я чего напутал, а он возьми, да и слово в слово весь протокол наизусть и выдай. И ни разу, собака, не ошибся, представляешь? А ты говоришь, плохо написан.

Сержант снова громко рассмеялся. Но уже невесело, натянуто. Затем резко осекся и добавил совершенно серьезно:

— Передай его фильтрационщикам. Нет человека, нет проблемы.

— А как же листок «под номером один»?

— И его отдай. А лучше, Марк..., — сержант немного помолчал, — отпустил бы ты этого «пришельца».

Марк быстрым шагом вошёл в кабинет. Утром он всегда легок и стремителен.

Широкий солнечный луч поделил комнату пополам. От форточки к плинтусу по диагонали, прямо над грудой туго перевязанных толстой бечёвкой пухлых картонных папок на письменном столе. В утреннем свете видна каждая пылинка на выцветшем картоне старых архивных дел. Марк давно намеревался сдать этот антиквариат в архив, но руки не доходили.

Он наскоро перёнес увесистые стопки в угол за шкаф и быстро протёр ладонью стекло на освободившемся столе. Затем сел, поправил телефонную трубку, убрал со лба непослушные ярко-рыжие вихры, снял, а затем снова надел очки. Прикрыв глаза, сомкнул пальцы «в замок» и чтобы унять суетливое волнение чуть слышно сосчитал до десяти.

Первая мысль — он с утра не пил кофе. Включил электрочайник и когда тот закипел, машинально налил дымящийся кипяток в большую железную кружку. Воздух наполнил яркий аромат растворимого кофе. Марк закурил, сделал глоток горячего напитка и пустым взглядом посмотрел в окно. Глоток — затяжка, глоток — затяжка.

Еле слышно скрипнула дверь, и в проёме появилась бритая голова полицейского конвоира. В два глотка допив кофе, Марк кинул непогашенный окурок в пепельницу и повернулся к двери.

— Задержанный Губер доставлен, — шевеля развесистыми усами, на одном дыхании поставленным голосом доложил конвоир.

— Пусть войдет.

Голова в проёме исчезла, и в кабинет вошёл коренастый широкоплечий мужчина в тельняшке и ватных стёганных штанах. Серые внимательные глаза, темные волосы, возраст чуть больше тридцати. Он медленно осмотрел помещение, остановив взгляд на Марке.

В кабинете повисло напряжение. Вошедший с неподдельным интересом, разглядывал инспектора, который внимательно, словно оценивая, смотрел в ответ.

Первым начал Губер.

— Здравствуйте, — дружелюбно поздоровался он, шагнул вперед и остановился в центре, напротив стола, заложив за спину руки и широко расставив в стороны носки огромных электроботинок.

— Здравствуйте, — ответил Марк и стандартно добавил, указывая на стул, — присаживайтесь.

Вошедший отодвинул стул подальше к стене и шумно сел. Старенькие ножки взвизгнули под его тяжестью. В кабинете снова повисло тягостное молчание. Марк медленно устроился за стол, и выжидающе скрестил пальцы рук.

Снова Губер нарушил молчание первым.

— Задавайте вопросы, не стесняйтесь, — невозмутимо и как-то по-деловому произнёс он, — меня для этого сюда привели?

— Так, — Марк, наконец, взял себя в руки, — ваши имя и фамилия?

— Эрик Губер.

— Год рождения.

— Рождения? — удивленно переспросил Губер.

— Да, рождения. При задержании вы забыли назвать дату рождения. Надеюсь, сейчас

вспомнили?

— Нет.

Безразличие, с которым отвечал допрашиваемый, стало раздражать Марка. Тем лучше. Битва началась, и Марк мысленно принял боевую стойку.

— Нет? Ладно, пропустим пока. Место проживания?

— Проживания?

— Вы, что так и будете повторять за мной? — повысил голос Марк.

— Нет, если и вы не будете повторять весь этот позавчерашний бред, — невозмутимо ответил его собеседник.

Марк удивленно поднял брови:

— Так. Значит, таким тоном будем разговаривать?

— Простите, но я действительно не знаю, как ответить на ваш вопрос.

— Так что, пишем — бомж?

— Что? — теперь удивился Губер.

— «Бомж» — лицо без определенного места жительства, — пояснил Марк.

— А, вон оно что. Интересно, бомж значит. Без определенного..., — человек в тельняшке на секунду задумался и затем добавил, смакуя каждое слово: — определенное место жительства.

— Да, определенное место жительства, — раздраженно повторил Марк, — есть оно у вас?

— Есть.

— Какое?

— Сейчас планета Земля. Или вы имели в виду что-то более определенное? Что-то такое, куда обычно приходят переночевать и переодеться в новую одежду? Место, где обычно хранят свои пожитки и синтетическую еду. Там где есть пылесос и телевизор? Такое место вас интересует? Понимаю, для вас это исключительно особое место. Ведь если я вдруг захочу выйти из вашей системы, то система придет ко мне. Вы в любое время сможете прийти в такое место за мной, если я понадобится. Как же это удобно. А если меня не застанете, то всегда сможете расспросить соседей. Ну, тех, которые имеют свои «особые места» рядом с моим «особым местом». Понятно. Получается, что я не могу быть просто жителем этой планеты? Это не принято, иначе я... как вы сказали, бомж? Тогда я действительно житель без особого места. Так и запишите.

— Философствуете? Ну-ну, знаем мы такой метод защиты. Ладно, так и запишем — бомж.

— Нет смысла защищаться. По крайней мере, от вас. Вы уж точно ничего плохого мне не сделаете.

— Как сказать, — пожал плечами Марк, доставая сигарету из скомканной пачки.

— Да как ни говорите, — невозмутимо парировал Губер и, отвернувшись, стал равнодушно разглядывать известковые разводы белил.

— Если вы соблюдаете Кодекс Мегалополиса...

— Я соблюдаю Кодекс Мегалополиса. Если вас это объяснение устраивает, разрешите быть свободным?

— А сломанная рука?

— Я-то тут причём?

— Не причём?

— На сто процентов. Или у потерпевшего ко мне есть претензии? Покажите заявление.

— Письменных претензий нет, но... — Марк запнулся.

— Ну, на нет и суда нет.

— И всё же, это вы его...

— Нет.

— А как же?

— У него и спросите. Если бы это сделал я, так бы и сказал. Но это просто невозможно.

Как мне вам объяснить, что я не в состоянии сделать ничего плохо ни одному из людей?

Губер глубоко вздохнул, наклонился вперед ближе к Марку и как-то по-отечески добавил:

— Послушайте, молодой человек, я прекрасно знаю, о чем вы думаете. Но со мной вы ничего не выиграете. Любопытство своё не удовлетворите, никакое преступление не раскроете. Просто нет никакого преступления. Никакого нет. Ну, не интересен вашему начальству, непонятный, странный человек, как вы выразились, бомж? Кому я нужен? Фильтрационщикам? Они вам спасибо не скажут. Давайте я встану и спокойно выйду из этого кабинета, а вы напишите, что провели разъяснительную беседу. На этом и закончим наш короткий контакт. Ведь всё так просто.

— Вы мне будете указывать, как поступать?

— А почему бы и нет. Да вы и сами понимаете, как лучше поступить в данной ситуации. К тому же, сегодня утром вам советовали отпустить меня, ведь так? И вы мысленно согласились. Где-то внутри чувствуете, что самое верное решение — отпустить. Так в чём дело?

У Марка вытянулось лицо. На наглость не похоже, больше похоже на внутреннее понимание его собеседником чего-то такого, что пока ещё не ведомо самому Марку.

— Так. Сделаем вид, что я этого не слышал, — сдерживая раздражение, грубо сказал он, — тем более, что все вами сказанное к делу не относится. Это правда, вы не мой клиент. Но ошибаетесь, утверждая, что парни из Фильтрационного не заинтересуются таким бомжём. Вижу, в восстановлении не нуждаетесь — похоже с кислотой, свинцом и кадмием дел не имели. Тогда вначале они определяют вас на лёгкий труд, а затем повесят на шею социальную карточку на питание и вперёд на Станцию. Вы же не из таких как этот Шмайсер, которые чтобы не работать, на второй день суют пальцы в аккумуляторную кислоту. В общем, рассказывайте, а там посмотрим, что с вами делать.

Марк взял чистый лист бумаги, ручку и твердым холодным взглядом посмотрел на Губера. Тот опустил глаза в пол, долго разглядывал ботинки, а затем ровным голосом произнес:

— Ладно, пишите. Итак, позавчера девятнадцатого марта я, Эрик Губер, поздно вечером возле третьей Аккумуляторной, проходя мимо группы местных... э, как там у вас они называются...

Губер задумчиво свел брови.

* * *

Все началось со свиста. Свистели ему.

— Это что у нас за новый дядя появился? — сквозь зубы процедил свистевший,

выколуപ്പывая кончиком ножа грязь из-под ногтей. — На нашей территории пасешься, гад?

Человек с ножом посмотрел на свою пеструю свиту и добавил, сверкая острым лезвием.

— Пощекочем?

— Давай! — подхватила свита.

Они стояли в дальнем углу вагоно-приёмника монорельсовой дороги, в стороне от света прожекторов, неподалеку от камер хранения. Был поздний вечер и редкие рабочие, спеша к началу третьей смены, отворачивались, торопливо ускоряя шаг. Холодный ветер гонял по перрону обрывки обёрточной бумаги. Худой рыжий пёс спал рядом с перевернутой урной.

— Тебя предупреждали, дядя. По-хорошему просили здесь не ошиваться. Так или нет? — сухо спросил человек с ножом и смерил незнакомца единственным здоровым глазом.

Тот невозмутимо смерил говорившего взглядом. В светло-серых глазах читались вселенское спокойствие и уверенность. Оппонента с ножом это явно взбесило и он, злобно покосившись на свиту, вдруг сорвался писклявым девчачьим фальцетом:

— Ты дядя, вижу, хе-хе... не знаешь, кто я? Так вот, я тебе сейчас объясняю. А если не поймешь, то...

— Я знаю, кто ты, — спокойно перебил его человек в тельняшке, — и как раз тебя ищу, Шмайсер.

— Опа? — искренне изумился тот, — хе-хе... это. И откуда ты, дядя, знаешь меня?

— Просто знаю. Я все о тебе знаю. Знаю, что ты имел когда-то заправочный ларёк, что торговал подержанными батареями и что проиграл его в карты десять лет назад вместе с жильём. Знаю, что наркоман, и сидишь на даркфомине. Жена от тебя ушла и сейчас ты живешь у рыжей Лизы. Знаю, что бьешь её, когда обколешься. И она тебя бьёт. И подельников твоих знаю.

Он оглядел стоящих поодаль. Указал на толстяка средних лет, заплывшего жиром, в заштопанной в нескольких местах грязной болоньевой куртке, с одутловатым белёсым лицом.

— К примеру, всё знаю о Пузыре. Работал на Станции электроперегонщиком. Пятнадцать лет дышал парами трития, отчего нарушение метаболизма, диабет и ожирение третьей степени. После неудачного лечения потенциально нестабилен. С вами третий год. Живёт в туннелях. Что выпросит, что на платформе подберёт, что отнимет. В основном капсулы с едой. За еду и вам помогает, насколько может. Ему недолго осталось. Местные знают, потому терпят.

Указал на не по-весеннему смуглого парня немногим старше двадцати:

— Этого юркого тоже знаю. Зовут Вонючкой. Он беглый, из южного Кластера. Потомственный карточный шулер. С полгода как на 23-тей. В рабочие не пошёл, чересчур независимый. Видишь, всё знаю. И что туберкулезный он, тоже знаю. Оба твои приятеля скрываются от фильтрационщиков, а ты у них вроде главаря.

Он ещё раз осмотрел пёструю компанию и по-доброму улыбаясь, добавил:

— Так-то, Шмайсер, знаю я твою шайку. Вы трое мне и нужны.

Свита насторожилась.

— Мусор? — спросил молодой.

Шагнув вперед, человек в тельняшке протянул ему широкую узловатую ладонь:

— Я Эрик. И я не из полиции.

Когда Губер закончил, Марк пробежался взглядом по протоколу:

— Значит, не знаете этих людей, видите их впервые и обоюдных претензий не имеете. И потерпевшего тоже не знаете. Касаемо самого происшествия, вы утверждаете что, проходя мимо, увидели драку совершенно незнакомых вам людей и лишь пытались её предотвратить. Стало быть, в отличие от остальных у вас не было причин скрываться от вызванного обходчицей полицейского патруля. Поэтому оставались на месте, были задержаны и доставлены в отделение. Я ничего не упустил, господин Губер?

Тот утвердительно кивнул.

— Не очень складно, но воля ваша. Вот прочтите и распишитесь.

Марк протянул Губеру исписанный листок. Тот, смотрел в протокол пару секунд, затем взял ручку и напротив слова «Ознакомлен» нарисовал жирный крестик.

Марк мельком глянул на крестик, встал из-за стола, взял двумя руками стул и поставил его перед задержанным. Затем сел, оперев локти на спинку, и вонзился в допрашиваемого холодным пронзительным взглядом:

— Хм. А сейчас не для протокола.

Каждое слово Марк произносил, будто вбивая в стену гвоздь:

— Значит вы человек с местом жительства — планета Земля. Так-так. На бездомного совершенно не похожий. Впрочем, как и на работающего не похожий тоже. Скорее на человека, не желающего афишировать себя. Ладно, сейчас в рабочих районах хватает всяких. Но тогда у вас не должно быть, ни малейшего желания пересекаться, ни с полицией, ни с иными службами Кластера. Так? И тем ни менее, поздно вечером, проходя мимо дерущихся босяков, вы всё-таки решаете ввязаться в их потасовку и якобы помочь одному тому, кого видите впервые. Так?

— Так.

— Не кажется ли вам, уважаемый Эрик Губер, странным то, что я сейчас сказал?

— Нет, — спокойно ответил тот, — такой уж я человек. Мало ли странностей происходит в Мегалополисе.

— Какой бы ни был человек, каждый его поступок мотивирован. А вашей мотивации я не понимаю. Пока не понимаю. Сейчас речь не о претензиях к вам, либо о преступлении каком-либо. Да и на сокрытие регистрационной информации я закрываю глаза. Но водить меня за нос не позволю! Вы что удумали, раз молодой следователь, можно всякие небылицы плести? Нет, ошибаетесь, господин «Ниоткуда».

Марк резко поднялся и нервно ударил ножками стула о паркет.

— Думаете, очередная драка, хулиганка, ну и что. Ничего страшного не произошло! Помусолят и отпустят. Вроде пустяк на фоне каждодневных побегов, трупов на «колючке», спецприёмников забитых харкающими кровью, фильтрационного лагеря забитого отбросами общества? Поэтому ведете себя уверенно и нагло. Поэтому многого не договариваете. Вы никого, нигде, никак... Вас никто, нигде, никак... Шмайсер прибежал, расшаркивался тут. Не бомжи, а закрытый клуб джентльменов какой-то. Да, и листок этот ваш, единственная вещь, найденная при обыске.

Марк заходил по кабинету. Сорвал с носа очки. Заговорил резко и громко, в такт своим широким шагам:

— Да! Конечно! Я не могу тратить время на такую мелочь. Время предварительного определения на исходе. И всё же... я не понимаю, почему мне так хочется хоть что-нибудь узнать о вас...

Остановившись перед задержанным, твёрдым голосом спросил:

— Что вы делали рядом с Аккумуляторной?! У вас не было причин ни приезжать туда, ни уезжать оттуда! Вы кого-то встречали или провожали? Кого? Вот! Ни то, ни другое. Вам может показаться в порядке вещей, если человек гуляет ночью по промышленной зоне без денег, без документов, без ключей от дома, даже без... ну не знаю, даже без проездного билета в кармане. А мне так не кажется! У каждого, повторяю, у каждого есть в карманах, хоть что-нибудь. В ваших же карманах пусто. Но есть листок с таким текстом, что...

Марк замолчал. Сев за стол произнёс тихо, но внятно:

— Значит диверсия. Патрульные уже прочёсывают периметр, и пока у меня не будет ясной картины случившегося, вы задержаны. — Вскочив, жестко в упор уставился на молчаливого собеседника и выкрикнул: — Не на того нарвался, господин Губер! Отправлю к чёрту в кластерный распределитель, откуда тебя погонят в кварцевые шахты за силикозом лёгких. Раз житель планеты Земля, то камера спецприёмника как раз сойдёт. Разберём на био-запчасти!

В кабинете повисла такая тишина, что стало слышно, как проснувшаяся муха бьётся об оконное стекло.

— Так и быть, — наконец произнес Губер. — Только не думайте, что вы меня запугали. Этого сделать просто невозможно. И всё же я вам расскажу. Потому что..., в конце концов, этот разговор будет полезен нам обоим.

Марк курил у окна, выпуская дым из широких ноздрей, и смотрел, как спина Губера растворяется в ранних весенних сумерках быстро захватывающих улицу. Фонари ещё не зажглись, и сумерки казались плотными и вязкими, как кисель.

— Неужели всё это на самом деле? — бормотал Марк, густо затягиваясь почти докуренной сигаретой.

Окурок обжог пальцы, но он не заметил. В который раз мысленно спрашивал себя — что на самом деле произошло в этом кабинете сегодня? Что делать? Как реагировать? И как со всем этим жить дальше?

Теперь его жизнь поделена надвое — до этой встречи и после неё.

«Может мне это сниться? — мелькнула мысль. — Нет, это не может быть сном. Как он сказал? Легко расставайся с прежним собой».

Тот, чья широкая спина маячила в вечернем полумраке, сегодня изменил многое. Начавшийся утром допрос, к вечеру перевернул реальность.

— Какие, по-вашему, исследовательские методы максимально результативны? — так начал Губер. — Скажем, медицина сталкивается с неизвестной болезнью. Как найти лечение? Правильно, с помощью наблюдения за носителем болезни. Изучая симптоматику, наблюдая стадии острых и скрытых кризов, фиксируя характерные особенности, систематизируя и анализируя полученную информацию, так находится лечение. И по-другому никак. И хотя прямая задача медицины — здоровье, но ваших эскулапов всегда интересовали больные.

— Вы врач? — перебил Марк.

Оставив вопрос без ответа, Губер продолжил.

— Это сравнение, господин инспектор, объясняет, о чём пойдёт речь дальше. Итак, получаем математическую модель — берём за константу здоровье, и изучаем болезнь, то есть аномалию. Почему возникла, и что сделать, чтобы вылечить. Но представьте, молодой человек, если за константу принять не здоровье, а болезнь? Что изменится? Вопрос риторический, поскольку разницы никакой. Действует тот же метод, лишь с противоположными константами. Не изменится ни амплитуда отклонений, ни их количество, ни отдалённость от нормы, ни время обратимости. Курящий отличается от некурящего лишь привычкой курить. И как не меняй местами, привычка курить — основное их отличие. Но годится ли этот метод для изучения общества? Что есть аномалия, и что взять за эталон? Как думаете?

— Наверное, «золотую середину», — неуверенно произнес Марк.

— Не всё так просто... но вернёмся к врачам. Вы предлагаете взять немного больного, немного здорового. По сути больного, но немного, не смертельно. Но и не совсем здорового, что означает совсем не здорового. Согласитесь странный подход. Немного здоровый, немного больной, немного выпивающий, немного спортсмен, немного добряк, немного социопат. Всего понемногу. Но у здоровья нет середины — либо человек болен, либо здоров. В природе «золотая середина» — всегда неприятный, временный, нестойкий, переходный этап между двумя константами. Но в человеческом социуме — это и есть самая стойкая субстанция, такая прогрессивная толпа «сереньких» середнячков. Железобетонная константа. Среднячки, глядя друг на друга, поступая так, как поступает большинство,

формируют границы и ревностно их охраняют. Для них и низкие и высокие человеческие проявления одинаково аномальны. Как злодеи, так и святые, как невежества, так и гении — всё отклонение от принятой нормы. По сути, в этой парадигме ваши святые приравниваются к злодеям. Вы понимаете меня?

Марк пожал плечами. Как всё им услышанное связано с допросом?

— Ладно, господин инспектор, — вздохнул Губер, будто читая мысли Марка, — перейдем к главному. Суть в том, что, рассматривая земную цивилизацию на предмет возможности вступления с ней в контакт, наша методология впервые оказалась непригодной. С молодыми цивилизациями мы всегда работаем по отлаженной схеме. Вначале принимаем за стандарт лучших представителей изучаемой цивилизации, и исследуем крайние отклонения. Затем меняем приоритеты, в качестве нормы берём противоположность — «темную сторону» — и делаем тоже самое. Для нас нет ни светлой, ни тёмной сторон. Они лишь антагонисты единого целого, поэтому «встречи с пришельцами» одинаково случались и у гениев, и у спившихся психопатов. Принять усреднённое, равносильно как на скачках поставить на ничью. Для нас главное — не усредненность общества, а его целостность. Насколько оно способно преодолеть пропасть разрозненности. Равносильно тому, насколько велика вероятность курящему бросить курить и стать некурящим. И чем невозможнее это преодоление, тем цивилизация незрелей. Следовательно, тем менее интересна нам. Дело в том, что общество с необратимой межвидовой разобщённостью совершенно непригодно к контакту.

Губер замолчал и внимательно посмотрел на Марка.

— Вы это о чём? — наконец выдавил тот.

Губер искренне улыбнулся:

— А вы думали, что добрые инопланетяне приземлятся где-нибудь поблизости на космической тарелке, и вы так просто вступите с ними в межпланетный контакт? Или же другой сценарий, что-то в стиле «Войны миров» с молниеносным нашествием злобных марсиан. Земляне храбро воюют с жестокими пришельцами, с такими «чужими» и, в итоге, изгоняют их. Или так, представители более развитой дружелюбной внеземной цивилизации делятся своими научными открытиями, технологическими достижениями и всячески помогают землянам перейти на новую ступень развития.

Подняв руки над головой, Губер с пафосом произнес последнюю фразу. Затем выдержал театральную паузу и продолжил:

— Да, я не похож на пришельца. Я не зеленый, у меня нет огромной головы с выпуклыми раскосыми глазами. Нет ни маленького рта во рту, ни шупалец на пальцах. И что? У вашей цивилизации довольно примитивные взгляды на Вселенную, что вполне объяснимо. Как и в вашей евклидовой геометрии, когда-то придуманная система якобы неопровержимых аксиом, принята опять же вами как неоспоримая данность. Из них, как из пазлов вы выстраиваете для себя собственный мир, свято веря, что он не может быть другим. Наивно полагаясь на «высосанные из пальца» аксиомы, будучи цивилизацией незрелой и по-детски инфантильной, вы искренне удивляетесь тому, что на самом деле всё выглядит совершенно по-другому. Я вижу, вы мне не верите. Бесспорно, мы недооценили один из главнейших ваших пороков — подмену понимания верой, считая, что путь к контакту лежит не в вере, а в понимании. Но с пониманием, в отличие от веры, у людей всегда было туго.

— Не знаю как там у кого, но у меня действительно плохо с пониманием, — сказал Марк, — я ничего не понимаю.

— Я по сути такой, как и вы «опер» — рядовой сборщик информации. По-вашему, шпион. Нас разведчиков, на земле хватает. Изучаем отдельные периферийные группы, максимально рассеянные от выбранной константы. Полученную информацию анализируем на потенциальную готовность, либо не готовность к контакту. Определяем его последствия. В мою сферу входит работа с представителями низших социальных слоев, так сказать, асоциальными элементами. Но я не ограничиваюсь «шмайсерами». Речь идет о людях ненужных обществу, по-вашему, второсортных. О тех... без особого места в современном прогрессивном социуме. Хотя и среди таких встречаются уникальные, довольно интересные и вполне подготовленные к контакту. В различных общественно-иерархических группах есть потенциальные контактёры. Нам важно найти и оценить основу сближения, но проблема в том, что цивилизационный разрыв действительно огромен, а усреднённость ещё более усиливает его. Возникает вопрос, как строить контакт с таким незрелым и примитивным обществом, как ваше? На понимании? На логике? Вы крайне нелогичны и агрессивны. Не слышите, не понимаете друг друга. Не в состоянии с самими собой найти контакт. Ваши постоянные войны — лучшее тому подтверждение. Всё это отодвигает в необозримое «далёко» наше с вами «официальное знакомство».

Губер встал. Подошел к окну.

— Не вижу удивления на вашем лице, — бесстрастно бросил через плечо. — Считаете всё сказанное бредом? Люди не верят словам. Как вы только что сказали: «Какой бы ни был человек, но каждый его поступок мотивирован». Хотите знать мою мотивацию? По причинам, изложенным выше, проект закрыт, и подготовка к официальному контакту остановлена. О чём я искренне сожалею. Нам приказано возвращаться. И поскольку я, как и вы, обычный «опер», такие решения не в моей компетенции...

Он замолчал, повернулся и в упор посмотрел на Марка ясным пронизательным взглядом:

— И всё же в нарушение полученных инструкций мой контакт состоялся. Несанкционированный, незапланированный, преждевременный. Так сказать неофициальное знакомство «без галстуков». Состоялся ровно сорок восемь часов назад, возле третьей Аккумуляторной. И продолжается сейчас. Теперь и вы его участник. Что скажете, Марк?

— Скажу, что мне не доводилось встречать более изворотливого сказочника.

Губер улыбнулся. Отойдя от окна, принялся размеренно ходить по кабинету, вскользь прикасаясь пальцами к предметам на пути: к столешнице, к спинке стула, к настольной лампе с газетой вместо абажура.

— Да... Вы типичный представитель так называемого прогрессивного человечества. У вас, у людей, есть мощное оружие — факты. Сама ваша профессия обязывает верить лишь им. Подавай факты и всё тут. А если нет, подавай веру. Незыблемую многовековую манипуляцию в виде верования. Могу представить, что стало бы с религией, осуществись контакт официально. Неужели вы не способны просто мне поверить?

— Просто? — в вопросе Марка слышалось замешательство.

— Да. Прислушаться к интуиции. Прочувствовать.

Марк вдруг поймал себя на мысли, что не заметил, как они поменялись местами. Теперь задержанный задает вопросы инспектору полиции. И вопросы про ощущения. Какой-то сюрреалистический сон.

— Не удивительно, что вы не верите моим словам, — не дождавшись ответа, продолжил Губер. В его голосе слышалось разочарование. — Бойтесь, если сказанное окажется правдой

— обрушится ваш понятный и уютный мир. А вы не готовы к этому, совсем не готовы. Но контакт нужен в первую очередь именно вам!

Он снова зашагал по кабинету. Грохот размашистых широких шагов эхом отражался от беленых стен. Казалось, Марка нет в комнате, а шагающий человек разговаривает сам с собой:

— Верю, не верю... Вера... Наш метод ошибочно обошёл её стороной... Не придал ей значения.

«Он просто псих», — подумал Марк, потянувшись к кнопке вызова наряда, но замер и одёрнул руку. Он вдруг увидел глаза человека в тельняшке. В них не было ни капли безумия, лишь твёрдая уверенность в чём-то, что знает лишь он один.

— Без сомнения толпа не готова к контакту, — продолжал Губер, размашисто вышагивая по кабинету. — Вы боитесь, в этом всё дело, потому как, выйдя за границы понятного вам мирка, придется строить новый, непонятный, в котором теперь будем и мы. Толпа и страх в самых худших их проявлениях — основа вашей цивилизации. Толпе не свойственно нарушать границы. Её цель — существование внутри своего, как вы выразились, особого места жительства. Она — норма, готовая задушить любые крайние отклонения, любую иную точку восприятия мира. Для неё пришельцы — та же аномалия. И когда толпе объявят, что мы — враги землян, а так оно обязательно случится, она с этим безропотно согласится и возьмёт в руки оружие. По нашей методике архаичная толпа неспособна к контакту. Открыться, поделиться знаниями, принести истину, и оказаться распятым на кресте... Такое уже было. Как воздействовать на толпу?

Напряжение в кабинете накалилось до предела.

— Так, стоп! — закричал Марк.

— Но именно рассуждения о толпе подтолкнули меня к пересмотру математической модели контакта, — Губер резко махнул рукой. — Оказывается, даже с таким обществом как ваше контакт возможен, а в рабском поведении толпы скрыт ключ к нему. Мир рабов это беспрекословное подчинение, в основе которого лежит слепая вера. Удивительно, но именно вера способна заставить толпу разрушить её незыблемые устои. Именно вера — основа, как разрушения, так и созидания, как прогресса, так и упадка. Значит необходимо, чтобы толпа слепо поверила в Контакт. Не надо ничего объяснять, не надо апеллировать к её сознанию и логике. Достаточно заменить ей Бога.

— Хватит! — опять закричал Марк. — Молчать!

— Вот-вот, середнячок слишком боязлив, чтобы стать первым, — продолжал Губер, не обращая внимания на крики. — А есть ли тот, кто не побоится слепо поверить? И я нашёл ответ. Это тот, которому нечего терять. Из тех самых... без особого места жительства. Изгнанные социумом всегда являлись носителями новой веры. Такие поверят в Бога, в Дьявола, да хоть в сам Прогресс. Даже в распятого на кресте поверят если только...

Он остановился посреди кабинета, поднял голову, расправил плечи и произнёс:

— Я понял это благодаря Шмайсеру. Цепочка проста — чудо-вера-принятие. Если я покажу вам чудо, вы объявите меня Богом, низвергните своих вождей, проклянете прежнюю веру, сожжёте святыне книги, растопчете многовековые традиции, лишь бы снова прикоснуться к моим стопам. Вы повесите мою икону на стену и будете ей молиться, станете рассказывать близким о появлении нового мессии, напишете обо мне трактаты, построите храмы в мою честь. День, когда я покажу вам чудо, станет главным вашим праздником, и правнуки ваши будут восхвалять чудо, словно сами были свидетелями его.

Каждый на этой планете... поверь, каждый верит лишь в чудо и больше ни во что. Вот она — константа человечества!

И устало опускаясь на стул, почти шепотом выдохнул:

— Будет тебе чудо, Марк.

* * *

Свет уличных фонарей разогнал густые вечерние сумерки.

Фигура Губера давно растворилась в потёмках, а Марк всё стоял у окна в темноте пропахшего табачным дымом кабинета и машинально закуривал неизвестно какую по счёту сигарету.

«И что мне с этим делать, — в который раз спрашивал сам себя, глубоко затягиваясь горьким дымом, — как с этим жить дальше? И не расскажешь никому. Не поверят. Примут за сумасшедшего. За юродивого. Полный абсурд. Рано и безнадежно. Но всё-таки...».

Там за окном в дрожащих от мартовского ветра темных лужах блестела луна. Марк оторвал взгляд от уличных луж и посмотрел вверх. Над соседним домом висел идеально круглый, огромный ярко-оранжевой шар. Начиналось первое весеннее полнолуние.

Время будто остановилось. Марк смотрел на луну, на вечный символ циклического обновления, и та представилась ему огромной оранжевой точкой, специально поставленной кем-то на черном бескрайнем полотне. Как знак завершения прежнего, и одновременно начала чего-то иного, ранее неведомого.

Он долго всматривался в безукоризненно чистый, усыпанный мириадами звёзд ночной небосвод и думал, что его жизнь теперь навсегда поделена на две части — до Контакта, и после него.

Привычке к ритуальному шестикилометровому пробегу — ежедневному атрибуту ещё с первого курса полицейской школы — за четыре года Роза не изменила ни разу. В мороз и в зной, в любом настроении и расположении духа утренняя пробежка дарила радость, чувство полета и ощущение лёгкости. Ей нравилась приятная усталость последнего круга, когда в каждой клетке фонтаном пульсирует обогащённая кислородом кровь, а в голове пусто и ясно. Сохраняя превосходную форму, Роза любила своё тело, которое отвечало ей взаимностью. Смуглая, будто загорелая кожа, без грамма жира, очерчивала красивые бугорки мышц, подчеркивая стройность осанки. Быстрые движения, крепкие ноги, сильные руки и неуёмная молодая энергия.

Полное имя Розалия не нравилось ей, и девушка предпочитала называть себя просто и кратко, как выстрел — Роза.

Родилась она сразу после войны, потому морально и физически готовилась к любым испытаниям. Всегда собранная, целеустремлённая Роза вечерами составляла детальный план следующего дня и никогда ни на шаг не отклонялась в сторону. Об этом знали сослуживцы, и поначалу некоторые даже пытались острить над такой педантичностью, перемешивая неуместные глупые шуточки непристойностями и откровенным сексизмом. Но девушка быстро поставила хохмачей «на место». И сделала это эффектно — вызвала «к барьеру стреляться». Дуэль на пистолетах назначила в тире, и на следующих условиях: мишень — неподвижная грудная фигура; расстояние до цели двадцать метров; пять патронов в обойме; время на стрельбу двенадцать секунд. Роза отстреляла все пять патронов за восемь секунд с результатом сорок шесть очков. Её противники не осилили даже сорока очков, да и стреляли дольше. Выходя из тира, Роза победно бросила через плечо: «В следующий раз встретимся на татами!» После такого унижения местные «мачо» навсегда перестали отпускать в её адрес сальные шуточки, и за Розой закрепилось прозвище «Железная леди». После той дуэли в отделении долго судачили о девушке-ефрейторе, которая может отстрелить незадачливому шутнику не только глупый язык, но и всё, что плохо висит.

Роза была перфекционисткой. Поддерживала свою физическую и психологическую форму с такой страстной педантичностью, что хватило бы на всё полицейское отделение.

Вот и сегодня ровно в шесть она вышла на стадион соседней школы, сделала обычные двадцать кругов с одним двухминутным перерывом и уже собиралась уходить, как вдруг увидела Марка. Тот сидел на трибуне, на скамейке для зрителей. Увидев, что Роза его заметила, суетливо замахал руками.

Девушка удивилась. Никогда раньше она не видела Марка на стадионе, да ещё в такую рань. Знала — коллега не любит спорт, много курит и скорее «сова» нежели «жаворонок».

«Неожиданно и странно», — подумала Роза, неуверенно махнув Марку в ответ.

Тот быстро вскочил и почти побежал навстречу.

— Привет! — крикнул на бегу.

— Мне это снится? — удивилась Роза. — Ты как здесь оказался?

— Я к тебе, — затараторил Марк, — ты сегодня после дежурства, так?

— Ну, — кивнула девушка, протирая полотенцем лицо и настороженно поглядывая на коллегу, — что-то стряслось?

— Да, — выдохнул тот.

Только сейчас она заметила неестественную бледность на веснушчатом лице. Всегда приветливый и улыбчивый сейчас Марк робко переступал с ноги на ногу, теребил дрожащими пальцами воротник куртки и выглядел подавленным и усталым. Опухшие красные глаза свидетельствовали о бессонно проведенной ночи.

— Что с тобой? — спросила тревожно.

— Роза, мне.... — парень запнулся, затем через силу выдавил: — ...нужна помощь.

Девушка застыла в нерешительности. Эта утренняя встреча не укладывалась в планы. Но делать нечего, нужна помощь и она обязана помочь. К тому же, она нужна коллеге и однокашнику по полицейской школе.

«Ладно, только если не долго».

— Пошли, — Роза легонько подтолкнула парня в спину.

— Тут такая история...

— Расскажешь потом, — перебила девушка, — кофе будешь?

Марк кивнул, и уже через пятнадцать минут, сидя в крохотной, отделанной в урбанистическом стиле кухоньке, сжимал обеими руками, словно отогревая онемевшие пальцы, большую кофейную чашку и пил обжигающий кофе.

— Ну, что случилось? — бросила Роза, выходя из душа.

Марк хотел закурить, но девушка строго пригрозила пальцем. Пришлось сунуть пачку обратно в карман.

— Сейчас-сейчас, — торопливо выговорил он, добавляя из электрочайника ещё кофе.

Девушка присмотрелась внимательней — красные белки глаз, бегающие зрачки, трясущиеся пальцы, дрожащие губы. Сослуживец явно был не в себе.

— Раньше я таким тебя не видела, — Роза крепко сжала его холодную ладонь, — рассказывай.

— Я... вот ведь, — Марк замялся, — пока шел к тебе, всю дорогу подбирал нужные слова. Так и не подобрал вовсе.

Он как-то грустно улыбнулся и сник.

— Я пришел к тебе..., просто не знаю куда идти. Но надо что-то делать, Роза. Так оставлять нельзя! Как же... Ладно, всё пустое.

Замолчав, он сгорбился и взглядом упёрся в пол. Роза, молча, смотрела на парня, и ей показалось, что он уже жалеет, что пришёл к ней. Он как-то неуверенно заёрзал, будто желая подняться и уйти, но не находя повода сделать это.

— Не нервничай, — как можно приветливее произнесла она, — я помогу тебе, только скажи...

— Нет, ты мне скажи... — Марк опустил глаза, снова достал сигаретную пачку, покрутил в руках и опять спрятал в карман. — Скажи, пожалуйста... чудо — это то, что есть всегда? Как бы, оно само по себе есть, но именно для тебя его никогда не было. А потом, когда ты с ним случайно сталкиваешься, оно уже навсегда появляется в твоей жизни. Такое забыть нельзя и ты пытаешься найти этому объяснение. И обязательно находишь, потому что теперь чудо стало частью тебя. Или всё не так? Может, ты сам придумываешь чудо? Его как бы на самом деле и нет, но глядя на обычные вещи с иной точки зрения, у тебя начинает формироваться новое отношение к увиденному. Иное чем было раньше. Вот тогда-то и рождается чудо! То есть, его на самом деле нет, а возникло оно лишь в твоём воображении, после того, как ты сам его придумал. Вот как я тебя вижу сейчас такой... такой, а на самом деле ты не такая.

За окном стало совсем светло, в углу мякнул Маркиз, требуя корма и Роза, опустив руки, тихо произнесла:

— Дурак...

Марк обиженно посмотрел на девушку.

— Ну, Марк, — зло рассмеялась та, — я знала, что ты ко мне равнодушен. Но так подкатывать! Ничего другого придумать не смог? Ты знал ещё с учебы — мы с тобой только друзья. И всё! Френдзона, Марк. Хорошая комфортная френдзона. А сейчас, ну ладно, ты что-то себе надумал, но... ведь ты никогда не считал меня наивной дурой. И тут такие подъезды. Думал, я клюну?

— Я про чудо, Роза! — вдруг жёстко перебил её гость. — Какие, к чёрту, подъезды? Внутри меня не я... Этот голос... он отовсюду. Помнишь Губера? Этого, которого ты там... Потому пришёл именно к тебе. И ещё потому, что надеюсь, ты понятливая. Такое не всякому расскажешь. Боюсь, даже тебе не смогу объяснить, что случилось вчера...

Он замолчал, и Роза увидела — с Марком действительно что-то случилось.

— Я, наверное, пойду. — Марк стал подниматься.

— Никуда ты не пойдешь. Я — немая. Рассказывай всё.

Ещё с полицейской школы она усвоила правило: «Дай свободно выговориться, если хочешь услышать правду».

Парень успокоился и налил третью чашку кофе. Он совсем не спал прошлой ночью.

— Легко сказать — «рассказывай». Там, на стадионе я всё думал, как тебе это рассказать, чтобы поняла. И не придумал. Я сам до конца не понял... в общем Губер — не человек. Пришелец. Инопланетянин, если так можно назвать. Не понимаю, откуда он. Отовсюду. Он — Всё вокруг. И мне показал, что я такой же. И ты такая. Мы как он, только застряли в придуманной реальности...

— Боже, Марк, — не удержалась Роза, — что ты несёшь?!

Его глаза вспыхнули, лицо покраснело. Подняв руки над головой, он крикнул на всю кухню:

— Роза, я был там, говорю же! Всё просто, раз и ты уже не здесь, а там. Они делают так каждую тысячу лет. Туда-сюда, туда-сюда... всегда рядом с нами. Приходят, живут среди нас, изучают. Они везде. Пришельцы... из Вселенной. Мы, такие же, только что-то случилось, и мы когда-то давно остановились и перестали быть ими...

— Так, хорошо, — мягко произнесла девушка, выставив ладони вперед, отстраняясь, — только успокойся. Больше я не стану перебивать. Говори.

Марк опустил руки, сделал глоток остывшего кофе и чуть слышно продолжил:

— Я понимаю. Я и сам так реагировал. Да, я так и реагировал поначалу, пока не увидел всё.

Поднявшись, в третий раз достал сигарету.

— Кури, — разрешила Роза.

Он подошёл к окну, открыл форточку.

— Этот Губер сразу показался мне странным... — Марк выпустил дым в холодный туман.

Больше Роза не перебила его ни разу.

Когда он ушел, она настежь открыла окно, выветрить табачный дым, затем допила холодный кофе, наполнила миску кота Маркиза синтетическим молоком и направилась в ванную комнату. Второй раз за утро она принимала душ. На этот раз контрастный. Ледяные

струи обожгли смуглое тело, и кровь, стремясь согреть кожу, быстро побежала по венам. Минуту она стояла с закрытыми глазами, стискивая зубы и напрягая мышцы. Когда ступни стали леденеть, повернула кран смесителя и под горячим напором тело непроизвольно расслабилось. Она еще несколько раз проделала эту процедуру, пока в голове не стало совершенно пусто. Потом долго стояла под тёплым нежным потоком, оттягивая неизбежное окончание приятной терапии. Хотелось очнуться и снова оказаться на беговой дорожке влажного туманного стадиона. Но это был не сон, и случившееся теперь так просто не забыть.

«Надо же, — размышляла она, — а казался таким уравновешенным. Спокойным, рассудительным. На меня засматривался, но не более. Умел не показывать. Правда, много курил, но... разве в этом причина? А в чём? Переутомление, стресс? Да, спокойный-то он спокойный, но стрессоустойчивость на нуле. Всё равно не верю. Никогда бы не подумала. Надо же...»

Обернувшись в полотенце, вышла из ванной комнаты, переоделась в спортивный костюм, включила музыку и приняла стойку для ежедневной двадцатиминутной силовой тренировки. За четыре года Роза ни разу не изменила и этой привычке. Но, не дойдя до упражнений с гантелями, бессильно повалилась на пол, уткнувшись пустым взглядом в потолок.

— Надо же, — прошептала снова. — Эх, Марк. Что мне с тобой делать?

Затем поднялась, включила монитор и впечатала в поисковую строку три слова: «галлюцинации при шизофрении».

* * *

— Мы следуем Кодексу Мегалополиса, потому не имеем права на депрессию.

— Ефрейтор, вы уверены? Проблема существует?

— Уверенна.

— Всё одно не понимаю. Впервые меня просят за другого.

— Лично мне отпуск не нужен. Я прекрасно высыпаюсь после дежурства, и каждый вечер медитирую перед сном. Никогда не пользовалась снотворным. Утренняя зарядка, в выходные стрельба и каратэ. Ежегодное заключение медкомиссии — здоровье отличное.

— Я не про это... почему вы уверены, что Марку отдых нужен именно сейчас?

— Не смогу объяснить, господин комиссар, прошу верить на слово, — отчеканила Роза, максимально вытянувшись в стойке «смирно». — Это не моя тайна. Скажу лишь, что связано со здоровьем. Сам рапорт не напишет, поэтому приходится мне. Отдых ему чрезвычайно нужен именно сейчас.

— Хорошо, я подумаю. Свободны.

Отдав строевой салют, Роза развернулась кругом и вышла из кабинета.

Комиссар полиции Константин Витте остался один. Он сел за массивный стол в дорогое кожаное кресло и прикрыв тяжёлые веки, досадно прошептал:

— Гори всё огнём...

Он очень устал за целый день. Утренняя планерка, графики результативности, ещё и эта проверка из СОТ... как же всё надоело. Он опустил руки, сгорбился. Разбитый дряхлый старик. Он вспомнил о запланированном праздничном ужине. Как же дожить до вечера?

Сегодня у них с Анной годовщина. За двадцать пять лет совместной жизни он показал себя хорошим семьянином, любящим отцом и верным мужем. Прожить четверть века с одной женщиной, такое в нынешнее время удавалось не многим, и сегодня вечером он отпразднует юбилей этого подвига. Как ни странно, он до сих пор любил свою жену. Вернее, не то чтобы любил, а скорее привязался к ней на столько, что уже не представлял жизни без неё. Погладив лысину, он вполголоса произнёс:

— Да, Анна, скоро всё это кончится.

Комиссар полиции Константин Витте, недавно начавший полнеть статный мужчина, был лыс как бильярдный шар. Эта наследственная особенность преследовала всех представителей мужского пола в его роду. Вся без исключения мужская линия рано лысела и к тридцати годам становилась гладкой как колено. Как раз после тридцати, полностью облысев, Константин Витте отрастил пышные усы, дабы придать хоть какую-нибудь волосатость оголённой голове. Усы прекрасно шли к его офицерской форме и каждое утро, поднимаясь по мраморной лестнице бывшей виллы беглого миллиардера, в котором в те годы располагался штаб округа, он с гордостью рассматривал себя в больших зеркалах, висевших на стенах в дорогих позолоченных рамах. Сейчас же, в пятьдесят, когда-то сверкающие здоровьем и силой усы начали заметно сесть, и Витте всё чаще приходилось подкрашивать их хной. Он был стопроцентный нарцисс, любил себя, свои усы и даже любил свою гладкую лысину и, в общем-то, был вполне доволен нынешним положением дел. Единственное, чего не любил комиссар полиции, так это свою работу. Двадцать пять лет назад, в самом конце войны, будучи демобилизованным по легкому ранению он, молодой адъютант начальника штаба Балканского округа Юго-Восточного фронта, вступил в добровольные дружины по наведению порядка на оккупированных территориях. То было беспокойное время «чисток», и Витте пришлось стать дружинником, дабы показать свою лояльность к новому победившему правительству. Когда беспокойные годы «чисток» прошли и дружины реорганизовались в полицию, Константин понял — это совсем не его путь. Но будучи человеком обстоятельным, понимая, что только так он может прокормить уже тогда беременную молодую жену, молодой инспектор остался на ненавистной ему службе на целых четверть века. В глубине души искренне удивляясь — как самому удалось дослужиться до комиссарского кресла, Витте терпеть не мог служак, а себя приравнивал к натурам возвышенным и утонченным. Лишь преданность вышестоящему начальству и усердие, с которым она демонстрировалась, позволили сделать такую головокружительную карьеру.

Комиссару полиции Константину Витте оставалось до пенсии ровно полгода и эти шесть долгих месяцев тянулись дольше, чем вся его двадцатипятилетняя служба в полиции. Он достал из верхнего ящика стола календарь за текущий 2045 год, в котором, начиная с новогодних праздников, зачеркивал жирным красным крестиком дни до долгожданной даты ухода на пенсию и взглянул на настенные часы. До конца рабочего дня оставался час. Взяв красный маркер, он прицелился и поставил на сегодняшней дате жирный крест. Облегчённо выдохнув, положил календарь обратно в стол.

Затем поднялся, надел пальто, специальной расческой расчесал перед зеркалом усы и вышел из кабинета. О просьбе старшего ефрейтора Розы Норман комиссар забыл сразу.

Шагая по коридору, Витте на ходу говорил в трубку:

— Да... буду, дорогая.

Служебный коннектофон ему полагался по должности. Зная, что личные разговоры

записываются, всё же говорил, не стесняясь открыто. Во-первых, он без пяти минут пенсионер, а во-вторых, сейчас он разговаривал со своей женой Анной — близкой подругой супруги генерального прокурора Юго-Восточного Кластера. Витте небрежно махнул дежурному, отдавшему приветственный салют, и продолжил:

— Конечно, лучший столик...

Выйдя из здания, продолжая разговор, комиссар направился к стоянке электрокаров:

— Конечно, да-да, в нашем ресторане... да. Всё помню, дорогая...

Он пересек улицу, прошёл к центру стоянки, поравнялся со своим новеньким красным «General El» и вдруг замер. Рука, невольно дрожа, стала скользкой от пота. Пальцы разжались, и коннектофон звонко плюхнулся на асфальт в густую кровавую лужу, забрызгав дорогие лакированные туфли.

Рабочий район СЭС W23 считался самым неблагонадёжным в Кластере и всё-таки то что увидел Витте, невозможно было увидеть ни в этом месте, ни в это время, ни ему, комиссару полиции. На земле у переднего крыла его машины, прислонившись спиной к водительской двери, сидел человек в старом поношенном пальто и смотрел на Константина пустыми стеклянными глазами. Рот перекошен жуткой гримасой. По бескровному морщинистому лицу из-под детской вязаной шапочки стекают, где-то запекшиеся, где-то совсем свежие черные кровавые струйки. Труп будто распят — ноги и руки разведены широко в стороны.

Рвотный спазм сдавил горло. Комиссар прикрыл ладонью рот.

На правой руке мертвеца ярким пятном краснел гипс. Именно краснел, так как весь он был насквозь пропитан кровью.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы:

Медучреждение № 5647 окружного подчинения
Юго-Восточный Кластер СЭС W23
ул. Победы 2020-го года, строение 227, корп. А
Совет Объединенных Территорий
Мегаполис-Ф5899
оф. тел. 342-987-654
Эксперт-криминалист 1-й категории
Яков Соломонович Липсиц

АКТ ЭКСПЕРТИЗЫ № 9840
(предварительный)

Объект исследования: Аркадий Шамшаган, 20.03.2000 г. р.

Найденный 24 марта 2045 года на стоянке служебных авто по адресу: ул. Победы 2020-го года, строение 225, труп мужчины доставлен в лабораторию в 18 часов 12 минут по средневропейскому времени и опознан тремя сотрудниками отделения полиции (Акт опознания прилагается). Труп осмотрен мной в тот же день. Окончание осмотра 18 часов 37 минут 24 марта 2045 г.

ПЕРВИЧНОЕ НАРУЖНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

Труп мужчины правильного телосложения, рост 174 см, вес 71 кг. Наблюдается усиленный грудной кифоз. Кожный покров грязный, с серо-бурыми наростами на эпидермисе, с большими участками застарелых повреждений. Наличие трупных пятен невооруженным глазом не просматривается, что свидетельствует о времени наступления смерти не более двух часов перед осмотром, а именно 24 марта с 16–00 до 18–00. Множество мелких ссадин, в основном давнего происхождения, не относящиеся к дате смерти. Правая рука в гипсе. При снятии гипса обнаружено, что рука повреждений не имеет.

Затянувшаяся гематома под правым глазом приблизительно недельной давности с внутренним кровоизлиянием. Глаза не повреждены. Рот приоткрыт и скошен вправо из-за спазматической фиксации мышц височно-челюстного сустава.

Смерть по предварительному заключению, наступила в результате удара тяжёлым предметом в левую височную кость. На остальной части лица механических повреждений нет. Волосы на части головы светлые, короткие. На лбу, на лице и на волосах при визуальном осмотре обнаружено большое скопление засохших подтеков крови размером до 12 см.

Под головным убором обнаружено следующее:

- черепная коробка аккуратно распилена по горизонтали;
- линия распила прямая, ровная на 2 см выше глазничных частей лобной

кости;

— верхняя часть черепной коробки с волосяным покровом зафиксирована на нижней части черепа с помощью клейкой ленты;

— спинномозговая жидкость в черепной коробке отсутствует полностью;

— головной мозг отсутствует.

На исследование направлены:

— кровь на спирты;

— тампоны с мазками содержимого полости рта и черепной коробки;

— частицы эпидермиса в 10 % растворе формалина.

Все повреждения сфотографированы и запротоколированы.

Более детальный анализ медэкспертизы будет предоставлен после вскрытия.

Вывод на основании проведенных исследований будет направлен следователю в течение 3-х суток.

Все вышеизложенное подтверждаю.

Дата: 25 марта 2045 года

Подпись: Липсиц Я.С.

Стоя у длинного алюминиевого стола с телом Шмайсера, Марк трижды перечитал акт медицинской экспертизы, подписанный Яковом Соломоновичем.

— Да уж, молодой человек, я-то думал, что всё повидал на своём веку. — Низенький опрятного вида эксперт в ярко-оранжевом довоенной моды галстуке снял синий халат, аккуратно повесил его на вешалку и засобирался домой.

— Я тоже так думал, — сказал Марк.

— Надо же, — покачал головой старый еврей, — под самым носом у полиции. Ну и времена.

Марк кивнул в угол, на пропитанную засохшей кровью горку колотого гипса.

— Вы его сняли?

— Похоже, парня забили до смерти собственным гипсом, — невесело пошутил эксперт.

— Значит и рука... Понятно теперь, — еле слышно произнёс Марк и, повысив голос, специально для Соломоновича добавил: — четыре дня назад я видел его с этим гипсом. Вы уверены, что рука цела?

— Ой-вей, юноша. Видели ли вы когда-нибудь на сто процентов в чём-либо уверенного еврея? Молодой человек, я не только в себе не уверен, я даже в своей жене не был бы уверен, если бы она у меня имелась. Но в чём я абсолютно уверен, так это в том, что эта рука, — он указал на правую руку Шмайсера, — никогда не была сломанной.

Марк молчал. Внутри клокотало. Он был готов взорваться от переполняющего желания крикнуть — «Эврика!», но всячески сдерживался, чтобы у прозорливого еврея не возникло ненужных вопросов.

— Как это «головной мозг отсутствует»? — спросил он как можно спокойнее.

— Такое часто случается даже у живых, — многолетняя работа с трупами выработала у Якова Липсица стойкий медицинский цинизм.

— Это мотив?

— Я эксперт, а не следователь.

— Больше нет следов насилия?

— Читайте акт, господин Кариди. И, кстати, пустая голова нисколько не исключает самоубийство. У многих суицидников та же проблема — полное отсутствие мозгов.

— Мне не до шуток.

— Так, ладно, на сегодня всё. Остальное прочтёте в окончательном отчёте, — раздраженно затараторил эксперт и наигранно замахал руками. — А теперь, молодой человек, дайте покой и мне, и себе, и трупам.

Говоря это, Яков Соломонович подхватил Марка под локоть и мягко, но сильно, будто пилил кость, принялся подталкивать к выходу.

* * *

Чрезвычайное происшествие взбудоражило всё полицейское управление. Витте срочно вызвали в окружную префектуру, где битых два часа он простоял «на ковре», шевеля как таракан взмокшими усами, то и дело протирая лысину шелковым носовым платком, и получая «нагоняй» от прокурора Юго-Восточного Кластера Георгия Новака. Мертвый бездомный на полицейской стоянке, да ещё без половины черепа — это ЧП.

— Пенсия?! Не дождётесь! — не унимался эмоциональный прокурор, просверливая пронзительным взглядом обильно потеющий комиссарский лоб. — Наверху ходят слухи! Уважаемые люди начинают задавать вопросы! Куда смотрит полиция?

Комиссар сунул промокший платок в карман идеально отглаженных брюк и потупил взор, всячески пытаясь не пересекаться с холодными налитыми кровью прокурорскими глазёнками. Но, из-за большой разницы в росте, маленький прокурор как нарочно ухитрился снизу заглянуть в раскрасневшееся лицо комиссара, издевательски буравя бесцветными зрачками его взъерошенные топорщащиеся усы.

— Именно у вас и именно сейчас! Ай-ай-ай! Когда на носу окружная проверка! Как вы могли проشياпить? А я вам доверял, Витте, как себе.

Маленький толстенький, заложив руки за спину, он вьюном кружил вокруг комиссара и громко сопел в такт своим быстрым мелким шажкам.

Прокурор Георгий Новак, дёрганный неуравновешенный холерик, обожал показательные психологические экзекуции. Удивительно, что Константин Витте за семь лет пребывания в должности комиссара, прошёл через это всего лишь раз. И то, в самом начале, сразу после назначения. Больше для профилактики. После того случая его звериная способность чутко опасность и умение обходить острые углы, помогала долгие годы избегать «прокурорского ковра». И вот это случилось. И почти перед самой пенсией!

— Его нужно найти, — кричал прокурор, — и срочно!

— Кого найти? — заикаясь, промычал Витте.

— Того, кто это сделал, черт побери! Не злите меня, Витте! — заголосил прокурор, суетливо размахивая перед комиссаром маленькими ладошками с растопыренными пальчиками-сосисочками. — Как ему это удалось?!

— Я... э?

— Да-да! И не думайте, что коль наши жены давние подруги, это как-то поможет вам, дорогой Константин!

Новак редко называл комиссара по имени. Практически никогда. Они не были друзьями, прокурор вообще не имел друзей. Не имел даже приятелей. Он не терпел

фамильярности, общался надменно и сухо, был самодур и немного сноб. Среди коллег Георгий Новак слыл неприятным человеком. Но жены их действительно, познакомившись как-то давно на одном из благотворительных балов, на долгие годы стали близкими подругами. Потому от слов «дорогой Константин» у Витте похолодели кончики ушей.

— Как вы упустили его?! — прокурор тряс перед носом комиссара гербовой бумагой. — Он был у вас... вместе с этим... мертвым Шампша... как там его, чёрт?

Зардевшись как переваренный рак, перейдя на визг, он завопил что есть силы:

— Срочно в розыск!

Прокурор Новак был вне себя от бешенства. Он трясся и извергал молнии. Но тому было объяснение — буквально час назад, в этом кабинете, так же как сейчас Витте, тогда стоял он, а высокий хорошо сложенный молодой человек в чёрном дорогом костюме с аккуратной косичкой ухоженных светлых волос, сидел в его кресле и говорил эти же слова:

— Его нужно найти. Срочно. И не вздумайте расстроить меня, дорогой Георгий.

Блондин не был похож ни на сотрудника СОТ, ни на убэшника. Для этого он выглядел чересчур элегантно, а подкрашенная «эспаньолка» и идеально ровные прямые усики на загорелом лице выдавали в нём потомственного аристократа. И всё же имелось в его взгляде что-то такое, что заставляло прокурора трепетать, словно кролик перед удавом.

Так же как и комиссар, прокурор буквально весь обливался холодным потом. Но в отличие от Витте, не мог вытереть взмокший лоб, поскольку не имел шелкового платка. Платками прокурор не пользовался. Зато носовой платок имелся у блондина. Черничного цвета, из стопроцентного итальянского хлопка с вышитым большим золотым вензелем «А.Д.». Протерев им позолоченную оправу, гость надел очки, окинул блуждающим взглядом овальный прокурорский кабинет и участливо спросил:

— Неужели, Георгий, вам разонравился этот кабинет?

Новак непроизвольно застонал. Его собеседник улыбнулся и продолжил:

— Надеюсь, вашей вины в случившемся нет. Нельзя за всем уследить. Так ведь?

Блондин поднялся и рядом с его высокой фигурой низенький прокурор превратился в тщедушный нервный комочек.

— Но только не в этом кресле. Помнится, «чистки» всегда начинались внезапно. И когда приходила «тройка» с постановлением оправдания уже не имели никакого значения.

Новак чуть было не свалился на паркет. Его желеобразные щёки мелко вздрагивали от напряжения.

— Пишите, — мягко произнёс блондин, изящно протягивая трясущемуся прокурору чистый лист бумаги.

— Итак, — начал он мягко, но в этой мягкости слышалась смертельная опасность. — Санкция прокурора на оперативный розыск.

Придерживая лист дрожащей ладонью, Новак принялся писать. В кабинете воцарилась мертвецкая тишина, как на кладбище. Лишь противно скрипело, елозя по бумаге, дорогое прокурорское перо.

— Имя Эрик Губер. Возраст не более тридцати пяти. Рост выше среднего. Телосложение плотное. Волосы темные прямые, длинные. Высокий лоб, глаза серые. Одет в старую полосатую майку и тёмную куртку. На ногах стёганые штаны и электромонтёрские ботинки. Неделю назад был задержан дежурной сменой Побединского отделения полиции до выяснения. Но по непонятным причинам отпущен, — на последней фразе блондин сделал ударение. — Сейчас место нахождения неизвестно. Он нужен мне ещё вчера, вы это поняли?

Прокурор активно закивал головой.

— Надеюсь, — процедил блондин.

Снова усевшись за массивный дубовый стол, гость придвинул фото в стальной рамке довоенного стиля. На фотографии миловидно улыбались красивая женщина в лыжной куртке и девочка лет четырнадцати в свитере толстой вязки с вышитыми оленями на плечах. На голове у девочки были очки для горного слалома, а вдали, искрясь искусственным снегом, блестел горнолыжный спуск.

— За три года в пустыне я забыл, как выглядит снег, — тихо выговорил блондин. Тонкими, длинными как у пианиста пальцами он погладил лица на фото, и добавил: — От того как вы справитесь, зависит их благополучие тоже.

У прокурора замерло сердце. Сидящий за столом вернул фото на место и властным тоном произнёс:

— Его обязательно нужно найти, дорогой Георгий.

* * *

Алекс Деев вышел из своего «Нагано», новенького спортивного электрокара, и направился к главному входу Управления Безопасности СОТ. Предъявив роботу красный пластиковый пропуск, не спеша пересёк холл и остановился у стеклянной двери скоростного лифта. Рабочий день давно закончился, и здание было безлюдно. Он вошел в лифт и поднялся на последний, сто восьмой этаж. Когда двери кабины открылись, его наручный геолокатор сообщил мелодичным женским голосом: «Вы на месте». Стальной хронометр на стене показывал ровно двадцать один час по средневропейскому времени. Выйдя из лифта, Алекс твердым шагом направился в конец коридора. В тусклом свете дежурных фонарей его высокая фигура отбрасывала длинную зловещую тень, ползущую вслед за ним по полу. Тень то раздваивалась, то совсем растворялась. То появлялась снова черной длинной змеей, цепляющейся мертвой хваткой за его ноги. Когда же он свернул за угол, тень прыгнула на стену и стремительно поползла вверх к потолку, а когда он остановился перед массивной дубовой дверью, тень замерла, словно перед решающим броском.

Алекс любовно пригладил «эспаньолку» и вошёл в отделанный мрамором овальный зал. В центре чернел большой круглый бассейн. Свет был притушен, и женская фигура, лёжа на спине в центре бассейна, почти сливалась с темной гладью воды. В зале не было ничего, на что мог бы сесть Алекс, и стоя на краю бассейна, он в ожидании смотрел на безмятежно нежащуюся в воде женщину. Сквозь прозрачный купол, в отражении водных бликов просматривалось безоблачное ночное небо, и казалось, звезды тоже купаются в чёрной воде.

— Ни о чем не думать — вот истинное блаженство.

Мягкий женский голос подхватило эхо, и густой влажный воздух задрожал над тёплым бассейном. На неподвижной воде, на спине, рассматривая звездное небо сквозь стеклянный свод, с раскинутыми в стороны руками лежала красивая женщина. Купальник выгодно подчеркивал точёную фигуру, а длинные каштановые волосы, змейками покачивались на воде вокруг хорошенькой головки, оттеняя бархатную кожу цвета парного молока. Ей было около сорока, но её тело выглядело гораздо моложе. Она медленно повернула голову, чтобы лучше рассмотреть гостя, затем подплыла к краю бассейна и спросила:

— А вы, Ал, когда-нибудь научитесь расслабляться?

Выйдя из воды, протянула руку. Она всегда называла его коротко «Ал». Он подал ей широкое махровое полотенце и, завернувшись в него, она отряхнула мокрые волосы. Несколько мелких капель остались на лацкане его новенького пиджака.

— Я умею расслабляться, — ответил он. — Только это бывает крайне редко. Работа не позволяет.

Достав из бокового кармана носовой платок с буквами «А.Д.», аккуратно протёр брызги. Женщина еле заметно улыбнулась:

— Надеюсь, вы и к делу относитесь так же, как к своему внешнему виду?

— Полагаю, вы уже убедились в этом.

— Лучшее убеждение — результат. Естественно положительный. Человек, которого вам поручено найти, должен быть преподнесен Совету «на блюдечке» ещё вчера. И помните, я за вас поручилась.

— С вашей поддержкой...

— Это другое. В этом деле правительство не может фигурировать напрямую, и открыто помогать не будет. Так решили наверху. Но и мешать вам тоже не станут.

Подойдя к стене, она поднесла открытую ладонь к замку, и стена разошлась, открыв проход в кабинет, обставленный в викторианском стиле.

— Не знаю, зачем он им понадобился, — продолжала женщина, направляясь к столу, — но они весьма напуганы. Именно поэтому Управление Безопасности также не станет вмешиваться. Вы, Ал, один.

Из верхнего ящика она достала внушительную пачку зеленых поинтов, перевязанных банковской лентой и протянула блондину. Тот не пересчитывая, спрятал деньги в карман и, довольно поглаживая «эспаньолку», произнёс:

— Я практически ничего о нём не знаю. С такой скудной информацией сложно работать.

— Всем всегда чего-то не хватает, — чуть жеманно вздохнула женщина, — вы стали бояться сложностей?

— Нет, но это осложняет...

— Ал, — она резко перебила его, — не помню, чтобы я с вами когда-либо обсуждала нюансы очередного задания.

И затем, уже спокойнее:

— Хотя, вы правы, информации маловато. Старцы держат в секрете. А может, информации попросту нет. — Женщина развела руками, давая понять, вопрос обсуждению не подлежит. — Мы на службе. Я на официальной, вы на тайной. Вы активно начали, и я уверена, справитесь. Кстати, блестящая идея с подброшенным трупом.

— Тут ещё...

— Ал, — она резко подняла руку, — повторяю, мы не на совещании. Мне не интересны планы, мне нужен результат. Помогу лишь этим.

Она взяла со стола тонкую жёлтую папку и протянула её блондину:

— Ознакомьтесь с этим досье. «Старцы» считают, что у него есть напарник. Ну, или сообщник... в любом случае, Ал, присмотритесь к этому молодому полицейскому. Может это та самая ниточка, которая приведёт к клиенту. В любом случае Марк Кариди — последний, видевший его перед исчезновением.

Марк словно превратился в тишину, когда прямо над его головой скрипнула половица. Он лежал в узком подполе своей квартиры и прислушивался к тому, что происходит там, наверху. Когда-то, в довоенные годы метровый в высоту подпол служил кладовкой, и Марк помнил, как он еще ребенком помогал матери укладывать в него банки с соленьями. Сейчас, когда человечество победило голод и перешло на внутриклеточное парентеральное питание, делать пищевые запасы стало совершенно ни к чему. Можно просто побаловать себя чашечкой ароматного кофе утром или бокалом хорошего вина вечером. Можно посетить ресторан, где повар-виртуоз порадует отменным бифштексом, приготовленным по довоенному рецепту с капелькой крови на прожаренной корочке. Есть даже овощные магазины для истинных гурманов. И все же, что касается ежедневной потребности человека в еде, один укол пищевого пистолета, и организм мгновенно получает все необходимые белки, жиры и углеводы. А так же витамины и минералы. Внутривенная еда стала простым и естественным атрибутом сегодняшней повседневной жизни — как дышать воздухом. Теперь приготовление пищи — скорее хобби, чем жизненная необходимость. Организм не засоряется шлаками и токсинами, проблема ожирения решена полностью. Но чтобы у людей не атрофировались органы пищеварения, чтобы не появлялось проблем с зубами, и желудок оставался в рабочем состоянии, еженедельно в обязательном порядке в специальных «воскресных пунктах раздачи» всем жителям Мегалополиса бесплатно выделялись продовольственные пайки из высококачественных продуктов для приготовления воскресного «семейного обеда». Марк не готовил воскресных обедов — стоять в очередях за пищевым пайком ему было просто лень. И хотя на кухне у него давно простаивала без дела, подаренная еще его матери и уже морально устаревшая газовая плита с полным газовым баллоном, он так ни разу и не притронулся к ней. Полностью перейдя на быстрое инъекционное питание и растворимый кофе как неизменный придаток к утренней сигарете, он так и не научился пользоваться этой плитой. К тому же, израсходуй он запас газа, заправить заново баллон в нынешнее время было бы крайне проблематично, на Объединенных Территориях использовалась исключительно электроэнергия. Он еще помнил, что когда-то у них был даже холодильник — техника, потерявшая ныне так же как плита и старый подпол всякую актуальность. Почти все его соседи с первых этажей в доме давно избавились от этой архаики, тем самым расширив пространство своих квартир, но Марк не видел в этом смысла. В квартире все оставалось так же, как было когда-то, при живых родителях. Он не изменил ничего. Оставил не тронутой не только утратившую необходимость маленькую кухню, куда он заходил крайне редко, а и стоящий в самом ее центре древний обеденный стол. Он лишь превратил его в письменный. И подпол под столом оставил тоже. И вот теперь старый подпол пригодился опять.

Половица вновь скрипнула, но уже немного дальше, где-то в коридоре, и Марк понял — в квартиру вошел второй.

Он их заметил еще в скоростном вагоне по пути домой. В полицейской школе его научили распознавать заинтересованный взгляд среди сотен усталых полусонных глаз пассажиров вагона мегалополис-транса. Люди давно привыкли много работать на благо СОТ и жили как в невесомости, не замечая окружающий их мир. Отследить в этом человеческом вакууме интересующиеся тобой глаза для полицейского было совсем не сложно.

Эти двое действовали весьма профессионально и там, в вагоне, главное для Марка было — не выдать, что он заметил за собой слежку.

Марк вышел на своей станции, и те двое последовали за ним. Он подошел к дому и набрал электронный код. Двое прошли мимо и свернули за угол. Но Марк понимал — не для того они шли за ним от самого Центра, чтобы вот так просто пройти мимо. Он быстро вошел в квартиру и, не включая свет, приложил ухо к входной двери. За дверь послышались шаги. Он был уверен, что это именно те двое вошли в подъезд. Не теряя времени, он влез под стол, открыл пыльный подпол, спрыгнул внутрь и закрыл над собой деревянный люк. Все это он проделал быстро, без суеты и лишних движений, как когда-то в детстве, когда играл со старшим братом в «прятки».

Несколько долгих минут в квартире было тихо, и Марк уже решил, что ошибся, как вдруг над его головой скрипнула половица.

— Его уже нет, — услышал Марк низкий баритон.

Кто-то стоял в его маленькой кухне, у старого обеденного стола, прямо над ним.

— Ушел через «черный ход», — сказал второй, — и наверняка думает, что перехитрил нас.

— Он действует именно так, как мы планировали.

— Психологический портрет подтверждается. Еще в вагоне пытался выглядеть хладнокровным, — тенор второго был выше и моложе.

Послышались шаги — обладатель баритона направился в спальню. Второй сел за стол и начал шуршать бумагами. Несколько минут Марк слышал в квартире суету. Они явно что-то искали. Двигали мебель, шелестели бумагами, зачем-то включили воду в ванной. Они не торопились.

— Хотелось бы быть уверенным, что сейчас он далеко, — сказал баритон.

— Не сомневайся, Феликс, — ответил тенор. — Сейчас он кружит по району, как его и учили в полицейской школе, и уверен, что обхитрил нас. Не думай о нем. Главное, что камера внешнего наблюдения у подъезда зафиксировала его возвращение домой. А все остальное не имеет значения.

— Ты, Хромой, конечно, парень бравый, — раздраженно сказал баритон, — но давай ты не будешь мне рассказывать, о ком мне думать, а о ком нет.

Марк вспомнил, второй, который моложе, действительно немного прихрамывал на правую ногу.

— Как скажешь, босс.

— Проехали, — буркнул баритон. — Так, Хромой, делаем дело.

Он терялся в догадках — о чем говорят эти двое? И что они делают в его квартире? Мысли путались. Сердце бешено разгоняло кровь по венам. Пальцы ног похолодели.

— Прием, — услышал Марк приглушенный голос молодого. — Вы на месте? Хорошо. Заносите «куклу» через семь минут. Да... через «черный ход». Да... все готово.

Похоже, он говорил по коннектофону. Такая редкость была доступна не многим. Сразу после войны СОТ в целях безопасности полностью запретил населению пользоваться мобильной связью, оставив лишь проводную для общего пользования, с узаконенным прослушиванием всех разговоров. Беспроводная радиосвязь была лишь у полиции и у армейских, а служебными мобильными коннектофонами пользовалось только высшее руководство госучреждений, высокопоставленные чиновники, лица приближенные к Совету и сотрудники УБ.

«Неужели они из Безопасности?»

Марк впился онемевшими пальцами в деревянную перекладину под собой. Старая доска предательски скрипнула, и у Марка перехватило дыхание. К счастью, незваных гостей рядом не оказалось. Они были в прихожей и о чем-то говорили в полголоса. Марк напряг слух, но слов было не разобрать. Он лишь услышал, как трется по полу его квартиры что-то тяжелое и громоздкое. И еще услышал шаги. Но не тех двоих. По полу стучали армейские берцы. Тяжелыми железными набойками на каблуках они издавали неповторимый глухой металлический стук. Такой стук Марк не мог спутать ни с чем. Точно так же когда-то по старому дощаному полу их квартиры стучали берцы его старшего брата Алексея, когда он пришел после ранения в отпуск. Тогда пятилетний Марк также как сейчас, затаив дыхание, сидел в подполе среди стеклянных банок с вареньем, а старший брат ходил по кухне, стуча армейскими берцами по полу, со словами: «Где же ты, Маркус? Куда ты спрятался, партизан!» И весело смеялся. Алексей давно знал, подпол — любимое его место для «прятков», но делал вид, что ищет, и намеренно топал берцами, стуча железными набойками по половицам, прямо над головой еле сдерживающего смех младшего брата. Тогда Марк видел его в последний раз.

Берцы простучали прямо над головой, и вслед за ними над Марком по полу прошуршал какой-то тяжелый баул. Там наверху, явно тащили что-то в спальню.

«Что они там затеяли?» — Марк напрягся.

Вдруг монотонную возню разорвал громкий звонок. Звонил телефон на столе, прямо над люком. Тут же послышался глухой удар об пол и полукрик-полушепот Хромого:

— Аккуратней, черт!

— Спокойнее, — прошептал баритон явно тому, в берцах, — держи себя в руках. Где вас таких набирают. Хорошо, что первый этаж.

Звонок прозвенел трижды. Затем раздался щелчок и Марк услышал свой голос:

«Здравствуйте. Если вы слышите меня, значит я еще на службе. Оставьте свое сообщение после сигнала. Пока».

Телефон длинно пискнул и из динамика послышался приглушенный, но хорошо различимый голос Розы:

— Здравствуй, Марк. Рапорт о твоём отпуске подписан. Поздравляю. Надеюсь, отдых пойдет тебе на пользу, и ты перестанешь видеть пришельцев.

Роза как-то невесело хмыкнула, помолчала и добавила:

— Марк, обязательно сходи к врачу. Я беспокоюсь. Ну, пока.

С минуту в квартире повисла тягучая тишина. Марк замер. В этой мертвецкой тишине был слышен лишь стук его сердца, на удивление спокойно отбивавшего свои шестьдесят ударов в минуту. Он перестал прислушиваться к тому, что происходит наверху и внутренним взором оглядел себя.

Пот ручьями стекал со лба. Во рту пересохло. Пальцы онемели. И все же он был удивительно спокоен. Только сейчас Марк отметил, что лежа в этой многолетней густой пыли, он ни разу не попытался чихнуть. И только подумав об этом, он судорожно сжал обеими ладонями нос и рот, сдерживая предательские спазмы.

Минуту он боролся с желанием, пока инстинкт самосохранения не победил потребности организма.

Наверху было тихо уже очень долго.

«Неужели ушли?» — подумал Марк.

Он поднял было руки к люку, как вдруг опять услышал хорошо знакомый баритон: — Все, пора. Уходим. Забери кассету из автоответчика.

Недолгое шуршание на столе, а затем грохот трех пар обуви кувалдой ударивший по барабанным перепонкам. Сначала армейские берцы громко простучали прямо над Марком, затем, немного в стороне, проковылял, подтягивая правую ногу, хромой и последними, в самом конце, широкие шаги обладателя баритона, таинственного Феликса. Трое шли к выходу.

На мгновение все стихло. И тут Марк услышал глухой стук входной двери и щелчок замка. Убэшники и военный в берцах ушли из его квартиры. Марк сделал глубокий вдох, задержал дыхание, а затем медленно и протяжно выдохнул весь воздух из легких. И все же он все еще не был готов выйти из своего убежища. Он лежал в пыли старого подпола и считал до ста. Счет успокаивал, и восстанавливал силы. Эту привычку он вырабатывал годами, и теперь всегда, произнося слово «сто», приходил в себя. Сейчас время работало на него. Сейчас время было его союзником.

«Они даже не пытались меня найти, — вдруг пронеслось в его голове. — Здесь что-то не так».

Еле уловимый запах защекотал ноздри.

«Что может означать этот визит? То, что они из УБ, в этом нет сомнения. И не только из-за наличия у них спецсвязи. Так работать может только УБ. Спокойно и хладнокровно. Следуя инструкции».

Что-то было в этих безликих посетителях такое, что было свойственно лишь сотрудникам Безопасности. В тоне, в голосах, даже в стуке их обуви. И еще в их общении друг с другом. Холодные, рабочие реплики. Без эмоций, без интонаций. И даже небольшие перепалки выглядели как обычный профессиональный разговор.

«Они забрали кассету. Но не я им был нужен. Конечно же, все это связано с Губером. Я ждал чего-то такого. Он меня предупреждал. Но я ждал чего-то похожего на задержание или допрос. Ждал какого-нибудь выяснения. Чего угодно, но только не этого... Не понимаю».

Марку стало трудно дышать. Он поморщился и вдруг не то, чтобы понял, почувствовал нависшую над ним смертельную опасность. На только что высохшем лбу вмиг проступили большие холодные капли пота. Все его тело задрожало и напряглось как тетива лука перед выстрелом. Горло сковал спазм. Этот запах... он узнал его. Запах, который давно стал редкостью. Но все же, он узнал его.

У Марка перехватило дыхание. Его бросило в жар. Он отчетливо представил красный баллон рядом с белоснежной эмалированной плитой. Его воображение нарисовало совершенно четкую картину — баллон в углу полутемной кухни тускло блестит в пробивающихся сквозь окно фонарных бликах. Цвет баллона красный — цвет опасности, цвет пожара. А выше, на этом баллоне, сверкает хромом, еще ни разу не тронутый, газовый редуктор. И на нем из такого же блестящего, как и он сам, до упора отвинченного крана, свисает, в оплетке похожей на змеиную кожу, и так же по-змеиному зловеще шипящий черный шланг, «с мясом» вырванный из плиты. А недалеко от всей этой конструкции, на подоконнике, тихо потрескивает, мигая пьезокристаллом, его зажигалка с вдавленной в корпус и аккуратно обмотанной скотчем кнопкой. Зажигалка тоже красного цвета — цвета пожара, цвета опасности.

Взрыв прогремел не там, наверху, а именно здесь, в его голове. Даже не в голове, а в

ушах. В его ушах разорвались барабанные перепонки. Марк сжал ладонями уши и не почувствовал горячую кровь, сочащуюся между пальцами — Марк уже не мог ничего чувствовать. От страха и отчаяния он закричал. Наверху клокотало, шипело, трещало и падало. Надо было взять себя в руки, но считать до ста времени не было. Не было и плана спасения. Но сработал инстинкт выживания и ладони сами уперлись в раскаленный люк подпола, надавили и тот вылетел вверх как пробка из бутылки, с грохотом опрокинув пылающий стол.

Жар обжег лицо. Волосы мгновенно сгорели. Руки обхватили горящие доски пола и потянули тело вверх. Ладони тут же покрылись красными волдырями. Но обгоревшие руки боли уже не чувствовали. Марк ногой откинул в сторону стол и, прикрывая голову обожженными руками, побежал к выходу. Входную дверь охватило пламя, а раскаленный электронный замок накалился добела. Марк ударил ногой в дверь, но та не поддалась. Заклинивший замок держал крепко. Еще удар, и опять безуспешно. Он бросился в кухню. На пороге оступился о вонзившийся в пол осколок газового баллона и чуть не упал. Вместо крови в его венах клокотал адреналин. Прямо перед ним в стене зияло черное окно с горячей рамой и оплавившимися осколками стекла. Марк остановился лишь на миг, зачем-то перекрестился и с разбега прыгнул в охваченную густым пламенем темноту оконного проема.

* * *

Яков Соломонович накрыл простыней обгоревший труп и повернулся к Розе.

— Да, девочка моя, патологическая анатомия — это жестокая и циничная штука, — вздохнул он, поправляя маленькие очки на массивной переносице. — Вот карта его медосмотра. Антропометрия тела полностью подтверждается. К тому же при фотосовмещении недавней рентгеноскопии его головы с данным черепом совпадение составило девяносто восемь процентов. Посмотрим еще, что нам даст гематологический метод, а так же анализ его прижизненных рентгенограмм, но, увы, я уже сейчас не сомневаюсь в результате. Это, деточка, наш с тобой Марк.

Вонючка протёр влажные губы, чёрной от вьевшейся грязи, тыльной стороной ладони и передал Пузырю кружку с остатками кипятка. Палкой разгрёб тлеющие угли. Худощавой пятернёй потянулся к импровизированному вертелу, бывшему некогда витиеватой каминной кочергой и, покрутив немного, перевернул запекающуюся над костром тушку, подставляя ближе к жару её блестящую жиром вторую сторону.

— Будто кто специально откормил, — облизнулся в предвкушении сытного ужина.

— Скажешь тоже, — хохотнул Пузырь, даваясь питьём. — Кто ж её будет откармливать? Сама отъелась.

Вонючка посмотрел на приятеля. Саркастически хмыкнул:

— Хм... что бы я без тебя делал? Не человек — сплошной ум.

— Надсмехаешься?

— Нисколько.

— А вот этого ума не желаешь? — Толстяк показал огромный пухлый кулак.

— Ай... успокойся, — отмахнулся Вонючка, быстро моргая болезненно-красными глазами. — Лучше посмотри, что у меня имеется.

Из полусгнившего ветхого тряпья, которое с трудом можно именовать одеждой он выудил чуть надкусанное большое зелёное яблоко.

— Это было у неё в зубах, — сообщил, вертя перед глазами толстяка. — Видать ополоумела от удовольствия, если позволила моему камню угодить себе в голову.

— Дай, — глаза Пузыря жадно загорелись.

— Погоди, пока мясо приготовится.

Пузырь отвернулся, молча сглотнув наполнившую рот слюну.

— Вам, местным всё едино, что в рот пихать, — насмешливо произнёс Вонючка, вынимая короткий с широким лезвием нож. — Привыкли к внутриклеточной синтетике и к социальным пайкам. Капсулы для пищевых пистолетов — удел работяг, Мы достойны лучшего. Правильно прожаренная свежати́на — настоящее искусство, а шедевр стоит правильно подать. Сейчас аккуратно нарежем, и выложим вокруг мяса. Будет красиво.

— Зачем? Мясо оно и есть мясо.

— Не скажи, — Вонючка отрицательно помахал остриём ножа перед одутловатым носом собеседника. — Будь твоя воля, ел бы всё сырым как эта крыса, — ткнул ножом в шкварчащую над углями тушку. Из образовавшегося разреза с шипением вытекла сочная аппетитная струйка.

— Сравнил тоже, — огрызнулся Пузырь.

— Боюсь, мы далеко от неё не ушли. Но всё же добрые люди не должны есть по крысиному. Мы, переселенцы, знаем толк в кулинарии. Вы же стационарные скоро совсем шерстью обростёте.

— Мы должны есть! И неважно, по-звериному или по-человечьи. Да хоть синтетику, лишь бы голод унять! — Пузырь начинал горячиться. Несдержанность и одышка были его отличительными чертами.

— Успокойся, — Вонючка попытался прекратить наседания, — скоро будешь есть.

— Когда же?

— Надо чтобы мясо основательно прожарилось. Чтобы без крови...

— А по мне, пусть и с кровью будет, лишь бы поскорее.

— Крови не надо. Её и так было вдоволь.

— Что ты можешь о том помнить? Тебя и в проекте не было.

— Помнить не помню, но рассказывали жуткое.

— Ладно, давай снимай быстрее! — не унимался Пузырь, не сводя глаз с импровизированного шампура.

Вонючка молча приподнял белёсую бровь. Его скуластое, обтянутое почти чёрной морщинистой кожей лицо исказила гримаса пренебрежения.

— Поторопи своих вшей, — зло бросил он голодному напарнику, — небось, напрочь запутались в твоих нечесаных патлах.

— Я же тебе показывал уже... — начал было Пузырь, но не успел он собрать в кулак болезненно пухлые пальцы, как остриё ножа застыло в сантиметре от его едва выпирающего из жировых складок кадыка.

— Не зли меня, Пузырь, — вкрадчиво прошипел Вонючка прямо в небритую щёку неугомонного поделщика, — и не торопи. Я же сказал, всему своё время.

И действительно, через несколько минут, разложив на непонятно откуда взявшихся тарелках поделённую на две равных части, хорошо прожаренную и аппетитно пахнущую тушку, украсив тонкими яблочными ломтиками, растянув синие губы в довольной улыбке, Вонючка театрально продекламировал:

— Кушать подано!

Но не успел он договорить, как тяжелая лапа Пузыря, разметав по тарелке аккуратно выложенные нарезанные бело-зелёные кусочки, подхватила ещё шипящее мясо и с жадностью затолкала целиком в рот.

— Жирная крыса пожирает жирную крысу, — качая головой, вполголоса констатировал Вонючка. — От привычки жрать избавляет лишь смерть.

С набитым ртом, пережёвывая хрустящие, словно ржаные сухари, хребет и кости, Пузырь не обратил внимания на сарказм. Демонстративно проглотив пережеванное, он блестящими от жира пальцами собрал в пухлую ладонь все до единого яблочные ломтики, и запрокинув голову вверх, всыпал их в широко разинутый рот. Будто кинул лопату мусора в бездонную помойную яму. После чего блаженно закатил под веки глаза и наконец, спросил:

— А что будет на завтрак?

— Ты кроме жратвы можешь думать о чём-либо ещё? — раздражённо бросил Вонючка.

— О чем ещё мне думать? — искренне удивился Пузырь. — О Прогрессе?

— Посмотри вокруг. Мало у нас проблем?

— У меня одна, — ответил Пузырь, неотрывно таращась на оставшуюся порцию в тарелке товарища. — Если у тебя их больше, я могу помочь. Или выслушать, и тебе станет легче, — с наигранным участием добавил он, не отрывая взгляда от дымящегося мяса.

— В отличие от тебя, проблем у меня действительно больше, — кивнул головой Вонючка, отодвигая тарелку в сторону, подальше от похотливых глаз собеседника. — Хотя... сегодня утром я впервые не кашлял кровью. И аппетит появился.

— А у меня аппетит никогда и не пропадал. Даже когда пичкали сибутрамин. Не хочу вспоминать больничную жизнь. Хотели восстановить и снова отправить на перегонку, твари. Уж лучше крысами питаться в тоннелях, чем из смены в смену дышать кислотой.

— Сдаётся мне, Пузырь, с виду ты вроде начал худеть.

— Вот-вот! — рука толстяка бессознательно потянулась к мясу. — Жрать хочется как

никогда раньше. Давай так, ты мне поможешь сейчас, а я тебе... э-э... потом. Мы же друзья.

— Хочешь мне помочь? Неужели? — Сухопарый катала испытующе впился взглядом в лоснящееся лицо своего подобрившего приятеля. — Когда-то у меня был подельник. Человек хороший, но быстро пьянел после третьей кружки самогона. А напившись, начинал оплакивать свою горячо любимую покойницу-жену. Я всегда внимательно выслушивал его. Кивал головой, хлопал по плечу, поддакивал, подливал в его кружку. На следующий день он забывал прежний разговор, а затем всё повторялось вновь. Но что удивительно — во всех этих историях его ненаглядная Сирена, то выпадала из окна собственного дома, то её сбивал неожиданно выехавший из-за угла автокар лошадь, то горло ей перерезал вот такой вот разбойник, как ты или я. — Вонючка осклабился. Насадив на нож свою порцию ужина, обгрызая его по кругу тонкими коричневыми, с большими щелями зубами, продолжал: — После душевных излияний и как следствие, вливания ему глотку дармового пойла, приятелю и вправду легчало. Но легче становилось и мне — я научился различать, когда он врёт. В такие минуты он всегда непроизвольно тёр запястье своей левой руки. Прямо как ты сейчас.

Пузырь мигом оторвал пальцы-сосиски, грязными ногтями скребущие левое запястье:

— Ты хочешь сказать, я тебе вру, говоря о дружбе?

— Я хочу сказать, что с тобой и вправду что-то не так.

— И что?

— Ты всегда ел как боров, но в последние пару дней готов прямо сожрать целый мир. И вместе с тем худеешь на глазах. Как-то постройнел, что ли.

— Вот-вот, и синтетика в рот не лезет. Хочу настоящего мяса! — рыкнул Пузырь.

— Как же, — хмыкнул Вонючка, — тебе всё в рот лезет. Гляди, здоровый цвет лица появился, исчезли мешки под глазами и одышка не такая жуткая, каковой была всегда. Говорю же тебе, и со мной что-то не так... я перестал харкать кровью. С каждым днём чувствую себя всё лучше и лучше.

— Наверное, ветер переменялся. Потянуло от Аккумуляторной в сторону пустыни, потому и стало легче дышать. — Позырь облизнулся. — Оставь хоть кости.

— Погоди... — компаньон настороженно перебил его, жестом призывая заткнуться.

У дальней стены послышался шорох. Вонючка снял зубами мясо с ножа и, не прожевав как следует, проглотил весь кусок сразу, натужно протолкнул в желудок и, всматриваясь в темноту, выставил перед собой нож. Второй рукой потянул из костра тлеющую ветку, дунул, распалив языки пламени, осветил на шорох.

В пяти шагах от них, прислонившись к стене, стоял человек. Длинные слипшиеся волосы скрывали опущенное к земле лицо. Форменная одежда выдавала в нём стационарного охранника. В кромешной тишине отчётливо слышалось тяжёлое надрывное сопение.

— Молния мне в брюхо... — вырвалось у Вонючки.

Он опасливо уставился на кобуру, чернеющую на поясе незнакомца. Тот поднял лицо. Пот ручьями лил по мертвецки бледным щекам. Широко открытый рот жадно заглатывал воздух, словно в том не было ни грамма кислорода. Впалая грудь ходила ходуном. Он явно был не в себе.

— Помогите, — прохрипел, оседая на подкосившихся ногах.

— Кто его так? — опасливо спросил Пузырь.

— Ну, уж точно не мы, — ответил Вонючка.

Человек мешком повалился на землю и, распластав руки, забился в болезненной судороге. Вонючка подполз ближе. Аккуратно отстегнул кобуру, ногой оттолкнул подальше.

Незнакомец таращился невидящими глазами:

— Кто здесь? — закашлялся сдавленным кашлем.

Вонючка молча ощупал карманы незнакомца на предмет кошелька. Ничего не найдя, расстегнул форменную куртку, явно на два размера большую. На первый взгляд ни крови на одежде, ни очевидных увечий. И тут тусклый свет фонаря выхватил из темноты то, что повергло в животный ужас. Подмышки и шея охранника были сплошь усеяны большими зловонными полными гноя и тёмной крови бубонными волдырями.

В страхе отпрянув назад, Вонючка перекрестился.

— Что там? — спросил Пузырь.

— Заражённый... из шахт, — тихо ответил тот.

* * *

Алекс шёл вдоль тоннеля. Дрожащие под ногами лужи искрились в свете его карманного фонарика. С полуночи до четырёх утра тоннель пуст и первый электровагон пройдёт здесь только через два часа. Этого времени неизмеримо много, чтобы найти двух бродяг, и неизмеримо мало, чтобы понять, зачем Агате понадобились их головы.

Прошедшая зима выдалась тёплой. Как впрочем, и предыдущие, за последние пят лет. С момента запуска СЭС W23 — пятой солнечной электростанции на южной окраине Мегалополиса — среднегодовая температура поднялась на один и два десятых градуса и сегодня от южных границ Юго-Восточного Кластера до берегов Атлантики некогда плодородные земли, богатые лесами реками и озёрами, превратились в выжженную пустыню. С другой стороны, теперь есть где размещать новые солнечные батареи, мощные аккумуляторные хранилища и станции электроперегонки. Да и беглецов среди рабочих поубавилось. Теперь они больше боятся смерти в пустыне, чем выжженных кислотой лёгких и как следствие неминуемой биоразборки.

Обходя лужи, Алекс мысленно улыбался. В мире, где теллур заменил золото, где баланс углеводов в человеческом организме регулируется его домашним биопротессором, где лицензированные видеонаркотики свободно продаются в детских магазинах, а уличные торговцы даркфомином множат армию работников фабрик по производству индия, в мире, где всем правит Совет даже тёплая сухая зима и та во благо Прогрессу.

И всё же Алекс очень соскучился по снегу. Он помнил его с детства. Ярко-белый, почти голубой. Девственно чистый и свежий, как новая белая рубашка, какую он неизменно надевал каждое утро. Ежедневно новую.

Чёрт. Он чуть не выронил фонарик. Вязкая слизкая капля проползла коричневой змейкой по рукаву новенькой кожаной куртки. Алекс брезгливо протёр пятно носовым платком, бросил испорченный платок в сточную канаву и двинулся дальше.

Стойкий запах сероводорода, и шум вентиляционных шахт заставили напрячься. Обычно жители тоннелей селились вблизи вытяжных каналов, рядом с магистральными водопроводами охладительных систем. Можно прожить без тепла и крыши над головой, но без воды и еды не проживёшь. Воду давали системы, еду власти. Регулярно вблизи вентиляционных куполов социальные службы оставляли ящики с пищевыми капсулами. Лояльность опустившихся стоила недорого, но позволяла избежать голодных бунтов. Зачем бороться с тем, что можно контролировать, а бесплатная еда — лучший поведенческий

регулятор. Сложнее с потенциально нестабильными. Затяжные психозы у рабочих и панические атаки их жён стали настоящим бедствием трудовых кластеров Мегалополиса. Ситуацию частично спасала химическая психо-коррекция, но восстановленные жили не долго.

Послышался тихий шелест лопастей — патрульный электролёт завис над южной частью периметра. Алекс замер, быстро потушил фонарик и укрылся за развалинами кирпичной стены. Блуждающий луч прожектора, спугнув стайку летучих мышей, скользнул над головой. На мгновение полоснул по выщербленной кладке заброшенного перрона, сверкнул глянцевым металлом монорельса и скрылся за крышами модульных многоэтажек.

Алекс, наконец, вспомнил — снег всё же выпадал этой зимой. В самом начале, в первых числах декабря. Даже не снег, а снежный туман. Жёлтый, почти золотой с красноватым оттенком, и таял, пронизанный солнечными лучами, не достигая земли. Больше до конца зимы снега не было. Обычно слякотные зимние месяцы и в этом году выдались на редкость дождливыми, и неестественно солнечный март торопливо высушивал оставленные унылой зимой, изрядно надоевшие лужи.

Алекс принялся — обычный запах сырости и холода. Трупный он не спутает ни с чем. За три года в пустыне запах мертвечины вьёлся в кожу, впитался в ноздри, стал частью жизни. Палящее, разъедающее мёртвую плоть солнце и трупы, которые некуда хоронить. Многокилометровые массивы солнечных батарей, почти каждую ночь подвергающиеся нападению диких племён сплошь усеяны их гниющими трупами. Как он скучает по снегу.

— Стой, где стоишь, — послышалось за спиной.

Что-то острое уткнулось под лопатку.

«Новая куртка», — подумал Алекс.

— Ты кто? Фильтрационщик?

— Будет фильтрационщик один по ночам шастать, — рядом хихикнул грубоватый бас.

— Тоже верно, — просипели сзади, сильнее надавив на нож.

— Аккуратней, — спокойно произнёс Алекс, — я гражданский. Ищу Вонючку и Пузыря.

Серый от ввевшейся пыли потолок. Такая же серая стена. В тёмной оконной нише бьётся муха. Она пытается разбить стекло и выжить. Но стекло не поддаётся, усилия насекомого тщетны и память снова и снова возвращает Марка на место взрыва.

Он лежит в луже крови и медленно приходит в себя. Сколько же он пробыл так, без сознания? Прикасается рукой к затылку, смотрит на ладонь. Она вся в волдырях и в крови. Боли нет, он просто не чувствует своих рук.

Он с трудом поднимается на колени. Голова кружится до тошноты. Его рвёт чем-то жёлтым прямо в кровавую лужу. Мокрые от крови куски обожженной кожи свисают грязными сосульками. С них в лужу блевотины размеренно в такт дыханию капают чёрные капли. Жутко трещит голова. Ноет плечо.

«Я живой?» — первая мысль.

Когда тошнота проходит, он поднимает голову и осматривается. В вечерних сумерках видит мрачную подворотню. Он лежит у обгоревшего мусорного контейнера, недалеко от груды строительного хлама. Рядом большие чёрные пакеты и пустые пластиковые банки из-под краски. У другой стены темнеет бетономешалка. За ней строительные леса и картонные коробки, заботливо сложенные в аккуратную пирамиду.

«Где я?» — вторая мысль.

— Сюда! — слышно сзади.

Он пробует повернуть голову на голос. В ноздри ударяет едкий запах горелого мяса. Снова накатывает тошнота, и его опять рвёт. Проблевавшись, он пытается вытереть лицо рукой. Лицо жжет. От прикосновения на обожжённой коже лопаются волдыри. Нос забит рвотой, и Марк тяжело дыша, жадно хватая воздух ртом. В луже появляется чья-то тень. Свет фонаря подкрадывается сзади, целится прямо в сгорбленную спину. Луч приближается, и тень приближается тоже. Сначала длинная, размытая она быстро становится короткой и чёткой. Слышны шаги. Их глухой стук сливается с ударами сердца.

Сверху нависает тёмный силуэт. Его не видно, чувствуется спиной. Человек направляет фонарь прямо в лицо.

— Посмотрите сюда! — кричит кому-то тот, что с фонарем.

Опять слышны шаги. Быстрые, но не чёткие, сумбурные, прерывистые.

— Реанимационную бригаду быстрее!

— Уже вызвана.

Ему знаком этот голос. Определенно он уже слышал его где-то — этот низкий приятный баритон.

Пытается встать, но безуспешно. Луч фонаря медленно сползает с лица и устремляется вглубь тёмного двора.

— Он бежал оттуда?

— Да. Выпрыгнул из окна.

— Он все время был внутри? Как так случилось?

— Надо поднять, — ещё один голос.

Марк с трудом поднимает голову и видит перед собой три тёмных фигуры. Луч фонаря скользит по подворотне, освещая ободранные, изрисованные стены. Вырывает из темноты вентиляционные люки, бетономешалку с коробками, дымящийся мусорный контейнер и

снова останавливается на нём.

— И всё же, его надо поднять, — повторяет подошедший, и берёт за плечи.

Пронзительная боль сковывает всё тело.

— Не... надо, — он пытается возразить, но получается лишь несвязное мычание.

Нестерпимо гудит голова. Его держат под локти почти навесу, и в таком положении несут к стоящему неподалёку белоснежному реанимобилю. Ноги висят, едва касаясь асфальта носками ботинок, голова болтается на груди.

— Сюда! — слышно рядом.

Мимо мусорного контейнера во двор, туда, где из окна первого этажа полыхает пламя, бегут люди. Вдали визжит сирена пожарной машины.

Его укладывают на носилки, и заносят в салон микроэлектробуса. Он закатывает глаза, еле удерживаясь в сознании. Кружится голова, и тошнота опять подкатывает к горлу.

— Похоже, ожоги лица и рук третьей степени, — слышит хриплый голос над собой.

Он опять размыкает тяжёлые веки. Перед ним человек в белой рубашке с болезненно-красным лицом. В слабом свете фонаря, на фоне белого его изъеденное морщинами лицо кажется багровым. Человек готовит шприц.

— Кто я? — тихо спрашивает он.

Краснолицый поворачивается и смотрит сквозь него. Затем молча, без единой эмоции, закатывает штанину и спиртом протирает кожу у щиколотки.

— Почти покойник, — устало говорит краснолицый знакомым Марку баритоном и вонзает иглу в пульсирующую вену.

— Тебя уже нет, — последнее, что он слышит, погружаясь в пустоту.

Откуда-то вспомнилось: «Ничего не бойся. Только ты настоящий, всё вокруг лишь твоё воображение».

* * *

«Гони от себя страх подальше. Что думаешь, то и случается», — так Марку в далеком детстве часто повторяла его бабка Тася — потомственная колдунья. Прямо не говорила, намекала:

— Вон идёт, — тихо шептала, сидя на лавке у калитки. — Ай-яй-яй, совсем плохой. На ногах кандалы, и руки связаны.

— Бабушка, где ты видишь кандалы и верёвки? — удивлялся маленький Марк, рассматривая проходящего мимо начальника районной заготконторы.

— Вижу внучок, всё вижу, — бормотала бабка, причмокивая высохшими губами. — Вон, в грудь страх колом вбит. Украл много, вот и боится, что посадят. Да только он давно страхом связанный. Мертвая жизнь. Не для того человек живет.

Через неделю начальника заготконторы арестовали за растрату. Может права была бабка, может нет. То были суровые годы «чистки».

Нахлынули воспоминания. Марк отчетливо вспомнил год, проведенный в далекой северной деревне у бабы Таси. Вспомнил, что именно тогда чрезвычайно привязался к ней, полюбил всем своим маленьким детским сердечком.

Жила бабка на самом краю села у оврага, в бревенчатой избе с земляным полом довоенной постройки. И была известна в округе как чёрная колдунья. Это Марк сейчас

понимал — колдуны не могут быть ни чёрными, ни белыми. Они просто «оттуда» и всё. Но обычным людям свойственно превращать всё непонятное в мистику, окрашивая в чёрный цвет. Особенно жителям далёкого североморья.

По селу ходили слухи, что вся нечистая сила, которая помогает бабе Тасе в колдовском её ремесле, как раз и живет в овраге возле избы. Кто-то даже видел, как по ночам она, эта нечистая сила, пробирается через крохотное окошко внутрь бабкиного сруба и оттуда начинает доноситься вой, хохотание, скрежет и воронье карканье. Чтобы покончить с этими антиобщественными слухами, местный староста даже пытался засыпать овраг, для чего выписал из района экскаватор. Но, то ли сам передумал, то ли люди отговорили, но овраг так и остался нетронутым. Ведь помогала баба Тася селу больше чем пугала его.

Когда Марку исполнилось семь лет, он целый год прожил у бабки. Родители не хотели этого, но решились. «Обстоятельства вынуждают», — как обычно сухо пояснил отец. В те послевоенные годы СОТ предложил ему работу в Африке на строительстве нового мегаполиса. Мир лежал в руинах, нужно было много строить, и это предложение в такое непростое время оказалось весьма выгодным. Отец согласился, подписал контракт на год и уехал. Мать поехала с ним. Марк остался с бабушкой Тасей. Откровенно говоря, после того, как на Северном фронте без вести пропал старший сын Алексей, с семьёй что-то произошло. Недавно крепкие семейные ценности надломились и дали трещину.

Отец с матерью были строителями и по профессии, и по духу. Строили всё — города, заводы, свое счастье, новую жизнь для новых людей. Бабу Тасю они называли «анахронизмом старины», а она их «непутёвыми», то есть «сбившимися с пути».

Марка привезли к бабке весной, за неделю до отъезда. Родители остаться ночевать отказались и, сославшись на дела, вечером уехали в город. Так маленький Марк и бабка Тася стали жить вдвоём.

По утрам бабка поливала разведённым куриным помётом молодую дикую яблоню, росшую у покосившегося забора, приговаривая:

— Объешься яблочком, внучек, в этом-то году.

Запах был настолько ядрёным и так невыносимо резал глаза, что Марк, морщась, представлял как ест яблоки, пахнущие куриным помётом.

— Фу! Бабушка не лей. Яблоки вонять будут.

— Всё из земли, внучёк, и всё в землю, — приговаривала она, посмеиваясь.

Когда баба Тася смеялась, в уголках ее глаз образовывались глубокие веселые лучики морщинок, обветренные щёки прорезали хитрые ямочки, а ноздри двигались в такт смеху так, словно на лице у неё сидит большая дикая птица и машет могучими крыльями, пытаясь взлететь.

Потом они завтракали свежесквашенным молоком и свежеспеченным хлебом. У бабки была корова Чернушка и коза Стефания, и Марк каждое утро старался угадать, каким молоком сегодня его поят, коровьим или козьим.

После завтрака они уходили в лес, где баба Тася собирала травы. Иногда с собой она брала узелок с пирогами и молоком.

— Подарки лешему, — объясняла она, — чтоб пускал и выпускал.

Войдя в лес, раскладывала на лужайке принесённое и здоровалась, кланяясь четырём сторонам.

Она всегда разговаривала с лесом на только им двоим понятном языке.

— Ты жимицу не дашь мне сегодня? Вон ветер какой, звезда упадет. Слезы заячьи

тоже... пропадут ведь. Ты не злишь, не шуришь. Пух мне дикий собрал-то?

Марк не обращал внимания на бабкино бормотание, он упивался лесным воздухом. Это было потрясающее ощущение. Затем придя домой, весь день носился по селу с местной детворой, без жалости тратя бурлящую энергию, подаренную лесом.

То лето на удивление было жарким, таким же, как прошлогоднее. Днями Марк пропадал на речке и возвращался лишь к вечеру обгорелый, грязный и голодный. И счастливый.

Перед сном бабка Тася отмывала его в тазу, нащёптывая:

— Солнышко тебя любит. Вон и волосы цвета солнышка.

Когда же укладывала спать, говорила:

— Не держись за прожитый день, внучок. Завтра проснешься новеньким, утром всегда всё новое.

И он засыпал с улыбкой в предвкушении нового дня и нового себя.

Так пролетело лето. А осенью задождило, и сельская ребятня перестала ходить на речку. В пасмурные дни, прячась с мальчишками в старой заброшенной часовне, они часами пугали друг друга страшными историями.

— Что, Ведьмак, страшно? — подзадоривали Марка, трясущегося от страха после очередной страшилки, — а с бабушкой своей жить не страшно?

Среди детворы ходили разные слухи о бабке.

— Ребята говорят, ты мертвецов умеешь оживлять, бабуля? — как-то спросил он.

— Не умею, — отвечала бабка, штопая носки перед свечкой. — Вон, носки твои лечу. Это умею. А когда они сплошь дырой станут, помрут совсем, зачем их оживлять? Мертвяки не возвращаются.

Баба Тася лечила людей так же, как его носки, тихо и аккуратно, нашептывая что-то перед горящей свечкой. Она лечила всех. Даже совсем тяжёлых поднимала на ноги заклинаниями, снадобьями и травными отварами.

— Я лишь чуток помогаю. Пока в нем есть жизнь, будет жить, — говорила она.

И хотя односельчане «за глаза» шептались, будто видели бабку летающей ночью в ступе, но лечиться к ней ходили все.

Долгими зимними вечерами, в тусклом мерцании свечи, бабушка рассказывала полусонному, закутавшемуся по уши в одеяло Марку сказки, которых он раньше никогда не слышал. Про летающих шаманов, про слепых видящих, про демонов, вселяющихся в людей, про добрых и злых духов. И еще рассказывала, что духи эти прилетели к нам на землю из далёких чужих планет и живут среди нас. Но не показываются — время ещё не пришло. Духов она называла «иными».

Так прошла зима. А весной, после первых оттепелей, приехала мать и забрала Марка в город. Отец с ней не приехал. Он не приехал и потом. Мать сказала, что он на очередной далекой стройке, строит для людей новую жизнь. Больше Марк никогда не видел отца.

* * *

Воспоминания медленно расплываются, возвращая сознание. Он опять открывает глаза, и перед собой видит не пластиковую обшивку реанимобиля, а серый запylённый потолок больничной палаты. Его веки — тяжелые гири. И ещё — он совсем не чувствует своего лица.

И рук. Кажется, что на них нет кожи.

— Алкоголь и даркфомин в крови отсутствуют, — сквозь полудрему слышит он мужской голос. — Ни документов, ничего.

— Пожар? Что-то серьезное? Фильтрация?

— Его привезли сотрудники Безопасности.

Из тумана проступают два бледных облака с темными пятнами вместо голов. Они разговаривают о нем.

— Удивительно как он выжил. Пол-лица как небывало.

— Но почему к нам? В кластерах ежедневно находят заражённых. Зачем сюда? Для этого есть...

— Говорю же, это не наше дело.

— Ладно.

Они продолжают говорить, но слов не разобрать. Затем всё стихает, и бледные облака расплывчатых силуэтов растворяет туман.

Что с ним? Силуэты что-то сказали о пожаре. Он пытается вспомнить. Перед глазами лес. Густая, тёмная чаща. Но ему не страшно. Лес приятно пахнет.

«Освободись», — слышится старушечий голос.

Он — маленький мальчик босой, без майки бежит по пыльной дороге. Навстречу идет отец.

«Ты все-таки приехал за мной!» — кричит мальчик.

Марк открывает глаза. Он лежит в маленькой больничной палате на единственной койке. В палату входит большая грудастая медсестра с колючим взглядом и недовольным рыхлым лицом. Не замечая Марка, она открывает настежь окно, и в палату врывается утренняя свежесть.

— Сестричка, где я? — спрашивает он слабым голосом.

— Без комментариев, — недовольно фыркает та и быстро выходит из палаты.

Он осматривается насколько возможно. Серые крашенные панели. Паутина в углах. На выцветшем подоконнике забытый кем-то пустой целлофановый пакет. Обе руки забинтованы от локтей до кончиков пальцев. Голова и лицо перевязаны тоже. Лишь узкие щели для глаз. Он закрывает их и заново погружается в забытье.

Его будит тихий кашель. У кровати стоит высокая светловолосая женщина в белом больничном халате.

— Здравствуйте, — произносит она, — я ваш восстановительный врач.

Женщина садится рядом на край кровати, и та тихо поскрипывает под ее весом.

— Ваше имя Эрик Губер, так кажется?

Снова вспомнилась принесенная памятью откуда-то из далекого-далекого детства фраза: «Ничего не бойся. Только ты настоящий, всё вокруг лишь твоё воображение».

— Вы, Феликс, чуть было не испортили всё.

Агата Грейс была вне себя. Бешенство бурлило внутри неё свирепым зверем, готовым вырваться наружу и вцепиться в горло собеседнику, но, ни единым мускулом на лице, ни одной фальшивой ноткой в мягком низком голосе, ни малейшей искоркой серых с поволокой глаз она не выдавала своего состояния.

Большой седой мужчина лет пятидесяти пяти, спортивного телосложения, с военной осанкой и с красным лицом гипертоника молчаливо стоял перед ней, опустив голову как нашкодивший ребёнок.

— Отмалчиваетесь? — процедила Агата. — Ну да, известная тактика.

— Он же всё равно у нас, Агата, — пробурчал мужчина.

— Но не в таком виде, Феликс, он должен был быть у нас? И не на больничной койке, а в моём кабинете и при иных обстоятельствах.

Раздражение в её голосе нарастало с каждой фразой. С большим трудом ей удавалось не сорваться на крик. Краснолицый, тот, кого она называла Феликсом, чувствовал возрастающее напряжение, и от этого внешне сдержанного тона ему становилось ещё более дискомфортно.

«Уж лучше бы она орала — думал он. — Было бы легче. Но Железная Агата как всегда, железная».

— Для всех, понимаете, для всех остальных он должен был умереть, но только не для нас. Не для меня. А вы чуть не убили его, Феликс! Чуть не лишили его жизни по-настоящему, вы понимаете это?

Будто лава, поднимающаяся из недр дышащего огнём вулкана, так крик бурлил и искал выхода из её груди.

— Времени не было, — сказал Феликс хорошо поставленным баритоном, — за ним охотились не только мы. Я принял решение инсценировать смерть и нейтрализовать других игроков, а со встроенным чипом он всё равно никуда бы от нас не делся.

— С чипом? — переспросила она. — Он был в квартире все это время.

— Кто знал, что он обнулит чип, а для скана необходимо время...

— Феликс! Молчать! — Агата Грейс молниеносно вскочила с кресла, быстрым уверенным шагом направилась к нему и с размаху звонко хлестнула ладонью по его щеке:

— Разве я спрашивала про время?! Разве я это спросила?!

«Наконец-то» — Феликс облегченно выдохнул.

Она стояла перед ним вплотную, вытянувшись струной, сжав до боли кулаки, такая же покрасневшая, как и его налитая кровью щека, и дышала ему прямо в грудь горячим прерывистым дыханием.

— Вы чуть не провалили всю операцию! Этот парень — наша единственная зацепка. Наконец-то, после стольких лет поисков один из них раскрыл себя. Наконец-то к «иным» появилась хоть какая-то тоненькая ниточка. А вы эту ниточку в огонь!

Индивидуальный чип Марка со стёртыми его личными данными лежал у Феликса в кармане пальто, но сейчас ему совсем не хотелось оправдываться перед ней. Какая разница, кто виноват, важен результат, а он двойкий. Ему искренне хотелось её успокоить, сказать, что он всё исправит, что сделает всё возможное и невозможное.

— Сейчас парень под контролем... — выдал он из себя.

— Феликс, пожалуйста, молчите, — еле слышно перебила она, — помолчите, пожалуйста, так будет лучше.

Агата повернулась спиной, и он понял, буря стала стихать. Он давно и очень хорошо знал «хозяйку». Знал, что им обоим не нужны слова, чтобы понимать друг друга. Знал, что она всегда будет считать его своей «правой рукой» и никогда, и ни при каких обстоятельствах не отрубит эту руку. Знал, что и она это знает. Что если кому ей и можно доверять в этом изменчивом мире, только ему, полковнику Феликсу Арестовскому.

Они познакомились давно, в конце войны, в годы «чисток». Агата была тогда совсем юным инструктором Управления Безопасности по работе с молодежью, а он бывшим демобилизованным разведчиком особого карательного рейдерского батальона, только-только пришедшим по разнарядке в шестой отдел контрразведки УБ. С тех пор настырная, шагающая по головам сослуживцев, подчиненных и начальства, и потому быстро сделавшая головокружительную карьеру Агата всё время держала Феликса, точно сторожевого пса подле себя. И он верой и правдой оправдывал её доверие. Агата Грейс обладала уникальным даром подбирать в команду самых верных ей людей. Два главных правила усвоила она в самом начале службы в Управлении: «Кадры решают всё» и «Незаменимых людей нет». Оба эти правила не подводили её никогда.

Сев в большое кожаное кресло, она упёрла локти в стол и скрестила пальцы рук.

— Значит так, — её голос сделался одновременно мягким и властным, — из больницы забрать, как только это станет возможным. Ограничить все контакты — это и так понятно. До конца «прокачать» легенду о самоубийстве или о несчастном случае, на ваше усмотрение. Мне докладывать обо всем немедленно. Повторяю, не просто сразу, а немедленно. Держи лично под своим контролем. Феликс, отвечаешь головой.

— Понял, Агата. Всё понял.

— Ты не можешь всего понять. Я сама до конца не понимаю, насколько это сложное дело. Но поверь, такого дела у нас с тобой ещё не было.

Она взяла коннектофон и набрала нужный номер. В трубке ответили.

— Отправляю к вам полковника Аристовского, — сказала она. — Он должен знать всё без исключения, вплоть до мельчайших подробностей. Спасибо.

Когда Феликс ушёл, по-кошачьи бесшумно прикрыв за собой дверь, Агата долго сидела, не шевелясь, приковав пустой взгляд к старинному канцелярскому прибору в виде морских раковин с золоченой гравировкой: «Лучшему сотруднику». Она любила старые вещи, сейчас такие уже не делали. Её кабинет, выполненный в староанглийском стиле, дышал одновременно прагматизмом, роскошью и материализмом. Он был скорее похож на музей эклектики второй половины XIX века, чем на рабочий кабинет Председателя Управления Безопасности СОТ.

Агата встала, упёрлась руками о массивную столешницу рабочего стола, и так держась за неё, принялась растягивать затёкшую от напряжения шею, медленно наклоняя голову вперед-назад, из стороны в сторону. Сказывалась усталость, последние сутки она вся была на нервах. Она понимала — положение не такое уж мрачное, как пыталась она представить Феликсу. Да, именно пыталась представить, намеренно сгущая краски. На самом деле всё шло, хоть и с некоторыми нестыковками — куда без них — но всё-таки по её намеченному плану. Сейчас парень находится под наблюдением, и все, включая маразматиков из Совета и остальных проги, уверены в его гибели. Теперь главное, чтобы он вывел её на прищельца,

чем она и займётся в ближайшее время. Сейчас же надо расслабиться и отдохнуть.

Агата сняла туфли и босиком прошла вдоль кабинета, в угол, к маленькой двери за бархатной шторкой. По пути расстегнула жакет и неспешно сбросила его на пол. Туда же упали юбка и белая шёлковая блузка. Оставшись в нижнем белье, она подошла к дверце, открыла и вошла.

В центре овальной залы чернел круглый бассейн, и холодный тусклый свет, пробивающийся сквозь затянутый тучами стеклянный купол, тонул в его тёмной воде. Агата Грейс встала на носочки и потянулась руками вверх, к дождливому небу, нависшему над прозрачным потолком. Затем сняла оставшееся бельё, обнажив идеальную для её возраста фигуру, и вошла в мрачную безмятежность.

Искушавшись, спустя время она лежала в шезлонге, да так и уснула, разметав мокрые волосы по его бамбуковой спинке. Легкая туника, деревянные сандалии, блаженное дыхание полуоткрытых губ. «Fais ce que dois, advienne, que pourra» — большие готические буквы синели татуировкой на её правом плече — слова римского императора Марка Аврелия, ставшие на долгие годы её девизом. Тату было сделано давно, в активе молодежной организации «Смена», в которую Агата вступила в одиннадцать лет. Актив «Смены» стал началом её новой взрослой жизни.

«Делай, что должно, и будь, что будет» — напутствовал Марк Аврелий, и именно так старалась жить Агата Грейс. Стоицизм императора-философа и его логика вдохновляли её. В сущности, она сама была таким стойком, презирающим окружающую тщеславную чопорность, беспредельное самолюбование и неограниченный цинизм правящих проги. Могучая Империя Прогрессоров, казалось, созданная на века, с недавних пор стала пахнуть гнильцой и Агата как никто ощущала этот запах. Так пахнут сытость и лень, прелюбодеяние и измены, кревоугодие и тупое безразличие. Власть не должна так пахнуть, иначе она перестанет быть властью. Агата была уверена, лишь стойки вправе управлять миром людей.

Истинный правитель должен обладать тремя качествами. Первое, душевным покоем и пониманием, что есть то, чего никогда не изменить. Второе, мужеством чтобы изменить то, что изменить всё же возможно. И третье, мудростью, чтобы всегда отличать одно от другого. Таким стойком была Агата Грейс.

Лишь в одном не соглашалась она со своим древнеримским наставником. Не может Закон быть единым для всех, и для рабов и для господ. Не может правитель «уважать более всего свободу управляемых». В этом Марк Аврелий заблуждался. Агата Грейс была уверена — у «управляемых» не может быть свободы, как не может быть её у снега, сковавшего вершину скалы, поскольку если солнце, подтопив снег, даст ему свободу, то несущаяся к подножию горы лавина сметёт всё на своем пути. Холод всегда должен быть крепче солнца.

* * *

— Когда-то их называли медиумами, колдунами, магами... — прислонив указательный палец к голографическому монитору, худощавый зетовец пролистывал страницы электронного архива. Зелёные буквы стремительно неслись по экрану. Снизу вверх — фамилии, имена, даты...

Они находились в маленькой полутёмной комнатке, стены которой были завешаны

плакатами со схемами и графиками.

— В этом списке есть «иные»? — уточнил Феликс.

— Нет. Только земляне. «Розетки». — Зетовец говорил скороговоркой, жестикулируя невпопад и съедая окончания фраз. — Это полная оцифрованная база за последнюю сотню лет. Раньше, увы, никто не занимался исследованиями на таком профессиональном уровне. Всё началось чуть больше века назад, незадолго до Второй Мировой, когда спецслужбы тогдашних сверхдержав стали интересоваться паранормальными явлениями. Четверть этого списка — 1045–1995 годы. История показывает, что «иные» выходят на контакт либо сразу после глобальных катаклизмов, либо непосредственно перед ними.

— Откуда они берутся? Почему именно они? Другие не подходят?

Зетовец поправил очки, нелепо торчащие на длинном крючковатом носу, и развёл руками:

— Мы пока мало, что знаем. Между «розетками» совершенно ничего общего. Закономерности в отборе нет. Все кардинально отличаются друг от друга. Выходит, что подходящих «иные» селектируют по каким-то одним им известным признакам.

— Госпожа Грейс утверждает, что этот пришелец — первый из «иных», раскрывший себя.

— Это не совсем так, — возразил зетовец. — «Иные» и раньше открывались людям, но этот случай — первый за последние два десятка лет. Хотя, несомненно, пришельцы стараются влиять на наше общество исключительно через посредников.

— Стараются влиять?

— Их цели нам пока не ясны, но то, что такое влияние имеет глобальные последствия — бесспорно.

— Так что с «розетками»?

— Сразу после войны 20-го года их количество стремительно возросло. Вот данные таких за 2021-й год, — зетовец протянул полковнику распечатанный список. — Дети индиго, ясновидящие, гении, даже сумасшедшие, но после их число стало резко сокращаться. Отчасти из-за массовых послевоенных «чисток», благодаря которым истреблялось любое проявление инакомыслия. Отчасти...

Он замолчал.

— Ну же, продолжайте, — сказал Феликс.

— Отчасти из-за сложившихся обстоятельств.

— Поясните.

— К концу 22-го года мы не зафиксировали ни одного потенциального посредника. «Розетки» просто исчезли. Если с 50-х годов прошлого столетия, во времена пика технологической революции на планете наблюдалось явное присутствие контакторов, то начиная с 2022-го, наши специалисты долгое время серьёзно полагали, что «иные» покинули Землю.

— Почему?

— Есть мнение, что пришельцы больше не видят смысла вступать в контакт с людьми.

— Вот как? Мы перестали быть им интересны?

— Скорее из-за невозможности проникновения одной цивилизации в другую.

— Поясните.

— Вы слышали что-либо о лженаучном парадоксе Ферми? Считается, будто достигнув определённого уровня технологичности, любая цивилизация неизменно стремится к

самоуничтожению. Парадокс в том, что за последние пятьсот миллионов лет, жизнь на земле, как минимум, пять раз уничтожалась в результате техногенных катастроф, и путь технологического развития является тупиковым, стократно ускоряя кончину человечества. Ферми утверждал, что выбранный нами путь неверен. Всякий раз человек заблуждается в своём выборе. Это заложено генетически и, в конце концов, и современная цивилизация есть очередная попытка пойти неверным путём, и она также как и её предшественницы либо погибнет в технологическом апокалипсисе, либо люди переродятся в пожирающих самих себя низкорослых карликов. Мы же считаем эти утверждения антинаучным заблуждением — прогресс победил голод, болезни, неравенство — но есть отступники, приверженцы Ферми, уверяющие, что именно из-за своего прогрессивного мышления мы всё дальше отдаляемся от Вселенной, потому и одиноки на своём пути... — Зетовец уставился на Феликса безумными глазами.

— Вы отвлеклись, — сказал тот.

— Да-да, простите. Мы, в отличие от «пустынников» считаем, что «иные» стоят на высшей ступени Прогресса, потому нам крайне необходим контакт с ними.

— Так почему до сих пор не вступили?

— После 22-го года они исчезли, и надолго, — зетовец пожал плечами. — Поэтому представьте нашу радость, когда спустя столько лет безмолвия мы запеленговали первого контактёра!

Он заметно оживился, сорвал очки и краем рубашки принялся возбуждённо тереть толстые выпуклые линзы.

— Даже не представляю, — ухмыльнулся Феликс.

— Я не шучу, — зетовец раскраснелся и взволнованно заморгал близорукими глазами. — Для науки это большая удача!

— Вы говорили, у «розеток» проявляются сверхспособности.

— У некоторых из них.

— А остальные?

— «Розетки» делятся на два типа — «проводники» и «трансформаторы». Благодаря первым «иные» держат связь с нашей реальностью, вторые же её изменяют. Так вот, на сто «проводников» один-два «трансформатора». Они-то и обладают сверхсилой. Я могу привести вам несколько примеров...

— А наша «розетка» их каких? — не дал договорить Феликс.

— Гм-м... — зетовец прокашлялся, — нами пока невыяснено. Зафиксировано четыре контакта из них один с «трансформатором». «Проводники» бесполезны, у них нет обратной связи с «иными». «Трансформатор» это другое дело. Но, к сожалению наш «трансформатор» погиб. Сгорел в собственной квартире. И всё же «иной» ещё здесь и мы надеемся на новый контакт.

— Каково наше сотрудничество? — спросил Феликс.

Победно выпрямив спину, зетовец постучал костяшками пальцев по столу.

— Вот видите, господин полковник, наши многолетние исследования не оказались бесполезными. У нас имеется план.

Феликс заинтересованно потёр подбородок.

— Посмотрите, что мы имеем. — На мониторе появились замысловатые графики синусоид и исписанные цифрами таблицы. — Я говорил, что мы не знаем как «иные» подбирают контактёров. Но есть гипотеза, что всё дело в специальном звуковом излучении.

Живые клетки имеют широчайший диапазон звуковых микротонов, но именно этот отрезок, — зетовец указал на часть графика, — и имеет некоторое значение для «иных». Этот звуковой диапазон мы называем — «трансмутационный отрезок». На его-то и реагируют «иные».

На столе появился небольшой полукруглый прибор в виде конектофона первых моделей.

— Это тоновый резонатор и в радиусе полуметра от себя он заставляет биологические клетки резонировать в поле «трансмутационного отрезка». Мы его назвали «Бубен Шамана», и, в сущности, он делает то, что делали когда-то шаманы своим камланием.

Стовосьмизэтажная башня Управления Безопасности — самая высокая во всём комплексе — гордо и величественно устремлялась ввысь из самого центра админзданий Совета Объединенных Территорий. Матово-чёрный цвет, символ власти и величия, придавал ей настолько зловещий вид, что те, кто впервые попал в управленческий квартал либо по своей воле, либо по принуждению, все они без исключения испытывали необъяснимый внутренний трепет, глядя снизу вверх на могучий символ Победы Прогрессоров. Её так и прозвали — «Чёрная Башня». И за цвет, и за послевоенные годы репрессий, в которых УБ принимало активное участие. Сейчас же, упираясь куполом в пасмурное, с редкими серыми прожилками хмурое небо, башня казалась ещё более мрачной и зловещей, чем когда-либо.

Феликс вышел из Черной Башни через служебный выход и очутился в ведомственном гараже. Он на лифте спустился на третий стояночный ярус, в восемнадцатом ряду сел свою служебную «Теслу» и отключил наручный геолокатор. Только сейчас он смог расслабиться.

Прикоснувшись пальцами к пурпурной от пощечины щеке, Феликс улыбнулся. Крайне редко за последние годы он видел Агату такой. Когда она стояла перед ним, разъярённая, пылающая от злости, ему так хотелось обнять её, прижать к своей широкой груди и потечески сказать: «Успокойся, девочка моя, всё наладится».

Спроси его «почему», он бы не ответил, хотя и сам себе неоднократно задавал этот вопрос: почему все эти годы он рядом с ней, почему не ушёл инструктором в армию, хотя зовут постоянно, почему до сих пор не подал в отставку. В свои пятьдесят семь, имея награды и выслугу лет он, ветеран войны, заслужил достойное содержание. Служба в УБ давно опротивела ему, и мысли о тихом уединенном домике у океана всё чаще посещали ночами. Но почему не уходит? Почему продолжает заботиться о ней? Оберегает и беспрекословно выполняет все её приказы, не задумываясь об их сути? Много лет как верный пес он всегда рядом с ней, но при этом, постоянно в тени и на вторых ролях.

И только им двоим ведомо — его роль в её жизни самая первая и самая главная.

Феликс завёл мотор, выехал из гаража в туман и с силой вдавил в пол педаль акселератора. Мощный мотор взревел многосотенным конским табуном, и машина понеслась в серую дымку улиц, прочь от Чёрной Башни.

Впереди его ждал Мегополис. Давно уже не город, а многоуровневый улей с пятидесятиmillionным центром проги — прогрессоров — и пятисотmillionными рабочими кластерами, с настолько стремительной жизнью, что ежедневный бытовой суицид на почве нервного истощения стал для их обитателей привычным делом. Прогресс пожирал лишних людей. Все последние двадцать пять лет его сердце — урбанистический монстр Мегополис строился у Феликса на глазах. Когда он молодым капитаном вернулся с войны, монстр ещё не был таким, но за послевоенные годы обычный миллионник с устаревшей инфраструктурой и множеством муниципальных проблем разросся как на дрожжах.

Гормоном роста послужила объявленная проги послевоенная доктрина, основанная на использовании исключительно солнечной энергии. Солнце стало единственным и безграничным энергоресурсом. Не зря мировое противостояние называли «войной за крохи». Противостояние «зелёных» с нежелающими терять деньги нефтебаронами ползуче переросло в Третью Мировую. Это название было неофициальным, хотя так и было на самом деле. Пройдя всю войну разведчиком карательного батальона, два года участвуя в

политических «чистках», владея такими тайнами, цена которым — сама жизнь, Феликс не смог бы точно сказать, кто сражался в той войне на стороне добра, а кто на стороне зла. Много лет историки спорят о её причине, том, кто первым спустил курок и в целом о необходимости той войны. Но даже самые заядлые спорщики не осмеливаются нарушить табу и до сих пор не ставят под сомнение «руководящую роль прогрессоров в деле победы всего прогрессивного человечества над силами зла и установление мира во всем Мире». Такие пропагандистские лозунги более двух десятков лет ежедневно звучат из каждого монитора с редкими перерывами на трансляцию видеонаркотиков.

В итоге послевоенных реформ цена одного эксаджоуля сравнялась с ценой стакана воды, превратив за четверть века солнечную энергию в нынешнюю реальность: в стекло и бетон этажей, тысячами поднимающиеся в небо и уходящие сотнями под землю; в миллионы километров магистральных тоннелей, паутиной пронизавшими жилые районы; в сотни тысяч сверхскоростных вагонов мегаполис-транса и в сотни Кластеров — спутников Мегалополиса — рабочих городов с солнечными электростанциями, аккумуляторными хранилищами и транспортировочными электромагистралями. Затем монстру понадобились люди, и сотни тысяч несчастных со всех уголков разорённой планеты потянулись превращать его в вечно ревущий, зудящий образец прогресса и страха, изобилия и нищеты, слепоты и веры, цинизма и безразличия.

В эту реальность, разрезая быстро спускающийся вечерний туман, мчал электрокар. Машина, наконец, выскочила из административного квартала, оставив позади высокие многометровые каменные заборы с датчиками движения и сотнями камер наружного наблюдения, бесконечные ворота, шлагбаумы и круглосуточные патрули охраны. Впереди гудел вечный улей.

То, что война носила характер «каждый сам за себя» — это и спасло человечество. Нельзя применить ядерное оружие, воюя с соседями, со всеми без исключения. Битва «против всех» быстро разрушила существующие союзы, альянсы, разорвала договора. Никто не хотел ни новых земель, ни сфер влияния, ни власти. Про идеологию не заикались. Целью воюющих сторон стало единственное желание — выжить.

Но в те годы молодой Феликс не думал, за какие идеалы он воеет в этой непонятной войне. Он был солдатом и делал свою работу. Задумался только сейчас.

Победившие с его помощью проги взяли всё под свой контроль и теперь безгранично владели всем, пряча за словами «национальное достояние» монополию на присвоенную ими Землю. Четверть планеты они покрыли солнечными батареями, сделав электричество единственным легальным энергоносителем. Потребление иных видов жёстко лимитировалось и допускалось лишь для личных некоммерческих целей. Ископаемые источники энергии были запрещены и в странах, до войны добывавших газ, уголь и нефть, теперь свирепствовали голод и разруха. В них практически не осталось людей.

Феликс выехал на скоростную автостраду, включил автопилот и прикрыл усталые веки. Он не спал двое суток. Напряженность вконец измотала его.

«Годы берут своё, — подумал он, — если бы не Агата...»

Он не служил ни недалёкому плебсу, ни его беспринципным патрициям. Рабский народ и цепляющиеся за власть дряхлые партайгеноссе были ему одинаково противны. Когда-то воюя за обоих, он думал, что воюет за своё будущее. Но когда такие как он победили, проги их победу называли «народной» — во имя «прогресса» над «консерватизмом». Когда участвуя в «тройках» он безжалостно уничтожал несогласных с таким утверждением, они называли эти

убийства наказанием врагов народа. Так с помощью подобных ему, проги получили безграничную власть, окрестив её «народной». Теперь у них всё называлось «народным».

Но Феликс больше не служил им. Он служил ей.

— Автобан, один километр, — раздался металлический голос автопилота. — Перейдите на ручное управление. В противном случае транспорт будет припаркован.

Начинался Мегаполис-Сити. Феликс отключил автопилот, снял с шеи брелок, вынул из него карту памяти и вставил в звуковую панель. Из динамика донеслась давно позабытая мелодия:

Электрический свет продолжает наш день

И коробка от спичек пуста.

Но на кухне синим цветком горит газ.

Сигареты в руках, чай на столе,

Эта схема проста.

И больше нет ничего, все находится в нас...

* * *

— Краплеными картами играете, дорогая моя, — Алекс нежно погладил «эспаньолку» и включил ближний свет.

Луч фар вырвал в полутемном тоннеле автострады задние фонари «Тесла», прижавшейся в правый ряд, и Алекс понял, машина перешла на автопилот.

Стремясь всё контролировать лично, он не любил автопилоты. Его спортивный «Нагано» не имел автопилота.

За «Теслой», полчаса назад выехавшей на Главную Площадь из ворот админ-комплекса, он следил больше суток, и все больше убеждался в своей правоте — Агата Грейс ведет двойную игру. Все бы ничего, поскольку она ему платит, и платит весьма неплохо, но... Интуиция, никогда не подводившая раньше, сейчас неистово кричала: «Тебя хотят подставить».

Она не ответила, зачем понадобились мозги трёх юродивых, труп одного из которых он оставил на полицейской стоянке, хотя он спрашивал. Он не любил неопределенность, и это первое, что настораживало. Подкинуть тело полиции — хорошая идея и эффектно исполненная. Так он убил «двух зайцев» — инициировал официальный розыск клиента, и убрал ведущие к нему цепочки.

Оставался ещё полицейский, но его случайная гибель, озадачила Алекса. Алекс не любил автопилоты, неопределенность и не верил в случайности. И это второе, что насторожило. Что же касается объявленного полицией розыска, Алекс будет идти следом и первым доберется до цели. Тогда будет чем шантажировать Агату.

Да-да, именно Агату, потому как она лично уверяла его, что дело конфиденциальное и убэшники участия в нём не принимают. И тут эта серебристая «Тесла».

Её он увидел два дня назад, рядом с полицейским управлением, в первый день слежки за тогда ещё живым Марком Кариди. Вернее, его пеленгатор случайно зафиксировал разговор двух мужчин, сидящих в этой «Тесле». Алекс Деев не верил в случайности, так оно и вышло — они говорили о Марке. Оба были сотрудниками Управления Безопасности СОТ и тоже следили за ним.

В тот день Алекс принял решение, понаблюдать не привлекая внимания, что бы это могло значить, но вечером того же дня Марк Кариди — последний человек, видевший клиента до исчезновения погиб в собственной квартире от взрыва газового баллона.

Собрав случайности и неопределенности в единое целое, Алекс понял, его хотят подставить. Он ещё не видел всей картины целиком, но интуиция подсказывала — началась большая игра, и первыми полетят головы пешек. Но Алекс Деев та пешка, что в большой игре непременно выйдет в ферзи.

Тем временем «Тесла» въехала в Мегаполис-Сити и вскоре припарковалась на стоянке у развлекательного комплекса «Космический парк аттракционов». Из машины вышел седой мужчина старше пятидесяти, подтянутый, в белой рубашке и сером пальто, чьи рукава заканчивались большими узловатыми, будто отлитыми из бронзы кистями рук. Походка выдавала военную выправку.

— Убэшник, — настороженно прошептал Алекс, — такими ручищами только цепи рвать. Шею сломает в секунду.

Человек быстрым шагом, не оглядываясь, направился вдоль стоянки в сторону сверкающего неонном quadro-театра. Его крупная фигура была хорошо различима в зеркале заднего вида. Этот человек напомнил Алексу отца.

Немного постояв перед афишей с военной кино-агиткой «Путь к Победе», человек купил билет и вошёл внутрь. Алекс остался в машине. Он терпеть не мог пропагандистских фильмов прогрессоров, тем более про ту войну. Сразу после победы, в самые первые дни проги объявили «большую партийную чистку», и его отца, победившего в войне в хвании полковника кибер-батальона «К», одного из главных разработчиков решающего наступления, известного как «Сломанная стрела», объявили врагом прогресса. Карательная «тройка» УБ расстреляла его в тот же день на заднем дворе их дома, прямо на глазах у четырехлетнего Алекса. Он до сих пор помнит тот день. Мать не перенесла случившегося и после похорон оказалась в больнице с нервным истощением. Там она и повесилась в уборной на собственных чулках.

Так Алекс оказался в приюте. Они ещё существовали в послевоенные годы. Но, ни прогрессивное воспитание, ни добровольно-принудительное вступление в молодежную организацию «Смена», ни повальная прогрессорская агитация не сделали из него проги — безликого раба системы. Его поколение называли поколением Победы, Поколением 2020. Все родившиеся в военные годы или сразу после неё, воспитывались в духе прогрессорства, с детства учились верить в его торжество во всем мире. Им внушали, что именно они построят будущее. Поколение потребителей привело человечество к войне, их время кончилось. Жить и работать не для себя, а во благо Прогресса — вот главная цель нового поколения. Его поколения. Так же, как всех его сверстников, Алекса готовили к этому в детдоме, в интернате, в армии, в спецназе. Но вопреки, а может благодаря этим учениям, Алекс вырос скорее изгоем, люто ненавидящим и ровесников-проги, и вождей, лишивших его семьи, и всё окружающее его прогрессивное безумие. Учителя постарались — научили по-звериному ненавидеть.

Алекс дёрнул головой. Временами накатывающие воспоминания не давали покоя. В темноте стоянки серебристая «Тесла» одиноко мокла под морозящим дождем, а хронометр на приборной доске показывал ровно восемнадцать тридцать. Киносеанс скоро начнется, и Алекс прикрыл глаза. Он проснется ровно через два часа, когда закончится фильм и человек в сером пальто снова сядет в свой электрокар.

Феликс вышел из машины. Холодный мартовский ветер ударил в лицо. Пригладил седые волосы, поправил выбившийся из-под пальто воротник и направился в дальний угол комплекса, к зазывно сверкающему афишей quadro-театру.

У входа ни души. До начала сеанса от силы минут десять. Он взглянул на афишу. С большого голографического экрана на него в зареве взрыва смотрел обожженный воин, спиной прикрывающий испуганную темноволосую девушку. Под коллажем, по диагонали большими объемными буквами краснела кровавая надпись: «Путь к Победе».

Феликс купил билет и вошёл в здание. Пройдя несколько шагов он, наконец, позволил себе оглянуться. Никого. Лишь тучная билетёрша у входа сканировала билетные корешки. Он резко свернул вправо, прошёл шагов десять по узкому коридору и оказался у маленькой неприметной двери с табличкой: «Служебный выход». Быстро открыв дверь, и оказавшись на темной лестничной площадке, он включил карманный фонарик. Крутая железная лестница вела вниз. Феликс осветил в темный лестничный проём и стал спускаться. Не смотря с виду неуклюжую фигуру, он всё делал быстро, по-кошачьи мягко и аккуратно.

Лестница упёрлась в железную дверь. Феликс дернул за ручку, дверь не поддалась. Достал пластиковую карточку, прислонил к электронному замку и снова надавил на ручку. Сотрудникам его класса полагалось иметь при себе универсальный электронный ключ. В замке щёлкнуло, и холодный ветер из открытой двери обжёг лицо.

Quadro-театр остался позади, впереди сверкал миллионами огней комплекс аттракционов. Но Феликс шел не туда. Он быстро шагал по ночному парку, среди мокрых от унылого дождя деревьев. Он сошёл с вымощенной пиленым камнем аллеи на сырую траву, не замечая, как быстро промокают его туфли, и направился к темнеющим вдали постройкам. Там, на хоздворе, под одиноким уличным фонарём мок его личный автомобиль — переделанный под электробатарей старенький армейский пикап.

Феликс сел в кабину и заботливо погладил приборную доску. Немного подождал, затем сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, выравнивая дыхание. Завел мотор, и пикап приветливо заурчал.

Феликс повернул руль, и машина послушно вырулила на дорогу. Хронометр показывал ровно восемнадцать тридцать. Это означало, что у него есть два часа до конца фильма. Два часа для беседы с тем парнем, лежащим в ожоговом отделении хосписа для бездомных на окраине Мегapolis-Сити.

— Много работы с восстановленными, нервное напряжение круглосуточно, низкая стрессовая устойчивость и вот результат. Я говорила ему — ты связался с сумасшедшими и сам станешь таким. И вот, пожалуйста. Тот асоциальный шизофреник, тот бомж стал последней каплей!

Роза покраснелась. Долгое нервное состояние, в конце концов, прорвалось. Чтобы снять напряжение, непременно нужно было высказаться, излить боль и теперь эта боль нескончаемым потоком выливалась на голову комиссара Витте.

Девушка говорила без остановки, жестикулируя то и дело и стуча по приборной панели представительского «General EL». Казалось, она вот-вот разобьёт её.

Витте не перебивал. Ему было нестерпимо душно и, несмотря на то, что усердно работал кондиционер, пришлось немного ослабить узел подаренного женой дорогого шёлкового галстука. Комиссар слушал невнимательно и ждал, когда девушка перейдет к главному. Машину вёл автопилот.

— Марк вбил себе в голову, что тот бомж... вроде как из другого мира, — продолжала Роза.

«Так!» — комиссар сделал над собой усилие. Он как можно естественней протянул руку под приборную доску и включил спрятанный там диктофон. В это время Роза стремительно повернулась к нему. Комиссар побледнел. Девушка почти сорвалась на крик, и принялась быстро говорить:

— Конечно из другого мира! Из мира сумасшедших! По сути, полнейший бред! Вы можете представить, что этот пришелец прекрасно разбирается в науках, в литературе, в религии, в медицине, но ни года рождения, ни места проживания своего не помнит. Представляете? Ничего о себе сказать не может. Хоть бы какую историю придумал, раз пришелец... чёрти что. Больной. Я видела его — молчун молчуном. И глаза безразличные, пустые, точно в трансе. Обколотый дарком. Да уж, не от мира сего. От мира убогих! Марк никогда не кололся. Курил это да. Но и на видеонаркофиках не сидел как половина моего района. Я говорила ему тем утром, какие галлюцинации? Какой пришелец? Брось говорю! Он смеялся. Блин! Дурак!

Роза распалялась всё больше.

— Роза, — робко вставил Витте, — о каком бомже говорите?

— Да о Губере этом, чёрт его дери! О ком ещё?!

Комиссар напрягся. Это было кое-что. Разговор поворачивался в нужное ему русло.

— Марк всегда брал такие дела, — продолжала тем временем Роза. — Работал с экземплярами на восстановление. Дофилтратационные, двуличные, в общем все ненормальные... много суицидников, наркоманов, просто отбросов. А говорят этим нельзя заразиться. Бедный Марк! Это я не уберегла его! Я!

Она ударила себя кулаком в грудь и осеклась. Было видно, что ей не хватает воздуха. Глаза её налились слезами, вот-вот, и они потекут по смуглой щеке. С силой сжав комиссарскую руку, она произнесла надрывно:

— Я не могу. Как теперь...

— Успокойтесь, девочка моя, — как можно участливей сказал комиссар, — такое надо пережить.

— Тем утром Марк... — она пыталась взять себя в руки. — Тем утром он был какой-то растерянный, сумбурный. Говорил-говорил, курил одну за одной. Был странный. Ну чем я могла ему помочь? Хотя могла. Наверно должна была. Обязана была! А он всё рассказывал мне про этого... и про какие-то там свои галлюцинации. Про космос, чёрт... про схему какую-то, про то, что совсем немного, и он сможет стать таким же как этот Губер. И тогда...

— Что тогда? — капельки пота выступили у Витте на висках.

— Не знаю, — отмахнулась Роза, — какая теперь разница? Что-то связанное с контактом. Что у этих... есть что-то. И что у него это тоже скоро будет. В общем, чушь всякую нёс. Был ни в себе...

Роза отвернулась к окну, и плечи её задрожали. Слезы брызнули из глаз.

— Не надо корить себя. Это несчастный случай, никто не виноват. Тем более вы, — Витте не было жаль девушку. По сути, он так ничего и не узнал.

Какое-то время они ехали молча. Затем Витте спросил:

— Марк прямо так и сказал, что станет таким как Губер?

Комиссар пытался выглядеть как можно естественнее, непринужденно роняя слова, будто лишь для того, чтобы продолжить беседу, но Роза молчала.

— Он так прямо и сказал? — повторил он раздражаясь.

Роза не услышала вопрос. Она не слушала, она была далеко. Память снова переносила её в утро того рокового дня, в котором Марк был ещё жив:

— Я не предприняла тогда мер, оставила Марка одного. Надо было не отпускать, силой удержать, заставить провериться у специалиста, ни в коем случае не позволить развиться болезни. Вот что я должна была сделать. Кризис бы со временем отступил, и Марк был бы жив.

Витте мысленно выругался. Испортившаяся погода весь день давила на психику — серый мучительный день, вязкий, тягучий утренний туман, сменившийся дождём, заливающим лобовое стекло электрокара.

— Послушайте меня, Роза!

Она, наконец, очнулась.

— Прошу вас, держите себя в руках, — Витте еле сдерживал раздражение.

Он мало чего добился, но чуял нутром — сейчас бессмысленно на неё давить. И всё же больше он не позволит себе стоять на прокурорском «ковре» и слушать слова: «О достойной пенсии и не мечтайте». Кое-что уже есть на диктофоне, но если этого окажется не достаточно, он найдет способ разговорить эту девчонку. Кем бы ни был Губер, комиссар непременно найдет его и лично доставит в префектуру Юго-Восточного Кластера. Доставит Новаку живым или мертвым. Он сделает для этого всё. Его отделение со вчерашнего дня полностью задействовано в розыске, фото клиента переданы в районные полицейские инспекции, в дежурные участки транспортных узлов, в больницы, в морги. В объявленной операции «Перехват» участвует практически весь округ. Любая информация о разыскиваемом может стать решающей. Его звериное чутьё подсказывало ему — Роза знает больше, но тоже чутье говорило, не надо на неё давить. По крайней мере, сейчас. Вернее будет оставить разговор на потом. Как-то странно она назвала этого Губера прищельцем.

— Не корите себя, — как можно мягче произнес он, заканчивая разговор, — и надеюсь, мы после вернёмся к этому разговору.

— Так решила наша ночная медсестра, — дежурившая в ожоговом отделении светловолосая женщина-врач неуверенно поправила форменный халатик, — видимо он в бреду постоянно повторял именно их.

— Он что, повторял эти слова? — уточнил Феликс.

Она кокетливо пожала плечами:

— Да. Всю ночь перед операцией. Только два слова и больше ничего. Скажите, кто он? После того как вы его привезли, мы даже медкарточку не можем завести. Это не по правилам. Нет, я всё понимаю, я знаю, кто вы... вот, видите... и операцию, как просили, сделал ваш хирург, но...

И собрав всю решимость, пытаясь придать голосу максимум весомости, выпалила:

— Но почему именно в наш хоспис? У вас есть своя отличная ведомственная больница.

Ответа не последовало. Взгляд полковника был красноречив — никаких вопросов задавать больше не нужно. И всё же, не сумев преодолеть любопытство, женщина не удержалась:

— Так его зовут не Эрик Губер?

Феликс наигранно удивился.

— Вы ошиблись, — сказал он, отрицательно качнув головой, — это какой-то бессвязный набор букв. Чего не скажешь в бреду. Вероятно, вашей медсестре послышалось. Забудьте об этом. Его зовут по-другому, но я вам советую называть его просто «наш пациент». Вы меня понимаете?

Последние слова он произнёс таким тоном, что женщина непроизвольно втянула шею в плечи и кивнула, будто поняла что-то важное.

— Просто пациент, ага, — произнесла она по слогам, словно пытаясь запомнить, как именно произносится эта фраза.

— Вот и славно, — улыбнулся Феликс и участливо спросил: — Как он?

— Больше всего пострадали лицо и руки. Семьдесят процентов заменено искусственной кожей. Внутренние органы не повреждены, легкие в норме. Удивительно, но он быстро восстанавливается...

— Значит, я могу с ним поговорить.

— Исключено, — зачастила врач, махая руками, — это нельзя... к тому же ночь...

Но Феликс уже не слушал. Он мягко, но сильно взял женщину за плечи так, что захрустел её накрахмаленный белоснежный халатик, и спокойно отстранил от двери.

— Мне можно, — негромко сказал он и вошёл внутрь.

В небольшой одиночной послеоперационной на железной койке лежал человек. Руки и голова забинтованы, лишь узкие прорезы для глаз и рта чернеют в белоснежных бинтах. Сквозь два чуть заметных отверстия в нос вставлены трубки аппарата искусственного дыхания, из уголка рта торчит зонд, а рядом у койки, монотонно попискивая, мигает плетизмограммой зеленый экран кардиомонитора.

— Как же тебя угораздило, — произнёс Феликс, стоя перед кроватью, заложив руки за спину. — Инсценировка едва не превратилась в реальность. Погоди умирать, ты нам пока нужен живым.

За окном на железном карнизе, нарушая тишину палаты, крупные дождевые капли

вытанцовывали чечётку, и в их спонтанном ансамбле солировал назойливый писк старенького монитора, неумолимо фиксируя частоту сокращений сердца: «Пи... пи... пи...». Человек был неподвижен. Феликс ждал. Через минуту пиканье прибора участилось, и больной открыл глаза.

— Хорошо, — выдохнул полковник, улыбаясь, — искусственная кожа приживется быстро. Довелось проверить на себе.

Он сел на единственный в палате стул так, чтобы лежащий мог его видеть и сделал приветственный жест:

— Ну, здравствуй, Марк-погорелец.

Лежащий моргнул. Феликс подался вперед, упёрся руками в колени и добавил с оттенком чёрного юмора:

— Скажи спасибо, что мы оказались рядом.

— Тпа-тибо, — еле выговорил Марк, жуя углом рта медную трубку зонда.

— Юмора не теряешь, похвально.

Полковник глянул в окно и подумал, надо бы поставить решётку. Затем серьёзным тоном произнёс:

— В общем так. Меня зовут Феликс, фамилия Аристовский, я — полковник Управления Безопасности, и мы с тобой с сегодняшнего дня играем «в открытую».

Помолчав, продолжил:

— Теперь, Марк, ты знаешь, кто мы и откуда. Не глупый, догадался. Я тебя водить за нос не собираюсь, не тот я человек. Ты, парень, теперь мой, я тебя перехватил первым.

* * *

«Перехватил», — мысленно повторил Марк слова незнакомца. Он попытался ухмыльнуться, но ухмылка получилась кривой. И не из-за зонда. Просто он не ощущал ни губ, ни щёк. Совсем не чувствовал своего лица. Оно было чужое. Ощущал лишь опухший язык, упирающийся в скользкий и мокрый от слюны металлический зонд и больше ничего.

— Ты был там, и знаешь, как это сделать снова, — продолжал мужчина. — Твой переход зафиксировал спецотдел «Зет». Им мало что известно об «иных», но они уверены, что те существуют. Вы с пришельцем вроде как засветились. Зетовцы не могут отслеживать переходы «иных», но ты ведь не «иной». Ты, Марк, законопослушный чипированный гражданин СОТ, и твой контакт отследить было достаточно просто. У «Зет» есть такая возможность. Поскольку это случилось впервые, видел бы ты их радость. Чуть с ума не сошли. Помешались на этом. Я не ученый, не из «Зет». Как раз наоборот. Я военный. Не понимаю этот цирк. За всю жизнь я не встречал ни одного пришельца, не видел ни одного синеголового со щупальцами. Для меня эти отчеты ботаников из «Зет» — полный шизофренический бред. Но в отличие от меня, моё начальство этим отчетам верит. Моим боссам нужны твои «иные». Зачем — не знаю, не моё это дело. Может новые технологии, сверхмощное оружие, альтернативные виды энергии. Это не моя головная боль. Я на службе, и политикой не интересуюсь. Просто надо предоставить боссам твоего пришельца живым и невредимым. Видишь, как всё просто.

В сумерках палаты под унылый шелест дождя и тихое пиканье кардио-прибора этот низкий тяжелый голос звучал особенно завораживающе. Марк даже заслушался.

— Честно сказать, — продолжал Феликс, — сам до сих пор не верю, что два дня гоняюсь за не человеком. Но повторяю, я — солдат и обсуждать приказы не привык. Есть объект и нужно обеспечить контакт. Всё. Как по мне, так найдем мы твоего... доставим куда надо, а там иди на все четыре стороны.

Баритон Феликса явно обладал гипнотическим действием.

— И ты, Марк, мне в этом поможешь. — Он наклонился ближе: — Да?

Марк растерялся. Последняя фраза прозвучала так по-дружески, словно они закадычные друзья, знают друг друга много лет, и нет разницы ни в возрасте, ни в положении, ни в статусе. Будто он, Марк, не лежит сейчас перед этим краснолицым убэшником на больничной койке с перебинтованным лицом и с медленно приживающейся нано-кожей, а сидят они на лавочке солнечным утром в «Космическом парке» и мило беседуют о пустяках.

— Можешь не отвечать, — выдохнул полковник, — у тебя просто нет вариантов.

Марк опять попытался улыбнуться. Все происходящее забавляло его.

«Надо же, открыл тайну. Все знают — силовики из Безопасности никогда не просят. Не то ведомство, чтобы просить».

— Надеюсь, тебе знакомо слово «вербовка»? Так вот, Марк, теперь ты работаешь на меня. Времени мало, поэтому начнём...

* * *

Утро выдалось таким же пасмурным, как и вся прошлая неделя. Лёжа на больничной койке, вытянув вдоль тела забинтованные руки, Марк сквозь щёлочки в свежей перевязке смотрел пустыми глазами на серый потолок и думал о том, как быть дальше.

Пошла вторая неделя, и он шёл на поправку. Волосы стали понемногу отрастать, швы на лице почти рассосались, и теперь ему накладывали совсем легкую бинтовую маску. Временами маску снимали, давая нанокоже подышать. Он уже вставал с кровати и самостоятельно ухаживал за собой. На удивление искусственная кожа приживалась чрезвычайно быстро.

Вчера Марк впервые с момента операции посмотрел на себя в зеркало без маски. На него смотрело чужое изуродованное лицо, и ему стало страшно.

«Этого не может быть. Это не я», — ему до сих пор не верилось в случившееся.

Он закрыл глаза и затем снова открыл их.

«Откуда я могу знать, что это я?»

По каким признакам ты понимаешь, что ты — это именно ты и есть? Неужели лишь по отражению в зеркале? По человеку в зеркале ты судишь о том, какой ты и безоговорочно веришь, что отражение является именно тобой? Но ведь отражение солнца в луне совсем не похоже на настоящее солнце.

Он смотрел в зеркало и видел абсолютно чужого человека. Видел щёки, сшитые как лоскутное одеяло из геометрически правильных кусков искусственной кожи, видел мертвецки белый синтетический лоб, который уже никогда не прорежут хмурые глубокие морщины. Прикрытые опухшими безволосыми веками щели глаз, и череп с нелепо торчащими из редких рыжих островков изуродованными огнем ушами. В центре этого уродства большой бордовый нос, а под ним кривые, еле различимые ниточки губ. Раньше он не сомневался, что человек в зеркале — он. Никогда не сомневался. Даже мысли такой не

возникало. А теперь?

Марк моргнул, и ему моргнули в ответ. Поднял забинтованную руку, и человек в зеркале сделал тоже самое. Рука у него была так же забинтована.

«Эй ты, урод!» — негромко крикнул отражению. Человек тоже крикнул Марку: «Эй ты, урод!»

Два уroda через зеркальное стекло пристально рассматривали друг друга.

«Вот так я и понимаю что в зеркале я», — выдохнул Марк.

В течение жизни человек по ту сторону постоянно менялся. Когда-то давно, в детстве, на Марка из зеркала смотрел маленький мальчик, который не любил умываться и лишь брызгал водой на лицо. Потом появился рыжий подросток, корчивший жуткие рожи. Позже подростка сменил молодой человек, с пушком вместо щетины. Дальше он перестал обращать внимание на того, кто в зеркале.

И вот опять пристально разглядывал своё отражение, заново знакомясь с собой.

— У тебя бывало такое, думаешь, проснулся, но это не так. Пару дней назад я будто бы проснулся, сел в кровати, а в углу комнаты стоит маленькая девочка лет пяти и что-то невнятно бормочет. Я прислушался, ну ничего не пойму. Слез с кровати, подошёл ближе. Слышу, бубнит непонятное. Я ещё ближе. И тут меня в жар бросило. Она смотрит на меня такими кровавыми глазами и шепчет без остановки тихим ласковым голоском: «Ты скоро умрешь, ты скоро умрешь, ты скоро умрешь...».

И тут я по-настоящему проснулся.

* * *

Феликс проснулся в третьем часу ночи. Подушка и простынь были мокрыми, хоть выжимай.

«Почему так душно?» — подумал он и вспомнил, кондиционер сгорел неделю назад.

Он устало поднялся с кровати, подошёл к кладовке и достал старый довоенный вентилятор. Лопасты с тихим, будто кошачьим урчанием раскрутились, и он мокрый и горячий встал напротив них. Он стоял неподвижно, пока тело принимало нежные ласки прохладной воздушной струи. Пот стал остывать, но дышать не стало легче. В спальне, казалось, не осталось больше ни единого атома кислорода.

«Опять приснился кошмар».

Он лёг и вскоре заснул, но спал нервно, недолго и проснулся совершенно разбитым.

Утро вновь выдалось дождливым. Надоедливый бесконечный шум воды за окном длился целую неделю. Радости пробуждения не было, вставать не хотелось. Глядя в потолок, он размышлял о том, что с ним происходит в последнее время.

«Может это болезнь?» — думал он.

Если да, то началась она год назад, когда ему впервые приснилось леденящее душу чувство падения. В том сне под ним вмиг растворилась твёрдая поверхность, и он с невероятным ускорением устремился вниз, словно со скалы в горную реку. Тут же перехватило дыхание, горло пересохло мгновенно, окоченели пальцы ног. Он падал и видел себя одновременно изнутри и со стороны, отчётливо понимая — его смерть неизбежна. Жизнь закончится через минуту, а может и раньше и он навсегда перестанет существовать. Но вместе с этим пониманием появилось и удивительное чувство спокойствия и принятия стремительно приближающейся неизбежности.

До этого сны Феликсу не снились вовсе. И мысли его о смерти до появления этих снов были иными. Но теперь сны рождали в нём осознание неминуемого конца и пустоты. И ещё они рождали страх, который заставлял тело реагировать на мысли о смерти неуютной скованностью, а мозг судорожно гнать их вон из головы. Страх создавал психологический барьер, подавляя неосознанное желание прикоснуться к смерти, постараться понять её.

Всякий раз, падая в бездну, он физически ощущал, как в его организме бурлят немислимо сложные химические процессы, вызывая чувство эйфории, как при влюбленности или в минуты счастья. Падение — тот же полёт, а смерть — такой же наркотик, как и оргазм.

Сознание порождало массу вопросов: Что будет после жизни? Что ждёт его внизу? Пустота или новая реальность? Могильные черви или Вальхалла? Забытьё или бессмертие?

С тех пор он стал спать крайне беспокойно, редко высыпался и почти каждую ночь просыпался по нескольку раз. И каждой ночью он умирал во сне. Всегда по-разному, но с неизменным результатом. Удар, всплеск и кошмар заканчивался так же непредсказуемо, как и начинался. Весь в холодном поту он мгновенно распахивал глаза, словно кто-то будил его, крича над ухом. Судорожно выгнув спину, он поднимал грудь как можно выше, и жадно дышал, хватая воздух пересохшими губами. Это пробуждение как откровение, до смерти пугало его. Может именно потому он и перестал бояться смерти настоящей. Более того, теперь он желал её.

«Наверняка это болезнь. И сто процентов психическая».

* * *

Сегодня полковник снова проснулся разбитым. Как и каждое утро в последнее время. Этой ночью, как множество ночей до этого, его сон опять закончился падением. Кошмары давно не пугали его, но изматывали физически. В тоже время подсознание уже не могло обойтись без них. Смерть во сне порождала в нём такой ураган эмоций, какой просто невозможно было пережить наяву. И это беспокоило его.

Лёжа на кровати, он бесцельно водил туманным взглядом по небеленому потолку. В голове крутилась бесконечная как зубная боль фраза: «Расставайся с собой легко». И раздражала не сама фраза, а то, что он не мог вспомнить, где он её слышал. Он опять задумался об отставке. Он не отдыхал много лет. Никогда не имел ни семьи, ни жены. Служба заменила ему семью, Агата заменила остальное. Отставка означала смерть, так как, уйдя со службы, он ушел бы от Агаты Грейс. Может, поэтому ему постоянно снится смерть? Без Агаты он умрет по-настоящему. Жизнь станет никчемной, не нужной. Без неё он будто гонимый отовсюду ронин — самурай, потерявший своего сюзерена — не приживется больше нигде. Поэтому об отставке и о домике на берегу океана можно забыть. Как ни банально это звучит, но только смерть сделает его свободным. Страх же, взрывающийся внутри сознания адреналиновую бомбу, придавал новые силы для жизни, наполняя энергией.

«Чёрт! С этими кошмарами надо что-то делать! Это или старая контузия дает просрать, или так начинается старость. Немудрено, мне уже пятьдесят семь».

Его дед любил говорить: «Я чувствую, как отмирают клетки мозга в моей голове».

Дед часто повторял эти слова, устало опускаясь на диван, такой же старый, как и он, и приговаривал: «Этого тебе, внучек, не понять. Клетки твоего мозга молодые, и пока ещё любят размножаться». Вскоре дед умер.

«Может, пришло мое время? Что за чушь! Я силён как бык. Подтягиваюсь семнадцать раз, отжимаюсь пятьдесят. Мне даже шестидесяти нет, а ему тогда было за семьдесят! Интересно, а моим мозговым клеткам тоже пятьдесят семь или уже за семьдесят?»

Он встал с кровати и пошёл бриться.

«Я стал бояться ложиться спать», — вдруг подумал он.

Именно поэтому по вечерам всегда находил себе какое-либо занятие, лишь бы не спать. Боялся утром не проснуться, потеряться в ночных кошмарах, бестолково закончить жизнь. Равносильно, как умереть в постели от старости и простуды.

«Не в моем стиле», — усмехнулся, намазывая седую щетину.

Он как древний викинг, как буси, должен умереть в бою, с оружием в руках, защищая её, свою Агату.

Смыв остатки пены с лица, он вытер красное лицо, выключил свет и вышел из ванной комнаты. В прихожей посмотрел на часы. На всё про всё оставалось четверть часа. Он надел с вечера по-армейски отглаженные брюки, свежую, только из упаковки, белую рубашку, застегнул нагрудную кобуру и, машинально проверив большим пальцем положение предохранителя, поправил в ней графеновый армейский десятизарядный VW-9. Затем перекинул через руку серое пальто и вышел за дверь.

В подъезде воняло котами и старостью. В створке соседской двери, наглухо закрытой больше двух недель, веером торчали счета коммунальных служб. Стараясь не смотреть на разноцветные бумажки, словно скрывая свое участие в чем-то тайном и противном, он спустился в подвал.

В сыром полутемном коридоре, болтаясь на торчащем из потолка проводе, мерцала одинокая лампочка. Феликс чуть не задел её головой. Он пересёк два пролета, поднялся в соседний подъезд и через «черный ход» вышел в безлюдный переулок под холодный мартовский дождь.

Обернувшись, убедился — блондина с аккуратной испанской бородкой поблизости не было. Для Феликса с его военным и служебным опытом вычислить слежку было делом тридцати минут. Но тому, что за ним следят, он не придал большого значения. Кто бы ни был тот блондин — друг или враг, из спецотдела «Зет» или работник тайного аппарата, да кто угодно, главное — пока он не мешает Феликсу делать его работу он, Феликс, не будет мешать ему жить. Блондин, естественно, не мог быть другом, друзей у Феликса не было никогда. Он также не мог быть врагом, от врагов полковник избавлялся сразу. Он мог быть лишь претендентом на роль врага. В таком случае Феликс предпочитал ждать, пока враг не проявит свои истинные намерения. Блондин пока никаких намерений не проявлял. Как назойливая муха, кружил вокруг Феликса, но не более. Муху можно не замечать, лишь делать «обходные манёвры». Это даже поможет оставаться в форме. Но коль скоро муха станет надоедать, для этого у Феликса в нагрудной кобуре есть мухобойка.

Из переулка он вышел на оживленную улицу, направился к станции скоростных вагонов мегаполис-транса и попал в утренний час пик. Цепкий взгляд привычно отмечал серые лица прилизанных менеджеров, небрежно одетых курьеров, сонных клерков, операторов, инженеров, чиновников средней руки, спешащих выполнить свой долг. Он протиснулся в забитый до отказа вагон. Ехать нужно было до конечной.

На телемониторе над пассажирскими головами шли утренние новости. Миловидная девушка, корреспондент «Первого канала», брала интервью у пожилого человека, по видимому ученого энергетика. В нижней строке экрана краснело название сюжета «Солнечная энергия — путь в будущее».

Пожилой ученый запальчиво почти кричал в микрофон:

— Хочу заметить, что сегодня человечество производит электроэнергии в сто раз больше, чем в довоенные годы. Десять миллиардов людей уже не может представить свою жизнь без этой энергии. Совет Объединенных Территорий, по сути, совершил энергетическую революцию, превратив планету в огромную солнечную батарею. В наши дни энергия практически ничего не стоит. Вот факты и цифры. Общая площадь планеты, занимаемая солнечными батареями — 37234765780000 м»...

Пассажиры не слушали. Мысли их были, как всегда, заняты собственными проблемами. Лишь некоторые изредка поглядывали на экран.

— Теперь давайте подсчитаем... — вещал динамик. — На один квадратный метр земли приходится в среднем один киловатт солнечной энергии. КПД современной солнечной батареи составляет... — Скучные подсчеты ученого, понятные разве что таким, как он, не вдохновляли на начало дня. — Количество световых часов в сутках равна... — Кто-то, не извинившись, наступил Феликсу на ногу, — ...возьмем умеренный климат, где половина дней солнечные. Соответственно, за год с квадратного метра батареи получим триста шестьдесят пять киловатт в час. В среднем за год...

Вагон остановился на очередной станции, и поток людей чуть не вынес полковника на перрон. Встречная толпа, ринувшаяся внутрь, оттеснила его в середину вагона.

— Теперь сравним эту цифру с довоенным производством, — орал в микрофон старый энергетик. Феликс стал продвигаться к выходу. Мельком взглянул на экран. — ... а это в сто раз меньше, чем человечество производит сейчас! И не только производит. Мы научились ее аккумулировать, хранить и транспортировать практически без потерь. Так-то, милочка. Сейчас у нас столько энергии, что мы можем поделиться ею даже с пришельцами из других планет.

Девушка-корреспондент участливо кивала головой, и время от времени профессионально улыбалась в камеру.

Феликс прикрыл глаза. Вагон постепенно пустел, приближаясь к конечной.

— Солнечная энергия беспредельна, — голос с телемонитора лился нескончаемым потоком хвалебных фраз в сторону мудрого и дальновидного руководства. — Она возобновляема, экологически чиста, а сейчас и экономически обоснована. Надо сказать Совету большое спасибо за мудрое решение наконец-то слезть с нефтяной и газовой «иглы», уйти от варварского вида энергоносителей, такого как атом и наконец-то сделать правильный выбор — использовать энергию солнца, как единственный безальтернативный энергоресурс будущего.

— Большое спасибо, — корреспондент в последний раз одарила телекамеру лучезарной натренированной улыбкой, — с нами был Григорий Аристархович Шорм, главный консультант по вопросам энергетической политики СОТ. А сейчас новости за неделю.

Феликс вышел из вагона и пошёл по пустому перрону к выходу. Надоедливый дождь, казалось, решил лить вечно. Крупные тяжелые капли хлестали по лицу. Он поднял воротник пальто и, вжав голову в плечи, побрёл вдоль хмурой улочки мимо серых домов с дешевыми комнатами, мимо облезлых стен универсамов, мимо выцветших граффити на покосившихся заборах и ржавых мусорных контейнерах. За серыми крышами довоенных построек в дождливой мороси просматривались пики стоэтажных офисов с многоярусными стоянками, взлётными площадками на крышах и никогда не смыкающей глаз охраной. На малолюдных окраинах явно чувствовалось их демографическое различие с бурлящим центром Мегаполис-Сити.

Он вошёл в холл хосписа и привычно направился в ожоговое отделение. На часах было десять, и по коридорам уже всюю сновали врачи в белых халатах и медсестры в синих. Шамкающие беззубыми ртами дряхлые старички и старушки в домашних тапочках почерепаши передвигались, держась за поручни, и неопрятные люди пустыми глазами разглядывали что-то на старых настенных плакатах.

Он кивнул дежурившей у входа медсестре и, не сбавляя шаг, направился к крайней

палате послеоперационной реабилитации.

Феликс вошёл в дверь, сделал два быстрых шага и остановился у кровати. Он сразу посмотрел на окно, оно было зарешёчено и наглухо закрыто. Откуда-то снизу к груди подкрался неприятный холодок. Он так же быстро вышел в коридор и жестом подозвал медсестру. Та прекратила писать, отложила журнал и, суетливо стуча каблуками, почти бегом устремилась к нему.

— Где? — резко бросил Феликс.

Медсестра округлила глаза и, задев его плечом, протиснулась в палату.

Несколько секунд они стояли перед кроватью и молчали. Затем медсестра бросилась в коридор, что-то крича на бегу, а Феликс достал коннектофон, набрал номер и твёрдым голосом произнес в трубку:

— Альфред, у нас проблемы. Нужна бригада. Быстро приезжай... ты знаешь куда.

Феликс стоял перед пустой кроватью. Постель ещё не успела остыть, скомканная простынь наполовину сползла на пол, а на подушке темнела свежая вмятина, оставленная головой Марка.

— Тихо, Роза, тихо, — послышался шёпот над ухом.

Кто-то сзади взял её за локоть, пытаясь развернуть к себе.

Решение было принято в доли секунды. Четким натренированным движением она крепко перехватила левую руку нападавшего и резко нагнулась вперед, переместив центр тяжести на правую ногу. Подхватив противника на спину, оторвала от земли, и молниеносно, уверенно как на татами, бросила через себя. Грохот упавшего тела эхом прогремел в тишине подъезда. Не теряя времени, с силой уперлась коленом в спину лежачего и потянула обмякшую руку вперед и вбок, взяв «на болевой».

— Стой! Это я, — донеслось снизу.

Немного и рука вот-вот хрустнет, как сухая ветка. Колено упирается между лопаток, и в этой ситуации ломать лучше не позвоночник, а руку — не убить, но вывести из строя. Рука подалась чуть вперёд и снизу раздался глухой стон. Главное сделано — он лежит под ней, неподвижный, прикованный к полу, и в тусклом свете белеет бинт на его голове. Упираясь рукой в мокрый от дождя забинтованный затылок, она вдавливая его лицо в пол. Кто бы это ни был — теперь он не опасен. Даже не пришлось применять оружие.

Адреналин начал отпускать, и глаза стали различать детали:

«Что это на нём? Одеяло? Вроде он что-то сказал».

— Роза, это я, Марк! — глухой голос снизу.

Она отстранила руку и резко развернула незнакомца в одеяле лицом вверх. Придавила коленом грудь, вторым пригвоздила правую руку к полу, а левую взяла на излом так, что сделала невозможным любое сопротивление. Но лежащий и не думал сопротивляться. Он обмяк, съезжился под её натиском. Было заметно, ему по-настоящему больно. С забинтованной головой он был похож на инопланетянина. Разве что не зеленый, а белый, синтетический. Неестественно мертвецки бледное лицо выделялось даже на фоне бинтов. Лишь в толстых линзах очков застыли испуганные глаза — единственное живое на неживом безбровом лице.

— Подожди, — жалобно простонал он, — руку сломаешь.

Но Роза и не думала ослаблять хватку. Никаких эмоций — главное правило при задержании. Её останавливал лишь этот взгляд из-под очков. Такой безобидный и знакомый.

— Ты кто? — жёстко спросила она.

— Это я, — выговорил незнакомец, — Я Марк. Посмотри внимательно, Роза.

— Что за...?! — она сильнее заломила ему руку. Ещё немного, и сухожилие плечевого сустава будет разорвано.

— Стой-стой! Больно! — взвыл лежащий.

— Я тебе сейчас сломаю руку, ты понял? — зло процедила она, — ещё раз спрашиваю, ты кто?

— Я тот, кто приходил к тебе две недели назад. Утром на стадион. Помнишь, я рассказывал о пришельце, о Губере, помнишь?

Человек сглотнул в ожидании реакции. Роза замерла. Рука, сжимающая запястье, чуть заметно дрогнула.

— Роза, говорю же, это я — Марк. Солнечный заяц. Помнишь, звала так в полицейской школе?

Роза немного ослабила хватку и привычным движением обыскала лежащего. Не найдя ничего в широких карманах больничной пижамы, поднялась и указала на угол под лестницей.

— Туда! — приказала. — Живей!

Подобрав сползшее одеяло и держась за левое плечо, человек молча вполз в угол и вжался в стену. Роза встала напротив. Она полностью контролировала ситуацию. Любое движение незнакомца тут же получит противодействие с её стороны.

— Говори, — спокойно произнесла Роза.

— Роза, это я. Посмотри внимательнее.

Человек снял запотевшие очки и протёр стёкла уголком одеяла. От растерянности он стал заикаться.

— На меня охот-тятся. Меня вербовали. В о-общем, Роза, мне нужна твоя помощь. Мне необходимо время.

Он невесело улыбнулся и добавил:

— Понимаю, не похож... Потому за помощью опять пришёл к тебе.

Роза только сейчас поняла, что слышит знакомый голос. И эти глаза под очками...

«Как же так?» — она на секунду потеряла самообладание. Непонятно кому адресовала вопрос:

— А экспертиза?

— Я не знаю, — сказал сидящий под лестницей, — они из УБ. Там всё умеют.

Его голос, глаза и какие-то еле уловимые мелочи в интонации, в движениях — всё указывало на то, что он говорит правду. И, тем ни менее, в это невозможно было поверить.

— Нет! — вскрикнула она. — Марк умер! Ты умер!

Роза подалась вперед, нагнулась над незнакомцем, и её черная тень куполом накрыла его.

— Я тот, кому ты звонила в день взрыва, — глотая слова, быстро выговорил он, — ты сказала на автоответчик, что с моим отпуском всё решено.

Роза остановилась и замерла.

— Я был в квартире и всё слышал, — продолжал незнакомец. — И чуть не погиб. Я горел, ты видишь. Но не сгорел. Это их инсценировка. Выслушай меня, Роза, прошу. Я сбежал из больницы, и мне некуда идти. Нужно совсем немного времени.

«Он горел, но выжил, — подумала она. — Это может быть правдой. Но труп в морге? Ошибка? В любом случае этот человек что-то знает».

— Поднимайся, — сказала она.

Человек подчинился, завернулся в насквозь промокшее одеяло и встал во весь рост. Определенно он был похож на Марка.

«На пока ещё покойного Марка», — для себя уточнила Роза.

— Иди вперед, — приказала она.

— Квартира номер четырнадцать, — в полголоса проронил он. — В комнате станок с пятидесятикилограммовой шпангой и кот Маркиз.

Роза повела плечом.

— Иди молча, — толкнула в плечо, — это ничего не доказывает. У тебя будет время всё мне рассказать.

Она открыла дверь и втолкнула незнакомца в квартиру...

А уже утром, когда Роза после пробежки купила ему в автомате у подъезда пачку сигарет «Красное яблоко» и ушла на службу, Марк долго пил приготовленный ею кофе и курил в форточку. Дождь лил как из ведра, и крупные капли залетали в комнату, попадая на лицо. Но он не чувствовал их. Так дождевые капли, собираясь в узкие ручейки, стекали с его щёк как с линолеума, а он стоял у окна и думал, что ему делать дальше. С одной стороны всё просто — надо найти Губера. Он-то знает, зачем всё это. С другой — как это сделать практически, тем более теперь, когда Марк официально мертв.

Хотя не всё так печально и инсценировка «силовиками» его смерти может стать даже полезна. Сейчас он — «человек никто», и, стало быть, руки его развязаны. О том, что он жив, знает только тот полковник. Теперь ещё и Роза. Она поверила ему и в ней он уверен. А вот господин Феликс... он будет землю рыть в поисках Марка. Но теперь Марк — «человек никто». Как найти того, которого нет?

И как найти Губера?

Плохо, что алгоритм «перехода» сгорел при пожаре. Или хорошо? Может он и был им нужен? Вовсе не Марк, а «листок, занесенный в опись под № 1 и лично к ней прилагается», исписанный бесчисленными стрелочками, палочками, запятыми и закорючками похожими на древнеегипетские письмена, листок который читал Губер тогда в его кабинете и который превратился в пепел в устроенном убешниками пожаре. Но совсем скоро Марк сможет обойтись и без сгоревшего заклинания тогда и получит всё «на все сто». Нужно лишь выиграть время. Осталось совсем немного и тогда даже Губер станет ему не нужен. Мысль что вскоре он сам может стать таким «иным» подбодрила его...

Он услышал еле различимый металлический звук. Это ключ провернул механизм дверного замка. Скрипнула дверь и две черные тени мелькнули в коридоре. Он обернулся на шорох. В дверях стояла Роза, длинноногая в промокшем дождевике.

— Привет, — удивлённо сказал он, — а как же дежурство?

Он бросил окурок в форточку и сделал шаг навстречу.

— Марк, — сказала Роза, — это не шутки. Ты чуть не погиб, и хвала Прогрессу, чудом остался жив. Но чудеса не случаются дважды. Твоя болезнь тебя погубит. Марк... это надо.

Она сделала шаг в сторону, и из-за её спины вышел комиссар Побединского отделения полиции Константин Витте. Две тени в форме спецназа стояли за его спиной.

— Ну, здравствуй, погорелец, — произнёс комиссар и протянул Марку руку, — не бойся нас, мы здесь, чтобы помочь тебе.

В фургоне было темно. Свет хмурого утра практически не пробивался внутрь салона сквозь два крохотных зарешеченных окошка. Дождь стучал по крыше спецкара, не позволяя хаотично роящимся мыслям выстроиться в логичную цепочку. Машина тронулась с места, и на потолке загорелся тусклый светильник.

Сидя напротив Марка, держа его за руку, Роза ласково повторяла:

— Тебе помогут, Марк. Обязательно помогут. Ты же не хочешь, чтобы это повторялось

снова и снова. Сначала пришельцы, затем убэшники... Я ещё тогда должна была сделать это. Слава Прогрессу, ты жив.

Он не слушал её — это было бессмысленно. И не винил её. Либо сам не нашёл нужных слов, либо в то, что с ним произошло действительно трудно поверить. В любом случае Роза не виновна.

— Марк, я, конечно, понимаю, что это болезненные... — Витте никак не мог подобрать нужное слово.

— Галлюцинации, — помог ему Марк.

— Да уж, галлюцинации, — задумчиво повторил комиссар.

Он сидел рядом с Розой, смотрел на человека напротив и не верил, что так бывает. Человек в наручниках, в больничной пижаме, в женской, явно принадлежащей Розе, бежевой куртке, с перебинтованным до места, где должны находиться брови лбом, совсем не походил на Марка Кариди. Хотя сам комиссар смутно помнил того Марка, но чутьё подсказывало — это Марк. И ещё, Роза не тот человек, который позволит себе ошибиться.

— Да-да, галлюцинации, — повторил Витте, вытирая наодеколоненным шёлковым платком вспотевший лоб, — но всё-таки... этот ваш Губер. Марк, вы же сказали, что он пришелец, гм... «иной». Так?

Роза вопросительно посмотрела на Витте:

— Господин комиссар?

— Да-да, я понимаю, галлюцинации... болезнь, — опустил глаза, продолжал тот, не обращая внимания на удивление Розы. — А я могу с ним встретиться? Я должен с ним встретиться, Марк. Иначе...

Он не договорил.

— Вы же обещали! — нервно перебила его девушка. — Все вопросы только после курса лечения. И кстати, что до вопросов. Они как раз есть к нашему судмедэксперту.

— Помолчите, Роза! — теперь повысил голос Витте. — Не указывайте мне что делать. Не забывайте, что вы на службе.

Роза опешила. Она удивленно смотрела на комиссара. Лысина Витте покраснелась, гладко выбритые щёки нервно подрагивали.

— Инспектор Кариди, — он снова обратился к Марку, — мне очень нужен этот Губер. Не забывайте, он убийца. Довожу до вашего сведения — это дело государственной важности. Я понимаю ваше состояние, но может больше нам не представится возможности поговорить. В закрытых лечебницах, знаете ли...

Витте смущенно кашлянул. Допрос психически нездорового человека, чуть не убившего себя. Допрос в спецкаре, по пути в психушку, в присутствии этой назойливой Розы Норман. Но другого момента не будет, и он продолжил:

— Но это ненадолго, — как можно бодрее произнес он, — гм... уверен, что ненадолго. Подлечитесь и снова в строй!

Он сделал паузу.

— Теперь о Губере. Я понимаю, информации мало и всё такое... Вы провели с ним профилактическую беседу. Правильно. Таких дел сотнями каждый месяц. Но... вы говорили Розе, что что-то случилось. Что он вам что-то показал. Наверное, о себе рассказывал, так?

Витте замолчал, выжидающе глядя на парня.

— Так, — спокойно сказал тот.

— Очень хорошо, — Витте задумался. — И что же дальше?

— Что именно вас интересует? — спросил Марк.

— Любая информация, — ответил комиссар. — Любая информация, которая поможет его найти. Он объявлен в розыск.

— Таковой не владею, — уклончиво произнёс Марк, уткнувшись глазами в пол.

— А Норман мне говорила другое, — наседал комиссар.

— Так может у неё есть нужная вам информация? — парировал Марк.

Наступило молчание. Витте протёр вспотевшую лысину — в салоне спецкара было невыносимо душно.

— Значит так, — твердо сказал он, — или я получаю то, что мне необходимо от вас, и мы едем в больницу. Или же едем к нам, и я там получаю всё, что мне необходимо, но с помощью других методов. Я в любом случае получу нужную мне информацию, но... каким способом, решать вам, дорогой Марк.

— Господин комиссар, — не сдержалась Роза.

— Молчать, ефрейтор Норман! — раздражённо рыкнул Витте.

«Он спрашивает, как найти пришельца, — подумал Марк. — Этому лысому приспособленцу тоже нужен Губер».

Всем нужен пришелец. Но почему им заинтересовался Витте? Клуб охотников на пришельцев рос на глазах.

Резко взвизгнули тормоза и спецкар остановился.

«Приехали?» — подумал Марк, хватаясь за поручни.

Снаружи послышалась возня. Щёлкнула панель внутреннего переговорного устройства.

— Ш-ш-ш, приём, — донеслось из динамика.

— В чём дело? — спросил Витте, подсев ближе к панели.

— Проверка документов, — ответил из динамика низкий бас.

— Какая, к чёрту, проверка? — комиссар поднял брови и хмуро зашевелил усами. — Они не видят, что за машина? Кто проверяет?

Динамик непривычно молчал.

— Эй! — крикнул в микрофон Витте, — что там у вас происходит?

И тут за передней стенкой, отделяющей кабину от салона, прогремел оглушительный взрыв. Машину качнуло так, что Витте с Розой повалились на пол, а Марк затылком едва не вышиб решетчатое окно за спиной. Из кабины в салон потянул едкий дым. Послышалась короткая автоматная очередь. Ещё одна. Роза поднялась на колени. В руке блеснул пистолет — восьмизарядный полицейский U-9. Она никогда не сдавала его в оружейную. Встав на одно колено лицом к выходу, она локтем упёрлась в другое. Удерживая оружие двумя руками, направила ствол прямо в дверной проём.

На несколько секунд всё утихло. Скрипнули еле слышно двери. Заскрипели громче. Кто-то ломал замок. Щелчок — и металлический скрежет прекратился. В щель пробилась полоска света, послышался звук дождя. Роза, что есть силы, сжала рукоять пистолета. Прицелилась. Дверь спецкара наконец отворилась полностью. В проёме в утреннем тумане показался размытый контур головы в каске. Прогремел выстрел, и звуковая волна в тесном салоне ударила по ушам. Пуля вошла в голову в дверном проёме мягко, как в тире, на выходе разорвав череп на куски. На стены брызнула кровь. Тут же прозвучал второй выстрел. На этот раз стреляли с улицы в салон. Роза упала. U-9 вывалился из ослабевших рук. Марк рванулся к упавшему под сидение оружию, краем глаза заметив под собой газовую гранату.

Взрыв, и горло перехватил спазм. Голова вдруг сделалась тяжёлой. В последний момент

он успел положить ладонь на еще хранящую тепло рукоять пистолета, но сжать не успел. Он летел в глубокий черный туман.

Свод потолка из металлических ферм и расположенные вдоль стен стальные конструкции стеллажей, всё указывало на принадлежность постройки к промышленным сооружениям. Облупившаяся штукатурка, пол усыпан окалиной и битым стеклом, над головой узоры из ржавых труб, заросшие мхом деревянные перекрытия и одинокий красный прожектор. Дождь заливал в выбитые стекла. Несло сыростью и гнилью.

Прислонившись к заплесневелой стене, Марк, не моргая, смотрел на Розу. Мокрые спутанные волосы облепили бледное лицо неподвижно лежащей девушки и лишь тихое, еле различимое дыхание заставляло вздрагивать её посиневшие губы.

Слезы катились по бесчувственным синтетическим щекам Марка.

«Жива», — неслышно бормотал он.

Рядом без сознания лежал комиссар Витте. Он пока не пришел в себя после отравления газом, но был жив. Связанные руки, а нога, так же как и у Марка, прикована наручниками к трубе у стены. Наручников не было только на Розе. Она полулежала у противоположной стены и, казалось, спала. Марк видел, как размеренно и безмятежно поднимается её грудь.

Когда те двое внесли её на металлическом щите, бесчувственную, но живую, у Марка перехватило дыхание. Её рука свешивалась с импровизированных носилок и под разорванным, закатанным выше локтя рукавом белела свежая повязка.

«Ранена в руку», — облегчённо выдохнул Марк, надеясь, что пуля не задела кость.

Незнакомцы положили щит с девушкой у стены, и один из них взяв верёвки, принялся связывать руки.

— Оставь, — приказал второй, — лучше свяжи ноги.

— Метко стреляет, сучка, — буркнул тот, что возился с веревкой. Он крепко обвязал под коленями ватные онемевшие девичьи ноги и покачал головой: — ...эх, полковник, зря ты её пожалел. В голову бы, как она Виктору. Легко отделалась, тварь.

Затем сложил вместе два пальца правой руки и, изображая пистолет, приставил импровизированный ствол ко лбу лежащей перед ним девушки.

— Пх-х, — выстрелил губами.

— Успокойся, — осадил его первый, — и делай своё дело, молча, парень.

— Ладно тебе задираться, Хромой.

«Вот какой он, этот Хромой», — Марк внимательно рассматривал своего заочного знакомого. Полноватый, невысокого роста убэшник по кличке Хромой вполне оправдывал свое прозвище. Даже когда он стоял неподвижно, было заметно, что одна нога его короче другой.

— Лучше займись фургоном, Пьер, — сказал Хромой.

— Конечно. А кто ж займется, ты что ли, Альфред? — ухмыльнулся его напарник. — Для того и нужен «чистильщик», чтобы за всеми вами подчищать.

И они ушли, а камень давивший грудь Марка, словно многотонной гирей, виной и безысходностью, вдруг мигом раскололся на мелкие кусочки. До него, наконец, дошло — Роза жива.

Войдя Феликс осмотрел лежащих, утомленно присел перед Марком на корточки и спросил участливо и нежно, словно мать нашкодившего сына:

— Ну почему ты заставляешь меня бегать за тобой, дружище?

Своих подопечных Феликс «читал» сразу, но этого парня пока разгадать не сумел.

«Старею, — думал полковник, взглядываясь в синтетическое лицо беглеца, — определенно старею».

Прошлой ночью он не спал совсем. Лежал в темноте с открытыми глазами. И не из-за глупого побега. Феликс был уверен — беглец никуда не денется. И не из-за Агаты, которая, уже не скрывая гнева, заявила ему в лицо:

— Не знала, Феликс, что ты умеешь ошибаться дважды подряд. Как думаешь, мне в команде нужны такие?

Слова эти были сказаны для профилактики и не имели решающего значения, ведь лучшего слуги, чем он, у Агаты не будет никогда.

Прошлой ночью полковник думал о другом. Он, наконец, понял, почему смерть приходит к нему в каждом сне. Дело в том, что она уже назначила ему встречу, неминуемую «встречу в Самаре», от которой не убежать, и он принял её условия.

«Расставайся с собой легко», — эта навязчивая фраза кровью била в висках всю ночь.

Глупо сопротивляться и пытаться самому переставлять фигуры на шахматной доске жизни, если они по воле судьбы все равно становятся на клетки, которые ты всячески старался избегать. Скоро это случится, а как, где и когда — не имеет значения. Чем ближе к смерти, тем ближе к сути. Надо лишь расслабиться и ждать.

Он утомленно посмотрел на Марка и вздохнул:

— Марк, мы с тобой договорились, так? Ну почему ты такой непредсказуемый. И из-за тебя чуть не погибла твоя подруга.

Он посмотрел через плечо на Розу, затем снова повернулся к парню.

— Как тебе объяснить? Ты уже один раз чудом остался жив. И она, — ткнул большим пальцем в сторону девушки. — Если бы я взял чуть выше и левее...

Его взгляд сделался холодным.

— Или ты с нами или пострадаешь не ты один. Понимаешь это?

Марк утвердительно кивнул.

— Хочется верить, — вздохнул Феликс, поднимаясь.

— Господин, э..., — послышался сбоку слабый голос, — я определённо с вами. Я ваш союзник.

Это очнулся комиссар Витте. Феликс развернулся на голос, подошёл вплотную, нагнулся и развязал узел на затекших запястьях чиновника. Затем отстегнул от трубы ногу.

— Это радует. Со своими союзниками мы обходимся вежливо. Видишь?

И многозначительно посмотрел на Марка.

— Поднимайтесь, — полковник протянул Витте руку. — Меня зовут Феликс. Я старый знакомый того молодого человека.

Он помог комиссару встать на ноги.

— Я комиссар полиции, — запинаясь, выговорил Витте, разминая занемевшую ногу.

— Знаю-знаю, идёмте, — перебил его Феликс, легонько подталкивая к темной арке, за которой серела обшарпанная железная дверь.

В небольшой комнатке, прямо за дверью, стояли намертво привинченные к полу стол и два металлических стула. Один — у стола, другой в центре напротив.

— Присаживайтесь, — Феликс указал на стул в центре, — значит союзник.

— Да-да, именно так, — закивал головой Витте.

— И в каком деле мы будем союзниками?

— Как же? Вам ведь тоже нужен тот... пришелец?

— Вот как?

Феликс замолчал. Это был неожиданный поворот. Он сел за стол и заговорщицки спросил:

— Выходит и вам он нужен, господин комиссар?

— Нет-нет, что вы! — встрепенулся Витте. — Зачем мне связываться с... возмутителями спокойствия. Мне в этом году на пенсию. Зачем мне все это? Этот Губер нужен моему начальству.

— И кому же?

— Генеральный прокурор Георгий Новак лично, — он поднял вверх указательный палец, — дал распоряжение объявить его во всеобщий окружной розыск. Что послужило причиной, не знаю. Официальная версия — убийство двадцать четвертого числа прошлого месяца внесоциального элемента Аркадия Шамшагана. Странность его в том, что произошло под носом у полиции, но... лично я не верю, что это дело рук того бродяги. Есть сомнения...

— Ну-ну, продолжайте.

Витте замялся.

— Дальше... вот, ищем. Прилагаем все силы.

— А при чём тут Кариди? — невзначай поинтересовался Феликс.

— Так он последним видел Губера. И с убитым разговаривал последним. Это какой-то замысловатый треугольник получается — бомж, бродяга и инспектор полиции.

Витте подумал и добавил:

— Но думаю я, что не в убийстве дело. Тут кое что... — чуть слышно сказал он и махнул головой в сторону двери, — кое, что интересное рассказала мне ефрейтор Норман.

Феликс вопросительно посмотрел на комиссара.

— Да-да, я — стреляный воробей. Чувствую, куда ветер дует. А дует он в сторону пришельца. Роза считает, что это — болезненные видения от переутомления, но... я, конечно, её понимаю, но...

Комиссар съёжился и машинально огляделся, будто в комнатке они были не одни.

— Лично я придерживаюсь иного мнения.

Он подался вперед и доверительно произнес:

— Не станет сам прокурор, который вхож в Совет и лично играет в гольф с... ну вы понимаете меня... так выходить из себя из-за какого-то ЧП на полицейской стоянке. Все это — липа. Ему нужен пришелец. Я догадывался, а сейчас уверен, всё, что рассказала мне Роза — правда.

— Та-ак, — Феликс почесал подбородок и как можно непринужденней спросил: — И что же она вам рассказала? Не стесняйтесь, мы же союзники.

— Да-да, — Витте оживился, — вот видите, я вам полезен. Так вот, Марк утверждает, что этот бродяга — пришелец из другого мира. Представляете? Он выложил всё это Розе Норман. О том, что теперь знает об ином мире, и в состоянии в любое время перейти туда с помощью какой-то «схемы перехода», но пока чего-то не хватает... ах да! Эти... «иные», их много среди нас, и они здесь очень давно. Раз в тысячу лет пытаются вступить в контакт, который может привести к коллапсу всей нашей Системы Прогресса. Полностью разрушить

её. Вы понимаете?

Феликс понимал. Он понимал, что этот лысый потный человек совсем не так прост, как кажется на первый взгляд.

— Так-так, — поддакнул он, — прекрасная работа. И что дальше?

— Что дальше? — Витте выкатил глаза. — Это всё, что я знаю.

Забыв о платке, он вытер дрожащей ладонью лоб, и добавил:

— Думаю, что именно из-за этого они, — он опять ткнул указательным пальцем вверх, — и объявили этот чёртов розыск. Им нужен пришелец.

— Генпрокурору?

— Ему-то зачем? — Витте махнул рукой, — скорее его куратору.

Феликс поднял брови.

— Пару раз видел его в приемной. Молодой статный блондин. Одет хорошо и дорого, поверьте, я разбираюсь.

— Опишите его.

Витте задумчиво поднял голову вверх.

— Такой э... прилежный. Волосы собраны в аккуратный хвостик. Бородка, усики. На вид не более тридцати... Дорогие туфли. Очень дорогие. Выходил из кабинета всегда уверенно, словно это его кабинет. Как-то раз в дверях его встречал сам генеральный. Поверьте, я никогда раньше не видел, чтобы Новак так расшаркивался и по-собачьи заглядывал в глаза. Ездит на спортивном «Ногано». Что, блондин не из ваших?

Комиссар осекся и замолчал.

— Нет, не из наших, — задумчиво произнес Феликс, не глядя на собеседника.

Откинувшись на спинку стула, стал барабанить костяшками пальцев по краешку стола, бормоча одними губами:

— Так-так, значит так.

Было видно, мыслями Феликс в эту минуту далеко не в кабинете. Комиссар покорно ждал. Он успокоился — чувствовал, что оказался полезен этому крепкому убэшнику с красным усталым лицом.

— Давайте дальше, — наконец сказал Феликс.

— Гм-м... это всё, господин... Феликс, — промямлил комиссар, холуйским голосом — к сожалению, не знаю вашего звания.

— Подытожим, — Феликс поднялся и, опершись руками о стол, встал прямо перед Витте, — Вы, Константин Витте, комиссар полиции выполняете личный приказ генпрокурора — возглавляете розыск Эрика Губера, подозреваемого в недавнем убийстве нескольких людей. Верно? Дело на контроле в самой генпрокуратуре, и поэтому вы полагаете, что мотивы розыска совсем иные... тайные. А поскольку они тайные, то именно тайный, как вы сказали, «куратор генпрокурора» заинтересован в этих поисках больше всех. Вы же, как опытный профессионал, — Феликс оценивающе подмигнул комиссару, — напали на след, но... тут появился я и сломал вам всю игру. Так?

— Всё верно, — кивнул Витте, — да-да, все так. Но вы мне ничего не поломали... это я оказался у вас на пути...

Не обращая внимания на лицемерный тон собеседника, Феликс включил электрочайник, налил кипятка в большую красную чашку, и кабинет наполнился душистым кофейным ароматом.

— Хотите кофе? — участливо спросил он.

— Хм... не откажусь, — оживился комиссар.

Феликс протянул горячую чашку, и Витте ухватился за неё обеими руками. Полковник и себе налил кофе.

— Я с радостью стал бы вашим союзником, — вздохнул он, — но есть ряд обстоятельств.

Витте жадно сделал большой глоток ароматного напитка.

— Давайте рассуждать, — Феликс устало сел за стол, посмотрел на потолок, на лампочку, вокруг которой кружились две мухи. — Мне без сомнения нужен Марк. И обязательно нужен живым. А поскольку он — человек непредсказуемый, для гарантии его лояльности мне нужна и его подружка. Заметьте, нужна тоже живой. Вы понимаете меня?

Витте энергично кивнул и отпил ещё.

— Это хорошо. Так вот... возникает вопрос — зачем мне вы, господин комиссар? У вас не осталось никакой нужной мне информации. Нет ни влияния на парня, ни на ситуацию в целом. Более того, вы связаны, пусть даже косвенно, с конкурирующей стороной. Сделать вас шпионом? Вы ненадежны, о чём свидетельствует ваше сегодняшнее предательство. Вы потенциальный приспособленец, и продадите меня так же как сейчас продали их.

И он, подражая комиссару, раболепно ткнул указательным пальцем вверх. Затем упёрся локтями в стол, скрестив пальцы в «замок» и по-философски сделал вывод:

— По сути, вы мне бесполезны.

Не по сезону загорелая лысина Витте покрылась холодными каплями пота. То ли от выпитого горячего напитка, то ли от холодка, веявшего от убэшника. Дрожащей рукой он поставил пустую чашку на стол и потянулся за носовым платком.

— Нет-нет, — простонал он, — я же вам рассказал все что знаю...

— Тем более, дорогой Константин.

Феликс подошёл к окну и, заложив руки за спину, стал разглядывать толстые дождевые подтеки на грязном стекле. Ветер за окном гонял прошлогодние листья, обрывки давних объявлений, смятые старые пакеты. Дождь не прекращался.

— Когда же он закончится, — с досадой обронил полковник, — прямо не весна, а осень.

И пока он стоял, глядя в серую мглу дождя, Витте молча, ждал.

— Вы сильно потеете, господин комиссар, — наконец, произнёс Феликс, не оборачиваясь, — синусовая тахикардия? Весьма прискорбно. Я бы очень хотел быть вашим союзником. Вы, наверное, хороший человек, и вы мне симпатичны, но...

Он помолчал с минуту, и устало добавил:

— В вашем кофе была убийственная доза амитриптилина. Сочувствую, Константин.

Феликс повернулся к побелевшему как полотно комиссару и продолжил:

— Это будет выглядеть так: нападение неизвестными на спецкар с целью завладения оружием. При этом два спецназовца убиты. Далее. Ефрейтор Роза Норман сегодня не вышла на дежурство. Наверно заболела. Она же утром позвонила сразу вам из автомата под своим домом? Благодаря прослушке того звонка, кстати, мы и вычислили вас. И нашли Марка, который так и останется для всех погибшим при пожаре две недели назад. А вы, господин комиссар, сегодня скончаетесь от сердечного приступа. В своей машине, по дороге домой.

Он искренне вздохнул:

— Мне действительно очень жаль.

Она медленно приходила в себя. Тяжёлые веки дрогнули, приоткрылись, и сквозь узкие щёлки на Марка уставились два чёрных слезящихся зрачка. Роза чуть слышно застонала. Приподняв голову, окинула взглядом стянутые веревкой ноги, перевела взгляд на забинтованную руку и снова взглянула на Марка.

— Ты как? — спросил тот.

— Бывало и лучше. Плохо, что пуля застряла. Болит. — Роза с трудом попыталась подняться. Мокрые волосы, спутанные и сбитые в сторону, закрывали половину лица.

— Да, плохо, — кивнул Марк, — но врача вряд ли привезут.

Перевязанную руку Роза поддерживала второй, здоровой. Так, подтягиваясь спиной и поясницей, мелко перебирая связанными ногами, она, наконец, поднялась и оперлась о стену.

— Да, плохо, — убрав мокрую прядь с лица, согласилась девушка, — но терпимо. Теперь у меня так же, как у тебя с головой. Мы — два забинтованных доходяги.

Марк улыбнулся.

— Доходяги от слова «дойти»?

— Ага, дошли, — хмыкнула Роза.

Она попыталась подняться выше, но безуспешно. Было видно, что очень слаба.

— Я вроде одного из них отправила в ад?

— Да. Был у них какой-то Виктор. Был да сплыл.

— Кто они?

— Роза, — голос Марка стал жёстким, — когда ты мне начнешь, наконец, верить?

Девушка молчала.

— Ты до сих пор считаешь этих убэшников моей галлюцинацией? — Марк указал на серую дверь под аркой.

— Нет. Убешники — не галлюцинация.

— Значит, по-твоему, кроме них всё остальное — фантазия? Ты слышала, о чём допрашивал меня Витте? О прищельце, Роза! Не будь одновременно и прямолинейной и наивной.

— Кстати, где он?

— Кто, прищелец?

— Витте!

Марк хмыкнул и махнул рукой в сторону арки:

— Там, с полковником Аристовским. Ни много, ни мало, с начальником контрразведки УБ СОТ.

Комиссар отсутствовал довольно долго. Из-за серой двери не доносилось ни звука.

«Вербуют», — подумал Марк.

Некоторое время они молчали. Роза отвернулась к стене, поправила забинтованную руку, попыталась вытянуть связанные ноги. Аккуратно ощупала запястье и сначала немного, затем сильнее пошевелила длинными тонкими пальцами. Они работали, как положено, без напряжения и дополнительных усилий.

— Повезло, — констатировала она, сжимая и разжимая кулак.

— Не больно?

— До свадьбы заживет.

Марк снова улыбнулся. Ему нравилось, что Роза не теряет духа. Даже сейчас, усталая, измученная, с раненой рукой она все же находила силы держаться. Не зря много лет готовила себя к испытаниям. К тому же сейчас Роза была не одна. Их было двое, а вместе они обязательно выкарабкаются.

— Как ты? — спросила девушка.

— Лучше чем ты.

— Я о лице, — уточнила, всматриваясь в швы.

— Главное, что не потеет. Теперь будет крепче, чем раньше.

Оба негромко рассмеялись. От смеха Марк закашлялся. Он с трудом контролировал губы и челюстные мышцы на новом лице.

— Марк прости, я вела себя глупо.

— Да уж.

— Но ты тогда не был похож на нормального.

— На какого нормального? — повысил голос Марк. — Расскажи, как выглядят нормальные? Может, как эти?

И он опять показал на дверь.

— Не знаю... я запуталась. А сейчас ты нормальный?

— Роза, это не шутки!

— Говори тише. — Девушка замерла и покосилась на дверь. — Какое-то сумасшествие... Чего они хотят?

— Информацию о пришельце, — прошептал Марк.

— Ты ещё про плоскую землю расскажи.

— Роза!

— Ладно. Чтобы там ни было, надо выбираться из этого дерьма. Во что ты влип, Марк?

— Послушай меня внимательно, — Марк попытался придать голосу максимальную серьёзность. — Эти люди хотят информацию об Эрике Губере. Забудь пока о пришельцах. Допустим, что Губер — тайный агент, владеющий важной инфой, и спецам из Безопасности она позарез нужна.

— Что за инфа?

— О космической энергии.

— Марк, снова-здорово!

— Ладно. Считай, инфа государственной важности.

— А причём здесь ты?

— Губер поделился ею со мной.

— Что именно рассказал?

— Вот опять... — Марк машинально ощупал карманы наброшенной на плечи куртки. У него отобрали даже купленные Розой сигареты — единственное, что было. От досады хлопнул ладонями по коленям. — Как же хочется курить.

— Так чего они хотят?

— Сейчас опять начнёшь злиться. Даже не знаю, как тебе объяснить. Хотя можно понять, такую историю не каждый переварит. Я сам до сих пор перевариваю.

— Опять про инопланетян?

— Скажу проще, появился новый вид энергии, намного мощнее той, которой владеем мы.

— Так, — в глазах девушки читалась заинтересованность. — А причём здесь Губер?

— Он знает о ней всё.

— Бродяга?

— Не совсем.

— Так кто же он?

— Ты смотрела в детстве фильмы про супермена?

— Марк!

— Подожди. Просто скажи, да или нет?

— Ну.

— А про Кришну что-нибудь слышала?

Девичье лицо исказила болезненная гримаса:

— У меня от этих разговоров разболелась рука. Ты мне сказки будешь рассказывать или дело говорить? Чей шпион Губер и что за новая энергия? Она мощнее электрической?

— В миллион раз.

— Брось, — Роза недоверчиво скривилась.

— Не важно, — выдохнул Марк, — Сказки говоришь? Пусть сказки.

Он посмотрел в серое небо за окном и улыбнулся, словно увидел что-то светлое и приятное.

— Все мы мечтаем быть суперменами. К примеру, ты бегаешь по утрам, не ешь синтетику и лучший стрелок. Зачем это?

— Сегодня пригодилось.

— Конечно, в каждом есть что-то оттуда. — Марк ткнул пальцем в затянутое тучами небо за окном. — Мы тренируем тело и ум, но загляни в себя глубже и найдёшь неиссякаемый источник силы. Она исцеляет от болезней, перемещает в пространстве, во времени, даёт мудрость и красоту, долголетие и счастье. Каждую минуту я чувствую, как наполняюсь ею всё больше, и это фантастическое ощущение. Любой из нас — маленький её сгусток, который не может просто так умереть, исчезнуть. изнашивается оболочка, и словно снимая старый костюм, мы обнажаем вечную энергию. Она и есть супермен. Но по воле абстрактных противоречивых богов мы забыли об этом. Заблудились, свернули с пути.

Марк приподнялся на локтях. В его словах звучало отчаяние:

— За два миллиона лет мы изменились, и если заглянем в себя сейчас, увидим не силу, а притаившееся, оторвавшее нас от вселенского разума мелочное, жалкое, боязливое существо, ревностно оберегающее дверь, за которой бурлит космическая энергия. Оно эгоистично и боязливо. За дутые идеалы и мнимые ресурсы пожирает себе подобных. Воспевает победителей на костях побеждённых. Мечтает о лучшей жизни, забывая о собственных детях. Изгони это существо и начнёшь восхождение! Вознесение!

Раскрасневшийся Марк почти кричал, и Роза испуганно постучала двумя пальцами по лбу, показывая взглядом на серую дверь под аркой.

— Губер показал как. — Марк понизил голос. — Проблема в разорванных связях. Восстановить их не сложно, в этом «иные» — наши проводники. После контакта с ними открывается бесконечность. А ты говоришь, супермен — выдумка.

Он многозначительно улыбнулся.

— Но «иные» обнаруживают себя редко. Существо внутри нас к ним безжалостно. Хотя одного пришельца две тысячи лет назад всё-таки признали мессией. Теперь я знаю, моя бабка одна из них, может потому у меня получилось. Убешники ошибочно называют их

«иными». Какие они «иные»? Во Вселенной нет никаких сотен разновидностей гуманоидов, от фиолетовых большеглазых человечков до бесформенных пауков с уровнем «ай кью» как у Перельмана. Все мы схожи. С руками, ногами. У каждого одна голова, один нос, два уха. Даже размножаемся одинаково, и не почкованием. Вселенная рациональна. Зачем плодить множество видов, подвидов и форм? Наши тела достаточно функциональны и универсальны. Тела суперменов, и лишь гадкое существо внутри отличает нас от них.

Марк замолчал, Роза тоже молчала. Всё это время, позабыв о боли, она внимала, открыв рот. Услышанное было страшнее пизофрении — оно было похоже на правду. Глядя в сверкающие глаза Марка, девушка не видела ни тени сумасшествия. Марк говорил о том, что действительно знал. Не верил — именно знал.

— Я ничего не поняла, — наконец выдавила Роза. — Не знаю, Марк, что за существо ты из себя изгнал, но возможно твой супермен поможет нам прямо сейчас? Пусть прилетит на своей летающей тарелке и вытащит нас из этой жо...

Она резко остановилась на полуслове. Под аркой скрипнула и открылась серая дверь, и из неё вышел Феликс. Он был один. Марк ждал, что следом появится комиссар Витте, но этого не случилось. Феликс подошел к Розе, дружески улыбнулся и подмигнул:

— Если честно, Виктор мне никогда не нравился. Какой-то он безголовый был. Без головы и помер.

Затем наклонившись ближе, поинтересовался:

— Как рука? Всё о'кей?

Роза демонстративно отвернулась. Полковник усмехнулся:

— Боевая девчонка, с характером. Скажу одно, — взяв девушку за подбородок, повернул к себе, — если бы твой дружок не «чудил», а слушался старших, мне бы не пришлось прострелить тебе руку. Ты так же по утрам бегала бы на стадионе, кормила кота синтетическим молоком и читала вечерами электронные детективы.

Указал пальцем в сторону противоположной стены, и добавил:

— Но у нас с тобой есть проблема — это наш Марк-непоседа.

Феликс подошел к парню и отсоединил его ногу от трубы.

— Ну, пойдём, расскажешь, куда так торопился.

* * *

— Каждый, кто пытался от меня сбежать, был уверен, что у него это получится, — говорил Феликс, закрывая за собой серую дверь. — Ты не исключение. Проходи-проходи.

Он указал Марку на стул, стоящий посреди комнаты.

— В моей практике было три беглеца. Двое еще во времена «чистки». Один сам пришел, другому я отстрелил обе ноги... и третий, вернее третья. Спустя два года потом. Она, действительно, продержалась дольше всех. В лесу, за Периметром. Голодная, с простреленным плечом. Она ела мышей живьем. Да, она была сильнее всех. Уважаю силу.

Он сел за стол и еще раз указал Марку на стул напротив.

— И вот теперь ты. Всего одни лишь сутки, — полковник покачал головой.

Марк оглянулся. Удивительно, куда подевался Витте? Стол, два стула, окно. В углу комнатки чернеет старая театральная ширма. И только он и полковник. Он сел, положив связанные руки на колени.

— Почему ты такой неугомонный? — вздохнул Феликс.

— А почему вы испортили мне жизнь?

— Поясни.

— Да-да, именно, — повысил голос Марк. — Вы считаете, что имеете право вот так запросто врывать в мою жизнь. В жизнь любого. Даже не спрашивая на то разрешения. Еще совсем недавно вы и не догадывались о моем существовании. А теперь, мало того, что изуродовали лицо, уничтожили мой дом, похоронили заживо, вы и сейчас не даете мне покоя.

— Такая работа, — Феликс пожал плечами и подошел вплотную к сидящему Марку.

— Да кому нужна ваша работа? — Марк попытался подняться. — Вы действительно считаете, что имеете на это право?

— Да, я так считаю, — полковник положил тяжёлую руку Марку на плечо, усадив его обратно на стул. — И представь себе, имею. Это простое право — право сильного. Во-первых, я работаю в силовой структуре, и на «сильных мира сего». А во-вторых, я просто физически сильнее тебя, сынок. Спроси у своей подружки. Думаю, она прекрасно понимает, что такое «право сильного». Поэтому ее U-9 всегда при ней. В давние времена была поговорка: «Господь создал людей разными, а полковник Кольт сделал их равными». Твоя подружка, по всей видимости, знает это. Но ты... у тебя веревки на руках, и нет против моей силы никакого аргумента в кобуре. Ведь так?

— Так, — хмуро согласился Марк. — У меня действительно нет никаких аргументов. У меня даже кобуры-то нет. Так зачем тогда это?

Он вытянул связанные руки вперед и добавил:

— Согласен, ваша взяла. Развяжите. Что я могу против вашего «права силы»?

— А и то правда, — улыбнулся Феликс, — надеюсь, больше не придется объяснять?

Он освободил от веревок затекшие руки парня.

— Дружище, поверь мне, — Феликс вынул сигаретную пачку и протянул ее Марку, — нам обоим будет выгодно это сотрудничество. Я сделаю свою работу, а ты сможешь пополнить ряды УБ. Не каждому молодому полицейскому выпадает такой случай. Кофе будешь?

Марк не ответил, молча. Тем временем, не дождавсь ответа, полковник подошёл к столу и включил электрочайник.

— Сотрудничество с прогрессом, где благо меньшинства достигается стараниями большинства? — Марк задумчиво тёр затёкшие от веревок запястья. — А как быть с тем, что человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью?

— Ты это о чём?

— О том, что раньше может, согласился.

— М-м... раньше? — Феликс с интересом посмотрел на Марка.

— Когда жил завтрашним днём, а наступало завтра, начинал жить днём послезавтрашним. Страх не давал жить сегодняшним. Когда был переполнен планами на будущее, но в будущем видел одну пустоту. Сплошные парадоксы: боялся умереть — потому боялся жить. Приспосабливался, страхась перемен. Смысл жизни находил в спешке делать что-то, якобы крайне важное, будто, если не успею сделать, то случится ужасное и жизнь не состоится. Каким дураком я был, ведь что могло случиться, уже случилось.

— И что случилось?

— Случилась жизнь без страха.

— Несомненно, без страха лучше, — согласился Феликс и, повернувшись к Марку спиной, стал наливать кипяток. — Не стоит бояться за пришельца. С ним всё будет хорошо. Только скажи где он.

Вдруг яркая вспышка перед глазами. Марк ясно ощутил себя в ярком тоннеле, в тёплом сильном луче густого света, протыкающем землю до самого ядра. Он посмотрел на ладони. Вбирая в себя свет, руки быстро наливались силой. Марк поднялся, повернулся и, обхватив обеими руками спинку стула, медленно потянул вверх.

— Расставайся с собой легко, — хладнокровно произнёс он. — Так, кажется, господин полковник?

Металлический скрежет длился долю секунды. Винты выскочили из своих гнезд, будто их и не было вовсе. Феликс повернулся в пол-оборота. Этого хватило, чтобы краем глаза увидеть над собой высоко поднятый стул. Хрясь! И грудa металла опустилась на голову полковника, оставив на седых волосах широкий кровавый след. Феликс покачнулся, оседая на левую ногу, и с грохотом свалился на стол, теряя сознание. Электрочайник разлетелся вдребезги, расплескав остатки кипятка. По серому пальто поползли темные мокрые пятна.

Марк быстро оглядел крошечную комнатку. Облезлые стены, привинченный к полу стол, за столом единственный уцелевший стул. Чёрная ширма в углу, маленькое окошко, сквозь которое просматривались покосившиеся металлоконструкции. Глянул вниз, прикидывая высоту:

«Приблизительно четвертый этаж. Опасно».

Вернувшись к столу, склонился над лежащим без сознания Феликсом, чьи седые волосы неспешно окрашивала сочащаяся из раны кровь. Отвернул борт серого пальто. Подмышкой на фоне белоснежной рубашки чернеет кожаная нагрудная кобура, с торчащей рукоятью большого десятизарядного VW-9. Вытащив пистолет, Марк вынул обойму, перезарядил. Ощущение оружия в руке придало уверенности.

«Так-то получше будет», — подумал он.

Подойдя к ширме, заглянул и тут же отпрянул назад. Там, неестественно вывернув под себя руки, лежал комиссар Витте. Он был мертв. Рот широко раскрыт, будто в предсмертной агонии, он жадно заглатывал воздух. Пузыристая пена на обвисших усах не успела засохнуть. Пустые стеклянные зрачки уставились Марку прямо в глаза. Тот попятился, остановился и с минуту таращился на мёртвого Витте, шепча бессвязно:

— Надо же...

Отделавшись от оцепенения, быстрым цепким взглядом с головы до ног осмотрел труп, и усевшись рядом, принялся проворно снимать с него одежду. С комиссаром Марк был одного роста и похожего телосложения. Пиджак, брюки, даже модельные кожаные туфли оказались впору. Застегнув последнюю пуговицу рубашки, парень поправил отвороты пиджака и проверил, нет ли чего в карманах. Вынул пластиковый пропуск, ключи от машины и недушенный носовой платок. Задумчиво покрутив его в руке, накрыл посиневшее лицо комиссара и направился к двери. В это время застонал Феликс.

«Давай-давай!» — Марк ускорил шаг.

Держа пистолет у бедра, он приоткрыл железную дверь и выглянул наружу. Роза сидела так же, как и до его ухода. Увидев его, девушка выпучила глаза и непроизвольно вскрикнула:

— Марк!?

— Тише, Роза, — прошипел он, растягивая по слогам: — ти-ише-е.

И подскочив, принялся проворно развязывать верёвки на её ногах. Затем, подхватив под здоровую руку, помог подняться. Ноги девушки затекли и онемели. Она чуть не упала, но упёршись плечом в стену, удержала равновесие и здоровой рукой принялась бить и растирать непослушные конечности, пытаясь разогнуть по венам кровь.

Тем временем Марк глянул сквозь битые стёкла панорамных окон вниз. Там под навесом от назойливого дождя прятался Хромой и что-то энергично говорил в трубку коннектофона. В руке чернел «глок».

— Нельзя... — зло цокнул языком Марк и огляделся.

В углу, недалеко от арки, ржавая металлическая лестница, уходящая далеко за изворотливые переплетения труб, такие же ржавые, как и сама, ведущая, скорее всего, на крышу.

Роза привела в порядок ноги и стояла рядом, пытаясь понять, что задумал Марк.

— Туда, — сухо приказал он, указывая на лестницу.

Первой шла Роза. Ей было трудно подниматься по ступеням, держась и одновременно перехватываясь за перила единственной рабочей рукой, и Марк придерживал девушку снизу, упираясь плечом в упругий подтянутый зад. Прогнившая лестница шаталась и протяжно скрипела, но держалась. Когда Марк и Роза поднялись к металлическим переходам, витиевато петляющим среди чёрных труб стальных перекрытий, внизу послышался быстро приближающийся стук ботинок. Не глядя вниз, Марк подхватил Розу под руку, и они устремились к железной двери, ведущей на крышу. Затылком оба чувствовали, как сзади ржавая лестница под чьими-то стремительными ногами скрипит также, как минуту назад скрипела под ними.

Дверь на крышу оказалась незапертой. Вернее, это была даже не дверь, а прикрывающий пустой проём кусок рекламного щита, на котором потемневшими от времени пятнами краснели две буквы «СК». Они отодвинули щит и выскочили на пологую крышу цеха прямо под проливной дождь. Роза бросилась дальше, к следующему цеховому проёму, но Марк резко одернул её, крепко схватив за локоть, и потащил в противоположную сторону, за угол кирпичной кладки сиротливо торчащей кирпичной вентиляционной трубы. Спрятавшись за трубой, Марк всем телом вжал Розу в стену.

В проёме послышалось стальное эхо приближающихся шагов. Тень упала на мокрый битум, и следом на крыше появился Феликс. В правой руке он держал металлическую трубу, другой прикрывал рану на разбитой голове. Седая шевелюра и ладонь были в крови. Стекая по предплечью, та пропитала рукав пальто и, капая с локтя, оставляла за полковником быстро смываемый дождём красно-бардовый след. Шатаясь, Феликс направился ко второму цеховому проёму и через минуту скрылся в его чреве. Вдруг в проёме рядом что-то застучало. Послышался скрип металлических ступеней и шаги. Быстрые, не такие тяжёлые как у Феликса, а неровные, нервные. Так и есть, на крыше появился Хромой. Щурясь из-за заливающего глаза дождя убешник огляделся и поднял на высоту груди свой «глок». Сжимая оружие двумя руками, он сделал осторожный крадущийся шаг. Остановился, прислушался. Медленно повел головой. И тут, резко развернувшись в сторону вентиляционной трубы, за которой притаились Марк и Роза, уверенно двинулся вперёд.

* * *

Ствол пистолета Хромого смотрел в их сторону, и Марк машинально погладил указательным пальцем спусковой крючок VW-9. Хромой сделал два шага к трубе и прислушался. Дождь бил ему в лицо и стекая ручьями по блестящей лысине, заливал глаза. Казалось, дождь был его врагом. Он мешал Альфреду и помогал Марку. Хромой протёр глаза рукавом плаща и сделал ещё один шаг. Марк поднял пистолет, уперев ствол в подбородок. Его очки запотели, но он не рискнул их протереть. Сквозь тусклые стёкла различал силуэт Хромого — если что, не промахнется. Рядом притаилась Роза. Сейчас она Марку не помощница, придётся отрабатывать одному.

На другой стороне крыши послышался крик:
— Чего застрял?

Марк скосил глаза. Во втором цеховом проёме маячила красно-белым пятном голова Феликса. Хромой повернул голову на зов, как вдруг из вентиляционной трубы, прямо над головой Марка, взметнулись ввысь два сизых голубя, громко курлыча и яростно разрезая

крыльями промокшее небо.

— Тьфу, чёрт, — выругался Хромой.

— Долго так будешь стоять? — опять донеслось из дальнего цехового проёма. — Дай мне пистолет и оставайся!

— Дай ему пистолет, — недовольно буркнул Хромой, — свой терять не надо.

Опустив оружие, он развернулся и быстрым шагом пошёл в сторону полковника, прочь от вентиляционной трубы. Голова Феликса скрылась в проёме, а в скорости там же растворился белый плащ Хромого.

Всё длилось не более минуты, но для Марка эта минута показалась вечностью. Тяжело выдохнув, он медленно поднялся и вышел из укрытия. Пригнувшись и не сводя глаз со злосчастного второго проёма, подошёл к первому. Убедился, что опасности нет, махнул Розе. В мгновение девушка скрылась в темноте цеха, и Марк, не оглядываясь, последовал за ней, прикрыв за собой проём куском рекламного щита с буквами «СК».

* * *

Спустившись по ржавой лестнице, они снова оказались в цеху.

— Куртка! — Роза дернула Марка за рукав.

Тот скрылся за серой дверью. Вернулся с женской курткой в руках, оставленной раньше под брошенной больничной пижамой. Накинул Розе на плечи. Перевязка на раненой руке пропиталась кровью, видимо открылась рана. Марк помог удобнее надеть куртку и застегнул «молнию» так, что простреленная рука осталась внутри, а заправленный в карман пустой рукав, смешно топорщился в сторону.

Сверху послышался шум. На голову посыпался мусор.

— Сюда, — одними губами сказал Марк, кивнув на комнату, из которой только что вышел.

Роза вошла первой. Марк последовал за ней, аккуратно прикрыв за собой дверь. Только успел это сделать, как у основания лестницы послышались голоса. На цыпочках отойдя к столу, Марк жестом указал девушке зайти за ширму. Роза сделала это, и у неё перехватило дыхание. Она, молча, одними глазами указала Марку на распластавшийся в углу с платком на лице полураздетый труп комиссара Витте, будто спрашивая, что тут произошло. Тот пальцем ткнул, в невидимого Феликса, и провёл ребром ладони по горлу. Оба присели рядом с остывшим трупом, и затаились, внимательно вслушиваясь в тишину. Так они просидели довольно долго.

— Надо уходить, — Марк, наконец, выглянул из-за ширмы и замер. Подкрался к двери и приложил ухо к ржавому железу. Никаких посторонних звуков, кроме бьющего в разбитые стекла дождя. Бесшумно достал пистолет и, удерживая его у подбородка, выглянул в цех. Немного постояв в дверном проёме, сделал шаг и скрылся за дверью.

Роза съежилась и замерла. Болела рука, но девушка не обращала внимания на боль. Вся превратилась в натянутый нерв. Ожидание убивало. Марка не было довольно долго и Роза медленно, на носочках, вышла из-за ширмы, прислушиваясь. Дождь превратился в ливень, удары тяжелых капель слились в сплошной пугающий грохот.

Внезапно дверь распахнулась, и Роза еле удержалась, чтобы не упасть. В проёме показался Марк. Нетерпеливо махнув рукой — идём — он снова скрылся в темноте. Роза

бросилась за ним.

Через минуту они были уже на улице. Под натуральным ливнем. То был не унылый, монотонный плач уходящей зимы, а по-настоящему сильный, теплый весенний водопад.

У ворот пусто. Ни единой машины.

— Сделают круг и вернуться, — предположил Марк.

В дальнем конце здания, сквозь пелену дождя забрезжил слабый электрический свет, и предательское чувство тревоги спазмом сковало лёгкие. В плотной стене воды мелькнул чёрный бампер и из-за выщербленного угла дальней пристройки показался блестящий капот спортивного электрокара. Машина с горящими фарами медленно развернулась к воротам, и дальний свет ударил по глазам.

Спортивный «Ногано» угрожающе рыкнул и сорвался с места.

— Бегом! — заорал Марк, перекрикивая шум ливня.

Прямо по лужам, по щиколотки в воде они бросились прочь, через пустырь. Впереди серел заброшенный спальный район.

Электрокар нёсся в объезд, и Роза боковым зрением видела две скачущие световые дорожки его мощных ксеноновых фар. Только бы добежать раньше до края пустыря, пересечь дорогу и затеряться в узких городских улочках. «Ногано» свернул на финишную прямую. Два ярких луча вырвали из дождя глянцевые стены заброшенных домов. Совсем немного и преследователь перережет путь к спасению.

Они успели первыми. Спустились по гравию обочины, свернули за угол одинокого жилого здания, кинулись по безлюдной мостовой, мимо спортивной площадки, вдоль начавшихся высоток. Подбежав к арке, свернули во двор, затем сквозь проходной подъезд на зажатую домами узкую улочку, в конце которой, сверкая лакированным кузовом, освещая вымытый дождём асфальт, притаился спортивный «Ногано». Гаркнул мотор. Молнией мигнули фары. Колёса медленно начали разгон.

Дождь вмиг прекратился. Небо почернело, словно огромный чёрный купол накрыл улочку. Взяв Розу за руку, Марк сделал шаг и его ноги оторвались от земли.

* * *

Марк с Розой растворились. Исчезли, будто и не существовало никогда. Распались на атомы, на крупички, хаотично разбросанные космическим ветром по дальним уголкам Вселенной. Тела их рассыпались, раздробились. Мышцы разделились на молекулы белка, кровь на миллионы кровяных телец, нервная система на миллиарды нейронов. Скелет на кальций, магний, коллаген... Они были, и вместе с тем не были. Ощущали себя, и одновременно не чувствовали.

Кто они теперь? Кем бы ни были, точно уже не прежние. Освободившись, стали сгустком космической пустоты. Черной Дырой — беспредельно пустой в растворившемся пространстве и времени, и безгранично наполненной, не выпускающей ни кванта света. Удивительное ощущение присутствия и небытия. Ты и Бог и Ничто. Абсолют и Точка Ноль.

Больше нет страха. Нет ни тени беспокойства. На все вопросы найдены ответы, все задачи решены. Нет, они просто перестали существовать. Растворились в пустоте, прекратили мучить беспокойный ум, который рассыпался на атомы так же, как и само эго.

Квинтэссенция иллюзорности мира. Больше нет страдания, нет даже намек на

физическую боль. Несуществующие нервные окончания больше не переносят её по телу, которого нет. Нет и нервных окончаний. Душевной боли тоже нет, ведь не может страдать душа, вместившая в себя Вселенную.

Впереди граница, за которой счастье и полный покой. Стоит лишь переступить её, и окунёшься в нирвану, в вечную умиротворенность и свободу. Всего один шаг отделяет тебя от райских планет. Шаг — и жизнь превратится в сон, а сон в жизнь...

В серых тучах мелькнул солнечный луч и между атомами возобновились прежние связи. Первые удары сердца и кровь, как и раньше, понесла по венам жизнь.

— Что это было? — испуганно спросила Роза, пытаясь восстановить дыхание.

— Не понимаю... — выдохнул Марк.

Они стояли посреди пустынной улицы, далеко от того места где нагонял их спортивный «Ногано». Опасаясь увидеть его снова, Марк ухватил Розу за пустой рукав и втащил в ближайший подъезд. Обессиленные, промокшие до нитки, они повалились на бетонные ступеньки лестничного пролёта.

— Как ты это...? — сбивчиво произнесла Роза, оглядывая себя.

— Говорю же, всё сложно. Просто верь. Как рана?

Роза одной рукой расстегнула промокшую куртку. Кровотечение прекратилось, и высохшая повязка крепко обжимала рану.

— Гораздо лучше. Пуля ещё внутри, но совсем не болит, — девушка удивлённо смотрела на забинтованную руку.

— Чип! — вдруг выкрикнул Марк.

— Что?

— Твой... чип..., — сбивчиво повторил снова, — он найдёт нас по чипу.

— А твой?

Парень руками показал крест, и Роза поняла, его чипу пришел конец.

— Как это?

— Сейчас покажу, раздевайся.

— Что? — Роза изумленно подняла брови.

— Что-что, — передразнил её Марк, — чип где? На плече.

Личные чипы встраивали всем государственным служащим ещё с далекого две тысячи восемнадцатого. Они заменяли служебное удостоверение, социальную карту и медицинскую страховку.

— Ну, помоги уж, — Роза подбородком показала на раненную руку.

Она отвернулась, села прямо и, выгнув поясницу, принялась ждать. Марк аккуратно стянул куртку с её левой здоровой руки, пальцами взялся снизу за свитер, и медленно поднял вверх, аккуратно стаскивая через голову. Перед ним явилась смуглая точеная спина с двумя плавными, тонкими выпуклостями лопаток и до умопомрачения красивым желобком позвоночника на пояснице. Нос учуял тонкий сладкий запах шелковистой кожи. Нежный и волнующий. Роза убрала волосы с затылка, отчего картина стала еще соблазнительней. Марк растерялся, мотнул головой, собираясь с мыслями.

«Тоже мне Дон Жуан, — одернул сам себя. — Нашёл время и место. Соберись тряпка! Она — твой друг... и не более».

Роза ждала. Парень осмотрел правое плечо и нашёл темную, похожую на родинку точку размером с пятипоинтную монету. То был ЛЧС — личный чип служащего Объединенных Территорий — в народе прозванный личкой. Высвободив из брюк сухой край рубашки, он

вытер им мокрые руки. Затем потёр ладони, стряхнул пальцы, словно пианист перед игрой, и только после этого прикоснулся к голой девичьей спине. От неожиданности Роза вздрогнула.

— Не бойся, пару секунд и готово.

Одной ладонью придерживая плечо спереди, вторую Марк положил так, что полностью накрыл чип. Сильно сжал плечо обеими руками и замер. Роза застонала:

— Горячо.

— Да-да, — выговорил Марк натужно, — так надо.

Карта памяти лички — маленькая кругленькая, хранящая всю информацию, темно-коричневая бляшка — со звоном ударилась о бетонную ступеньку.

— Готово. Теперь он чистый.

— Как это? — изумилась Роза.

— «Засветил», — скривил губы Марк.

Роза сидела с голой спиной усталая, опустошённая. Не оставалось сил даже подняться.

— Марк, что с нами произошло?

— Это как вспышка. Что-то само собой происходит внутри. Я им не управляю...

— Чем им?

— Чем-то.

— Как это?

— Не знаю.

— Когда ты взял меня за руку, я будто утонула в невесомости. Это фантастическое ощущение. Чёрт, Марк, что с тобой произошло?

Молча пожав плечами, он поднял свитер и протянул Розе:

— Переждём до темноты и пойдём. Сейчас тебе нужна помощь — надо вытащить пулю. Я знаю, кто нам поможет.

— Вы весьма проницательны. Я в этом нисколько не сомневалась.

Агата невозмутимо взглянула на Алекса и добавила:

— И догадливы.

Ей был неприятен этот разговор. Сегодня она впервые увидела другого Алекса Деева. Не молчаливого наемника, а властного манипулятора.

— Как вы догадались, что он не тот, за кого себя выдает? — спросила с наигранным безразличием.

Алекс пропустил вопрос мимо ушей.

— Это крупная игра, и мне нужны гарантии.

— Ну что тут может быть крупного? — Агата изобразила удивление. — Обычный шпион.

— Чей шпион?

— Ал, вспомните, я когда-нибудь отвечала на подобные вопросы? Да и вы, помнится, раньше таких вопросов не задавали. Что с вами?

— Что со мной? — Алекс потер ладони, будто намыливая их.

Он стоял посреди ее кабинета, перед ее столом, на ее территории, но ощущал себя хозяином положения. Он полностью контролировал ее. Чувствовал власть даже над произвольным подергиванием мизинца на ее левой руке. Стоило лишь подобрать нужную амплитуду, кое-где надавить, кое-где отпустить, и вот она, невозмутимая Агата, «зашаталась». Сейчас он подкинет парочку фактов, немного добавит темп «раскачки», и она упадет совсем. И тогда сделает все, что нужно ему.

— И я, и вы знаем, — продолжил он, — наш клиент — крупная фигура. Но весьма туманная. Я бы сказал — мистическая. С такими я раньше не работал. Все, кто с ним сталкивался в последние дни, по вашей инициативе мертвы. Шмайсер, его банда... Так ли интересно содержимое черепных коробок бомжей? И этот парень тоже...

Алекс погладил «эспаньолку».

— Именно. Марк Карида, двадцать семь лет. Волосы рыжие. Носит очки с толстыми линзами, очень плохое зрение. Рост выше среднего, полноват. Интроверт. Курит. Инспектор полиции Побединского районного отделения, три года стажа. Ни то ни сё. Погиб две недели назад при странных обстоятельствах. Заведено дело — несчастный случай. Допустим.

Он аккуратно положил на край стола тоненькую зеленую папку.

— А как вы объясните это?

— Что это?

— Анализ кожного покрова погибшего Марка Карида. Эксперт не обратил внимания на одну, совсем крохотную деталь. Но представьте себе, внимание на нее обратил я. Посмотрите на меня, я — блондин, и в моей коже так же, как и в коже рыжих людей, преобладает пигмент феомеланин. Потому-то мы такие симпатичные.

Он выдержал паузу и продолжил:

— А в уцелевшем кожном покрове Карида, погибшем при пожаре, этот пигмент практически отсутствует. Как же так, ведь все знают — Марк Карида был ярко рыжим!

Алекс театрально развел руками, изображая недоумение.

«Он не просто проницательный, — подумала Агата, — Он — это Феликс двадцать пять

лет назад. И все же его молодой максимализм и самоуверенность вышли за рамки самосохранения. Стали не лучшими его союзниками».

— Спросите, причём здесь вы? Связана ли уважаемая Агата с совсем не рыжим трупом сгоревшего в странном пожаре якобы рыжего парня? Может и никак. Но вы лично передали мне досье на этого Кариди. Кстати, такое же появилось и у сотрудников спецотдела «Зет». Случаем не от вас? Ладно. Мы, по сути, делаем одно дело, не правда ли? Вам нужен клиент мне — деньги. Но... дорогая Агата, ответьте мне на один вопрос — полковник Феликс Аристовский случаем не ваша «правая рука»? — он пытливо посмотрел ей в глаза. — Молчите? Ладно. Меня больше интересует другое — зачем ваш полковник лично следил за Марком Кариди несколько дней до его гибели? И в день пожара, кстати, тоже. Не думаю, что это его частная инициатива. Пеленг его чипа привёл меня на заброшенные слады, где час назад непонятно откуда возникшие беглецы также быстро и бесследно растворились словно привидения. В одном из них скан определил коллегу погибшего инспектора Розу Норман, а второй изуродованный и без чипа, но с недавно пересаженной нано-кожей.

— Растворились, словно привидения? — уточнила Агата.

— Вот-вот, — подтвердил Алекс. — Чудные дела творятся вокруг вашей «правой руки». Неужели яростная приверженка системы, госпожа Грейс, затеяла внесистемную игру? Тогда какую роль играет в ней полковник, а какую я?

— Слишком много вопросов, Ал, — Агата устало хрустнула костяшками пальцев. — Но у вас, как я понимаю, уже давно приготовлен один, самый главный. Не стесняйтесь, задавайте.

— Да, у меня он есть, — Алекс победно скрестил руки на груди. — Скорее не вопрос, предложение. Не люблю быть на вторых ролях. Мне казалось, это дело веду я один. Неофициально. Как ваш тайный исполнитель деликатных дел. Так вот, в тени оставаться, конечно, порой выгодно, а порой нет. Полагаю, Агата, свою «неофициальность» я окончательно перерос. Я видел клиента и знаю, где его искать. Поэтому предлагаю сделку — вам клиент, а мне...

Он вытянулся во весь рост и сказал так, чтобы она поняла каждое его слово:

— Я хочу место полковника Феликса Аристовского.

* * *

«Я сделал её! — думал Алекс, шагая мрачным коридором Черной Башни. — Скоро я сделаю их всех!»

Плохая примета делить шкуру неубитого медведя. Так, по крайней мере, выглядела их сделка со стороны. Но суть в том, что он не собирался отдавать Агате клиента, поэтому и предложил «ничего» за «всё». Решился на блеф и выиграл!

«Она определенно испугалась, — думал он, спускаясь лифтом на стояночный ярус. — Что сказать — женщина».

Стоило лишь зацепиться, найти слабинку. И он сумел! Она быстро сдала Феликса в утиль, как использованную одноразовую посуду. Как ненужный хлам. Не задумываясь, не моргнув своими прекрасными длинными ресницами. Воистину, всё продается и покупается.

Так, шаг за шагом он разворошит это змеиное кубло. Выдернет сначала одного, затем второго. Он не будет спешить, он будет наслаждаться. Месть это блюдо, которое следует

подавать холодным.

У него хватит и сил и времени. Так, шаг за шагом доберется и до неё. Мечты маленького мальчика когда-нибудь должны сбыться. По сути, жизнь и есть бесконечная череда удовлетворения детских желаний. Может тогда прекратятся видения — задний двор за окном и отец в белой рубашке с красными пятнами на груди...

В пятом ряду пикнул его «Нагано». Сев за руль, он посмотрел на себя в зеркало заднего вида.

«Ты красавчик», — улыбнулся серо-голубыми глазами и ласково пригладил «эспаньолку».

Вынув из внутреннего кармана пакетик, достал две красных таблетки. Повертел указательным пальцем на ладони и одну за другой отправил в рот. Замер, не шевелясь в ожидании «прихода», затем завёл мотор и уже взялся за рычаг передач, как вдруг, будто когти, в локоть впились чьи-то цепкие пальцы. Широкая ладонь обхватила сзади за шею так, что стиснула её всю, сомкнув большой и безымянный пальцы прямо на кадыке.

— Шелохнешься, сломаю шею — услышал он зловещий рык.

В этом Алекс не сомневался. Пальцы на шее не давали сглотнуть и продавить вниз предательски застрявший в горле комок только что родившегося страха.

Над ухом послышалось шипящее протяжное дыхание:

— Трогай.

Пальцы медленно разжали локоть, но шея так и осталась в стальных тисках.

Алекс включил первую скорость и медленно нажал на акселератор.

* * *

Холодный ствол упёрся в затылок.

— Руки на руль, — ухо обожгло горячее дыхание.

Алекс подчинился.

Вечер опускался на город. Такой же мрачный, как и уходящий день. Свет фар «Нагано», припаркованного в недостроенном тоннеле на окраине Мегapolis-Сити, освещал изрисованную граффити бетонную стену.

Алекс ждал. Невидимая рука нащупала кобуру под его курткой, освободив от тяжести пистолета. Уголком глаза Алекс пытался разглядеть сидящего сзади, но в затылок дышала пустота.

«Так-так, интересно», — думал Деев.

Страх не было. Был интерес — с чем, а вернее, с кем связан весь этот цирк?

— Выходи, — приказали сзади.

Алекс открыл дверь и поставил ногу на асфальт. Пальцы на шее медленно разжались, и выдох облегчения непроизвольно вырвался из ставшего свободным горла. Алекс погладил бородку, прикоснулся к горячей коже на шее.

— Ну, — нетерпеливо прошипел безликий пассажир.

Алекс медленно поднялся и вышел из авто. Стоя спиной к «Нагано», он чувствовал, как открылась задняя дверь, и обладатель огромных рук с пальцами-тисками вышел вслед за ним.

— Повернись.

Алекс повернулся. Перед ним стоял гигант. Человек был настолько огромен, что Алекс невольно улыбнулся, представив, как же тому было неудобно сидеть на заднем сидении небольшого спортивного авто. Человек изо всех сил старался выглядеть грозно, но это у него плохо получалось. Свиристый вид и по-детски наивные глаза.

— Без глупостей, — произнёс он.

— Как скажешь, — Алекс поднял руки, — у тебя пушка — ты босс.

Его невозмутимость озадачила громилу. С минуту тот мялся, подбирая слова, и Алекс смог лучше его разглядеть. Широко расставив ноги, обутые в военные песочного цвета берцы, гигант стоял с пистолетом у бедра. Одет он был в синюю военную форму без опознавательных нашивок, без погон и без каких либо обозначений родов войск. На голове короткий «ёжик» неопределенного цвета, большой угловатый рот, острые скулы, и не к месту детский голубоглазый взгляд.

— Умнее всех? — наконец прогремел верзила.

Ни один мускул не дрогнул на лице блондина. Теперь всё встало на свои места.

— Не понимаю.

— Всё ты понял. Ты чересчур... — незнакомец запнулся, перехватил оружие другой рукой и гаркнул, брызгая слюной, — а еще ты решил, что имеешь право болтать разное. Такие долго не живут. И напоследок, не стоило предлагать сделку тому, кто всегда играет по своим правилам...

Он не успел договорить. Алекс, носками ботинок стремительно рассекая гравий, бросился громиле в ноги, подскочил вплотную и обеими руками обхватил за колени. Дернул на себя, и гигант мешком грохнулся на спину, подняв клубы пыли. Пистолет выпал из рук, отскочил в сторону.

Алекс бросился к оружию, но великан, лежа на спине, сильным ударом армейских берцев откинул его к стене. Пытаясь подняться, громилу перевернулся на живот, встал на колени. Было видно, при падении сильный удар о землю сбил ему дыхание. Он мотнул головой и выпрямился. Попытался подняться, но не успел. Блондин оказался проворнее. Но не бросился к пистолету, а шагнул верзиле навстречу и изо всех сил приложился ногой к бритому виску. И сразу второй, угодив пяткой в скуластый подбородок. Голова великана дёрнулась, и два окровавленных зуба друг за другом ударились о гравий. Сплюнув кровавой слюной тот, наконец, поднялся на ноги, и запустил руку за спину. В темноте блеснул тесак, но проиграв время, великан проиграл поединок. Алекс уже поднял упавший пистолет. Противник выбросил руку вперед. Сверкнула сталь, прогремел выстрел. Пуля вышла из ствола одновременно с ударом лезвия. Громилу свалился, хрипя простреленным горлом. Выронив пистолет, блондин схватился за вспоротый живот.

* * *

Яков Соломонович жил один в старом кирпичном доме довоенной постройки. В большой просторной трехкомнатной квартире, где когда-то жили его родители, родители его родителей, близкие и дальние родственники. Теперь из большой шумной суетливой многодетной семьи, не зло ругающейся друг с другом, вечно что-то кипящей в больших алюминиевых выварках, обшивающей себя и соседей, готовящей рыбу по пятницам и бесконечно общающейся, обедающей, поющей песни в Шабат и веселящейся в обычные дни,

остался он один. И за многие годы так привык своему педантичному одиночеству, что не представлял жизни вне его.

— Вы, Яша, уникам, — говорили ему родственники в его тридцать пять. — Еврей-холостяк — это ненормально. Вы любите всех женщин и поэтому никак не можете выбрать одну?

— Вы Яков, уникам, — удивлялись коллеги в его сорок пять. — Неженатый еврей — это неестественно. Вас любят все женщины, и поэтому вы не хотите ни одну из них обидеть?

— Вы Яков Соломонович, уникам, — качали головой соседи в его пятьдесят пять. — Одиноким еврей — это подозрительно. Или вы хорошо знаете женщин, или хорошо знаете самого себя?

— Ты, Липсиц, уникам, — не без сарказма повторял он про себя в свои шестьдесят пять. — Какой же ты, все-таки, уникам.

Повторял и невесело вздыхал.

В молодости у него было много женщин, но черноволосый красавец Яшка Липсиц о женитьбе говорил так: «Лучше десять раз спросить дорогу, чем один раз заблудиться». Вот так, ни разу и не заблудился. Остался бобылем. Один в большой, некогда шумной, до краёв наполненной жизнью и суетой квартире. Тогда, давным-давно, полвека назад по этой квартире, еще коммунальной и многосемейной, пахнувшей фаршированной рыбой и вишневой наливкой, целыми днями вереницей носилась озорная еврейская детвора.

— Яшка-бандит! — кричала тетя Ривка, развешивая белье по кухне. — Как мог такой умный и красивый мальчик вырасти таким бандитом. Бедный Соломон. Не дай бог, связаться его сыну с криминалом.

То был скол веков — конец кровавого двадцатого и начало двадцать первого века прогресса. Может потому, что детство Якова Соломоновича прошло в лихие 90-е, пророчество толстухи Ривки в чём-то сбылось. Он связался-таки с криминалом — стал экспертом-криминалистом.

От тех весёлых дней остались лишь воспоминания. И еще книги. Сейчас, в свои шестьдесят пять он каждый вечер усаживался в продавленное кресло с бокалом дорогого коньяка и читал старую фантастику. Книги достались по наследству от отца Соломона Аркадьевича Липсица, гения астроэнергетики. Настоящие бумажные книги уже давным-давно стали раритетом, но Яков Соломонович любил читать только такие — настоящие бумажные. Пусть они утратили неповторимый запах типографской краски, хруст клея на переплете, ощущение новизны и навсегда пропахли пылью и старостью. Но держа в руках эти старые книги — носители всего пережитого человечеством за последние тысячелетия — Яков Соломонович испытывал необъяснимый трепет как в детстве, когда зачитывался Купером, Дюма старшим, Айзеком Азимовым, братьями Стругацкими... Вот таким он был тогда — Яшка-бандит, любитель глотать книги, как горячие пирожки тети Ривки, таким, по сути, и остался по сей день.

Читать в дождь под мягким светом старого зелёного абажура, укрывшись верблюжьим пледом в своем любимом кресле с книгой в руке — высшее наслаждение, и этим вечером Яков Липсиц, в который раз перелистывал посеревшие от времени страницы томика Кинга, отпивая небольшими глотками из широкого бокала коньяк и непроизвольно причмокивая от удовольствия. Этот вечер ничем не отличался от прожитых. Такой же тихий и одинокий как всегда. Пока в дверь не позвонили.

Яков Соломонович не сразу догадался, что это входной звонок. Подумал, что

показалось. За годы одиночества он забыл этот звук. Но трель раздалась снова, затем ещё, и он понял, звонят в дверь. Удивленный Липсиц опустил ноги в домашние тапочки, поставил недопитый бокал на книжный столик и буркнув под нос: «Это что за здрасьте?», пошаркал к двери.

Тот, кого он увидел на пороге, не то, чтобы удивил или озадачил, хотя бояться Липсицу было нечего, он его испугал.

— Вы?

Яков Соломонович жил тихо, работал прилежно и врагов не нажил. Но именно этого человека, будь его воля, обходил бы десятой дорогой. А лучше, вовсе не знал. Все началось, когда этот человек несколько лет назад появился в его лаборатории с небольшой картонной папкой под мышкой. А в папке дело Соломона Аркадьевича Липсица, казненного во времена большой чистки за антипрогрессивные, антинародные действия. И дело его старшего брата Исаака, участника подполья, без вести пропавшего при операции «Сломанная стрела». И дело его матери Рахили Липсиц, казненной за пособничество вместе с отцом.

— Яков Соломонович, — тогда сказал этот человек, — вы специалист с большим опытом, вас уважают коллеги, и лично вы своим ежедневным кропотливым трудом сделали для дела Прогресса гораздо больше, чем кто-либо. Но ваша семья...

— Я думал, что времена, когда сын отвечает за отца, давно прошли, — попытался возразить Яков Соломонович.

Но человек лишь улыбнулся и, погладив ухоженную «эспаньолку», добавил:

— Времена всегда одни и те же.

И вот опять этот человек стоял на пороге его квартиры, придерживая окровавленными руками вываливающиеся из живота собственные кишки.

— Как это? — обескуражено пролепетал Яков Соломонович. — Почему это?

Прислонясь к дверному косяку, Алекс еле держался на ватных ногах, и казалось ещё немного, вот-вот потеряет сознание.

— Я надеюсь, вы хорошо учились на хирургическом факультете? — тяжело выговорил он. — Раны зашивать умеете?

Яков Соломонович не выдавил из себя ни слова. Лишь как рыба двигал немой челюстью и тарачил глаза.

— В больницу нельзя. Нет лички.

— Ну конечно. Я должен был догадаться, — наконец произнес Липсиц, подхватывая сползающего по дверному косяку Алекса.

Тягостно выдохнув, он подставил сухое плечо, и раненый всей тяжестью повис на щедедушном еврейском старике. Кряхтя и постанывая, Яков Соломонович дотащил его в спальню и уложил на постель. Вдруг содрогнулся, выбежал в ванную комнату и вернулся с клеенкой, которую аккуратно подложил под кровоточащий живот. Сделав всё это, остолбенел, не понимая, как быть дальше.

— Что вы стоите? — подстегнул его Алекс. — Делайте что-нибудь. Вы доктор, или я?

— Да-да, конечно, — Яков Соломонович пришёл в себя, засуетился и снова выбежал в ванную.

Через минуту вышел, вытирая руки полотенцем.

— Конечно, не операционная... — задумчиво бурчал себе под нос, роясь в комод.

В его руках появился потертый лекарский саквояж с медными, потускневшими от времени застежками. Поставив его на прикроватный столик, он принялся разглядывать кровоточащую рану. Стоя над кроватью и протирая руки перекисью водорода, он внимательно профессиональным взглядом изучал проблему. В молодости Яков Соломонович действительно учился на хирурга, но вот уже много лет вскрывал лишь покойников, сейчас же нужно было зашить живого.

— Сколько прошло времени, милейший? — деловито поинтересовался он, цокая языком.

— Полчаса, — ответил Алекс и застонал.

— Тихо-тихо, — испугался Липсиц, — не вздумайте умереть тут у меня. Мне легче вас зашить, чем похоронить.

Про себя же подумал: «Значит, ткань не начала отмирать».

Алекс невольно улыбнулся.

Яков Соломонович открыл чемоданчик и выложил на стерильную салфетку нужные инструменты: медицинские щипцы, иглу в виде буквы «С», зажимы, нить. Рядом поставил спиртовку и флакон с антисептиком, положил вату, бинт, салфетки. Затем надел латексные перчатки и принялся за рану. Аккуратно засунул обратно торчащие внутренности и визуальным образом исследовал резаные края.

— Всё отлично, — бормотал Яков Соломонович, — какая прекрасная рана. Залюбуешься. Ткани живые, мышцы сокращаются, а края превосходно прилегают друг другу. Замечательно. Шедевр.

Казалось, он наслаждался увиденным. Досконально изучив рану, он взял шприц и стал обкалывать её местным наркозом. Алекс застонал снова.

— Тише-тише, — ласково пропел мед-эксперт, успокаивая как ребенка, — все будет хорошо-шо.

Последнее слово он произнес нежным родительским тоном, будто обращался к сбившему коленку ребёнку.

Алекс усмехнулся: «Конечно, все будет хорошо, но не сегодня?»

Наконец наркоз стал действовать, и Алекс перестал чувствовать боль. Отвернувшись, он уставился на давно не крашеный потолок и подумал о случившемся. Он не предполагал, что его так быстро попытаются «слить» и удивился оперативности такого решения. Но какой смысл? Неужели ставки в этой игре настолько высоки, что переступить через него — всего лишь тактическая необходимость? Он искренне считал, что они договорились и ещё раз убедился, что его противник, Агата Грейс жестока и коварна.

Тем временем Яков Соломонович принялся иссекать рану, удаляя засохшую кровь и подверженные некрозу ткани. Делал он это уверенно, раз за разом вытирая пот с взмокшего лба и облизывая сухие мясистые губы, будто видел перед собой не ножевую рану, а стейк «аль денте» с сочащейся капелькой крови. Закончив обработку, приступил к химической антисептике очищенных краёв.

— Это без сомнения нож, — бормотал он в полголоса, — не просто нож, разделочный тесак. Слава Прогрессу, органы не задеты. Удивительно. Вы — везунчик, молодой человек. Вы знаете об этом?

Липсиц пинцетом несколько раз промокнул нить в спирте, положил её на стерильную салфетку и принялся прокалывать С-образную иглу, специальными щипцами держа её над горячей спиртовкой.

Он бубнил что-то о гангрене, но Алекс не слушал старого врача. Он думал об Агате.

«Почему? — спрашивал он себя. — У меня нет ничего против неё. Никаких материалов. А моё предложение должно было выглядеть всего лишь как карьерный ход, эдакого прыткого молодого выскочки, решившего продемонстрировать свою исключительность. Но такая реакция с её стороны — это перебор. Неужели она узнала кто я? Но откуда? Сын за отца не отвечает, да и откуда ей было узнать...»

В какую игру играет Агата? Чего боится?

За год службы «тайным агентом» Алекс изучил повадки госпожи Грейс и знал, та всегда старается использовать людей с максимальной выгодой для себя, и избавляется лишь от отработанного материала. Но всё течет, всё меняется, мало ли... Но то, что громила в армейских берцах её человек, сомнений не было.

Наркоз притупил боль и только сейчас Алекс испытал огромную усталость. Тяжелые веки напоззли на глаза. Захотелось поскорее забыться.

«А вы, Ал, так и не научились расслабляться», — вспомнились слова Агаты.

«С вами расслабишься», — подумал он, погружаясь в небытие.

Яков Соломонович пинцетом стянул края раны к центру и, продев иглу, сделал первый стежок. Поставленные ранее зажимы удерживали края в нужном положении. Он завязал узел на здоровой части, отрезал нить, оставив торчащим конец в полсантиметра, и продев иглу дальше от центра к краю, крепко сжимая пинцетом сшиваемые края. Движения мед-эксперта были быстрыми и точными, словно каждый вечер в своей спальне ему приходилось зашивать резаные раны.

— Так-так, — лопотал он вполголоса, проворно орудуя одновременно иглой, пинцетом и ножницами, — и кто же это вас так? Так-так...

Время от времени Яков Соломонович аккуратно промачивал готовые стежки перекисью водорода, приговаривая:

— Всё будет хорошо, молодой человек... очень хорошо, что мой дед был портным...

И улыбался уголками глаз.

«Хорошо, — Алекс закрыл глаза. — Все будет хорошо».

Его тело налилось свинцом, будто вросло в жесткий матрац кровати. Конечности отяжелели, и бормотание хозяина квартиры растворилось во всепоглощающем вакууме, быстро наполняющем комнату, вытесняя из головы вчерашнее, сегодняшнее, завтрашнее. Казалось, пустота высосала весь кислород вокруг, но дышать на удивление стало легче.

«Хорошо... все будет хорошо», — Алекс погрузился во мрак.

* * *

Где-то из самых глубин сна раздался протяжный звонок. Яков Соломонович открыл усталые глаза.

«Приснилось? — подумал он. — Совсем плохо с нервами».

Поелозив на неудобной кушетке, он развернулся на другой бок и с головой зарылся в одеяло: «Не выплюсь сегодня».

Звонок повторился снова. Уже наяву. Он прозвенел громко и властно, заставив Липсица вскочить так, будто ему не шестьдесят пять, а в два раза меньше. Сон испарился мгновенно.

Яков Соломонович поднялся и, шаркая босыми ногами, пересёк гостиную. Приоткрыл дверь спальни и посмотрел внутрь. Алекс Деев спокойно спал на его кровати, раскинув в стороны руки.

«Этот здесь, — удивлённо подумал Липсиц, — тогда кто же там?»

Не успел он плотно прикрыть дверь, как звонок прогремел в третий раз и уже долго, протяжно, требовательно.

— Что за ночь, — раздраженно буркнул усталый еврей.

Вдруг появилась необъяснимая тревога. Она предательски екнула внизу живота и прошептала: «Не открывай». Но тут яростный неугомонный звонок прогремел в четвертый раз, крича и требуя: «Открывай, иначе хуже будет!» и Липсиц, быстро семеня босыми ногами и на бегу запахивая халат, поспешил к двери.

Щелкнул замок, и привыкший ко всему мед-эксперт, чтобы не упасть ухватился за дверной косяк. На пороге стоял человек в хорошем дорогом костюме с перевязанной головой и с искусственной как у био-робота внешностью. В его руке чернел пистолет. Держал он его дулом вниз, скорее демонстрируя, нежели угрожая. Рядом, придерживая окровавленную руку, стояла Роза Норман и капли крови капали с грязно-красного бинта на придверный коврик.

Белолицый сделал шаг и, не произнося ни слова, переступил порог. Вслед за ним вошла Роза.

— Проходите, — с опозданием произнёс старый врач, скорее Розе, чем незнакомцу с пистолетом. — Вы поч-чему...

Самообладание изменило ему, и он непроизвольно стал заикаться. Возникла мысль, что самое время выпить успокоительное. Или водки.

— Яков Соломонович, не бойтесь, — сказала Роза. — Бояться нечего, мы пришли к вам и за помощью, потому что... вы свой, мы вам доверяем. Вот... — Она выставила вперед забинтованную кровоточащую руку: — ...пуля.

«Пора открывать частную подпольную практику», — Липсиц не мог жить без сарказма. Так он подбадривал себя, чтобы не сорваться в глубокий невроз. Два потрясения в одну ночь — это уж слишком.

Краем глаза он глянул на плотно закрытую дверь спальни и мысленно перекрестился. Но делать было нечего. Прогнать незваных гостей он просто был не в состоянии. К тому же поднять шум сейчас невыгодно ему самому. Липсиц поник, опустил голову, вздохнул и подчинился судьбе. К тому же в душе Яков Соломонович был истинным врачом, и клятва Гиппократа для него была не пустым звуком.

— Проходите, девочка моя, — указал он рукой на кушетку в гостиной.

Девушка и её белолицый спутник вошли. Сев на край кушетки, Роза положила раненую руку на колени перед собой. Рана кровоточила снова, бинт был весь в крови, да и на лице девушки читалась невыносимая боль. Липсиц аккуратно приподнял раненую руку, пододвинул под неё книжный столик и принялся осматривать. Давящая повязка ослабла и плохо удерживала кровотечение.

— Сколько прошло времени? — деловито поинтересовался он.

— Это случилось утром.

— Та-ак, — многозначительно протянул Яков Соломонович и скрылся в ванной комнате. Через минуту вышел, обтирая вымытые руки вафельным полотенцем. — Та-ак.

Он взял медицинские ножницы и медленно разрезал повязку вдоль руки. Полностью сняв бинт, вытер вокруг пулевого отверстия кровь и начал внимательно обследовать рану.

— Огнестрел, — констатировал зачем-то вслух. — Но артерии не задеты. Иначе потеря крови в течение дня оказалась бы смертельной. Удивительно. Вы — счастливица, девочка моя. Вы знаете об этом?

«Кому-то я уже говорил сегодня эти слова?» — мелькнула мысль, и мед-эксперт грустно улыбнулся.

Затем методично, будто находился в лаборатории на дежурстве, он разложил на столике инструменты: щипцы с длинными губками, спринцовку, зажимы, спиртовку и антисептик. Рядом положил много ваты, бинтов, салфеток и два полотенца.

Он снова скрылся в ванной комнате, и вышел с большим тазом горячей воды. Подставил таз под простреленную руку, и чистая вода сразу окрасилась от падающих кровавых капель. Надев латексные перчатки, Яков Соломонович стал обмывать рану от запекающейся крови, периодически протирая её ватными тампонами. Когда рана стала чистой, он аккуратно обработал края хлоргексидином и в конце промокнул спиртовым тампоном, от чего Роза застонала, закатив глаза.

— Тихо-тихо, — вздрогнул Липсиц, оглядываясь на дверь спальни. И будто успокаивая самого себя как ребёнка, добавил: — Все будет хо-ро-шо.

Брызнув несколько раз вокруг раны баллончиком с анестетиком, он подождал, пока рука потеряет чувствительность, подозвал белолицего незнакомца ближе, и подбородком указал на Розу:

— Держите крепко, молодой человек. Сейчас начнётся самое интересное.

Оттягивая пинцетом края раны, Яков Соломонович стал дренировать спринцовкой сочащуюся кровь. Очистив и осушив пулевое отверстие, он по-приятельски подмигнул Розе

и засунул свой указательный палец прямо в рану как можно глубже. Глаза девушки округлились. Пересохшие губы стали судорожно хватать воздух. Тело выгнулось в тугую дугу, и белолицему довелось приложить недюжинные усилия, чтобы удержать свою спутницу на кушетке.

— Тише-тише, — пропел словно мантру мед-эксперт. — Хорошо... очень хорошо.

Пальцем он нащупал пулю, застрявшую в мягких тканях почти на выходе. Развел края раны в стороны и вставил пинцет туда, где только что был его палец. Металл упёрся в металл. Роза протяжно завывала и, схватив здоровой рукой, лежащую рядом книгу, взяла её в рот и сжала зубами так, что прокусила переплёт. Губки пинцета захватили свинец и медленно по раневому каналу потянули вверх. Роза изо всех сил забила ногами, и белолицему пришлось всем телом улечься на неё.

— Тихо-тихо, — шептал врач, — умничка моя.

Из раны показался краешек пули, и через мгновение она вся уже лежала на тарелке — маленький окровавленный чёрный кусочек смертоносного металла. Роза перестала биться и обмякла, теряя сознание. Яков Соломонович тщательно осмотрел рану, очистил её от остатков одежды, занесенных пульей, и под конец протер края спиртовым раствором. Затем наложил стерильную тугую повязку и облегченно выдохнул.

— На сегодня всё? — спросил он в пустоту, повернувшись к входной двери.

Затем посмотрел на белолицего, но ничего не сказал, лишь отметил, что уже видел где-то эти глаза, спрятанные за толстыми линзами роговых очков. На мысли и эмоции не хватало сил — Яков Соломонович смертельно устал. Невыносимо хотелось спать и он, измучено снимая окровавленные перчатки, смог произнести лишь одно:

— Располагайтесь здесь.

Затем подобрал как можно больше воздуха в лёгкие, и медленно выдохнул через собранные в трубочку губы. Посмотрел сквозь темный коридор на входную дверь. Сейчас ему хотелось лишь одного, чтобы этот ненавистный дверной звонок не проронил больше ни звука хотя бы до утра. Яков Соломонович, старый одинокий шестидесятипятилетний еврей, с трудом поднялся, и медленно передвигая отяжелевшие ноги, побрёл в маленький кабинет — третью комнату своей трехкомнатной квартиры, приговаривая на ходу:

— Спать, спать, спать...

— Кем это надо быть? — Хромой стоял посреди комнаты и удивленно разглядывал разбросанные по полу обломки. — Вырвать наглухо привинченный стул. Вот тебе и хлюпик. Он и не горит, и, наверное, не тонет. И испаряется на глазах как дым. Ах, какая силища... Феликс, он кто?

Полковник не ответил. Лишь проверил прочность повязки на голове и, размышляя, усталился в пол:

«С ним сразу не заладилось, пошло наперекосяк. Ситуацию нужно менять. Найти ту точку слома, когда пошло не так, и срочно исправить. Я его недооценил. Но какой другой оценки заслуживает молодой неопытный следак, за плечами которого работа с асоциалкой? Уж точно не из Стражей Пустоши. А может...? Ладно, к чёрту догадки! Пора отвечать на вопросы».

— Я уехал. Займись комиссаром, — сухо приказал Хромому и вышел в серую дверь.

Дворники легко стирали с лобового стекла остатки морозящего дождя — неуёмный весенний ливень превратился в слепой дождь и постепенно шёл на убыль. Сквозь рваные тучи робко проглядывало скатывающееся за горизонт багровое солнце. Феликс гнал «Теслу» к Черной Башне. Боль в голове притупилась, остались злость и досада. И ещё вселенская усталость. Как же он все-таки смертельно вымотан. Хотелось поскорее очутиться в своей квартире и упасть в мёртвый сон. В свой, ставший почти привычным кошмар. Скорей бы забыться, отключиться от невыносимой, неподконтрольной, смеющейся над ним реальности, раствориться и умереть во сне.

Ему никогда не снились трупы убитых им. Полковник был безразличен с чужой смерти. Как впрочем, ко всему. Он не стремился ни к орденам, ни к славе. Не верил пропагандистской муре о светлом будущем Прогресса, выдуманной Советом для контроля чипированных граждан — рабов Мегалополиса. Он не был рабом — не боялся, не верил, не просил. Он был аскет, кшатрий, служака. Он служил Агате Грейс. Ни идеям прогрессоров, ни народу-победителю, ни СОТ. Как верный цепной пёс, всегда рядом с ней, по правую руку. Это наполняло жизнь осмысленностью. Ведь каждый самурай должен иметь своего сюзерена. Воин обязан кому-то служить. Делать, что умеешь. Не из страха, а потому что любишь, и для того, кого любишь.

Феликс вошёл через маленькую угловую дверь и сходу выпалил, не здороваясь и даже не пытаясь подготовиться:

— Он сбежал... снова.

Агата лежала в бассейне на спине, и чёрная вода нежно ласкала её тело.

Феликс ждал реакции, но она молчала. Безмятежно покоилась на водной глади, и ни единый мускул не дрогнул на её бесстрастном лице. Над тихой водой, в полумраке залы висело пугающее безмолвие.

— Щенок начинает меня раздражать, — баритон полковника эхом отразился от стен, — он всегда на полшага впереди. Притом, что обычный мальчишка! И не таких щёлкали в два счёта. Но этот...! Агата, я хочу знать, кто он. Кто этот чёртов Кариди?

Она лежала в воде и смотрела в вечернее небо. Тучи мало-помалу рассеивались, и на небе то здесь, то там вспыхивали крохотные огоньки. Сквозь матовую поверхность стеклянного свода сиротливым ярко-желтым глазом робко заглядывал молодой месяц,

вечный символ новизны.

— Ты слышал когда-нибудь поговорку: «Мысль материальна»? — спросила Агата, и своды купола отголоском отразили её слова, усилив многократно. — Надеюсь, да. Как считаешь, что она означает?

Феликс молчал. Ему сейчас совсем не хотелось обсуждать поговорки.

— Правильно, — не дожидаясь ответа, продолжила Агата, — о чём думаешь — то и случается. Странная связь, не правда ли? Как такое может быть? Ибо действительность неподвластна нам и никак нами не управляется. Реальность такая, какая есть и от нас не зависит. Неужели погибшие на войне желали своей смерти? «À la guerre comme à la guerre». Ты солдат, тебе ли не знать об этом. Или умершие от болезни? Никто из них не хотел ни заболеть, ни умереть. Но как говорится, от судьбы не уйдешь. Судьба. Выходит, не мы управляем ею, она управляет нами.

Сделав два сильных взмаха, Агата подплыла к краю, вытерла мокрое лицо ладонью и посмотрела на Феликса холодными зелеными глазами.

— Господин полковник, вы никогда не задумывались над тем, что всё может быть иначе? «О чем думаешь — то и случается». В этом что-то есть.

Она поднялась по лестнице и укутала безупречное тело широким полотенцем, пахнущим лавандой и девственной чистотой.

— Феликс, вот ты сейчас думаешь, и в результате работы мозга формируется множество нейронных связей, создается бесчисленное количество энергетических цепочек, что заставляет твой организм делать те или иные действия. В жаркий день тебя мучает жажда, но усилием воли ты вполне можешь контролировать её. Но стоит показать стакан холодной воды, как мозг тут же спровоцирует начало интенсивного слюноотделения, и твоя воля окажется не в силах противостоять мысли немедленно выпить эту живительную влагу. Появится сила сильнее тебя, сильнее твоей воли. Или, к примеру, вспоминаешь что-либо хорошее, и по всему телу разливается приятное тепло. А думаешь о плохом, и твои пальцы холодеют. Так мысль, превращаясь в энергию, руководит твоим телом. Получается, мысль материальна. А наша действительность? Она — такой же целостный живой организм со своими связями, закономерностями, со своей энергетикой. В таком случае, где та энергия, которая управляет ею? Чьи мысли формируют то, что окружает нас? Скажешь — фантазия? А как же Бог создал небо и землю за шесть дней? Допусти на минуту, что это реально, и есть такая сила. Она действительно божественна. По сравнению с ней то, на чём держится земная власть — ничто. Всё созданное людьми, весь этот электромир, вся искусственная энергия, бегущая по искусственным проводам — ничто по сравнению с огромной силой космоса. Представь на секунду, дорогой Феликс, что ты владеешь ею. Представь, как управляешь реальностью, а значит самой жизнью.

Вся она раскраснелась и преобразилась. Тонкие губы её нервно вздрагивали, и Феликс неожиданно увидел настоящую Агату. Страсть преобразила её. Она подняла голову к звездному куполу, и мириады звёзд в ответ заглянули в её глаза.

— Тебе бы понравилось, — добавила она, успокаиваясь. — Лучшее, что есть — это власть над себе подобными. Она появилась с возникновением жизни, а благодаря ей появилось общество. В любом случае, стоило первобытному человеку навязать соседу свою волю вопреки его воле — в этот момент появились и власть, и общество.

Она обошла бассейн, остановилась в углу у шезлонга, и устало села в него. Феликс молчал. Что он мог сказать? Он не понимал ни слова из сказанного и, пожимая плечами,

сказал единственное, что можно было сказать:

— Понятно.

Агата улыбнулась, улеглась удобней, вытянув расслабленные ноги и опустив руки вниз, закрыла глаза. Дальше продолжила как обычно, ровным невозмутимым тоном:

— Из протокола от девятнадцатого марта о происшествии на Аккумуляторной следует, что у Аркадия Шамшагана был перелом лучевой кости правой руки. Об этом, кстати, есть заключение дежурного травматолога Побединской клиники. При обследовании же его трупа установлено, что обе руки покойного, как правая, так и левая, никогда не были сломаны. Его мозг, только представь, весит три с половиной килограмма и выглядит так, будто владелец не то, чтобы не употреблял, даже не нюхал ни алкоголь, ни тем более дарк. Дальше о его подельниках. Содержимое черепной коробки сорокалетнего Егора Омуля по кличке Пузырь, полжизни вдыхавшего на электроперегонке пары трития имеет девственно молодые нейроны, а мозг двадцатидвухлетнего Джея Семенко, рассказал нам о том, что этот самый Вонючка, состоящий на учете в тубдиспансере, оказывается, никогда не болел туберкулезом. Ты спросишь, как такое может быть?

Молодая луна залила бассейн холодным серебряным светом, и ее отражение в темной воде безмятежно расплылось по его водной глади. Агата беспечно разглядывала колышущийся диск в черной воде.

— Может потому, что этих людей объединяет одно — все они имели контакт с нашим клиентом, Эриком Губером. Теперь ты спрашиваешь меня, кто такой Марк Кариди. Я скажу кто он. Простой рыжий парень, ничем не примечательный, обычный... был таким. Пока, так же, как и те, не вступил в контакт с этим «иным».

Агата повернула голову к полковнику и пронзила его колючим взглядом.

— Ты назвал его щенком. Обычным мальчишкой. Не забывай — мысль материальна. Как думаешь, сколько сейчас весит его мозг?

Отражение луны вдруг задрожало и исчезло, будто кто-то его спугнул. Агата поднялась и подошла к полковнику вплотную.

— С ним будет сложно, Феликс. Он всегда будет на полшага впереди. Он был «по ту сторону» и, как я уже поняла, теперь умеет то, что должна уметь я. Теперь он управляет реальностью. Но это пока.

* * *

Утро заглянуло в окно кабинета, робко прикасаясь мягкими солнечными лучами к старой мебели, выкрашенным суриком панелям и бесконечно пыльным книжным полкам библиотеки. Яков Соломонович открыл глаза и с удивлением отметил, что хорошо выспался, хотя спать ему пришлось на старом матрасе прямо на полу.

Он глянул в окно и зажмурился. После двухнедельного непрекращающегося назойливого дождя утреннее солнце казалось чем-то необычным, потусторонним, совсем позабытым. Пробуждение вышло лёгким, будто и не было прошедшей тяжёлой ночи. Потянулся, размял затекшую спину и вышел в гостиную.

В нос ударил сильный запах кофе, и Яков Соломонович не на шутку расчихался.

— Доброе утро, — услышал он мужской голос.

Из спальни с пухлой красной чашкой ароматного напитка в руке показался Алекс. Без

рубахи, с голым торсом, обмотанным тугой повязкой скрывающей точеные кубики пресса, он широко улыбался во весь рот.

— Что вы делаете? — сорвался на фальцет Яков Соломонович, — вам нельзя вставать! Вам нельзя кофе! Нельзя...

— Спасибо, — перебил его тот, отпивая большой глоток из чашки. — Большое спасибо, Яков Соломонович, за всё! Дорогой вы мой, вы мне жизнь спасли.

Алекс громко жизнерадостно рассмеялся, но осёкся, ухватившись за перебинтованный живот.

— Вот-вот! И я об этом... — замахал руками Яков Соломонович, будто предостерегая от необратимых последствий.

— Все нормально.

Алекс, сел на кушетку и сделал ещё глоток из красной чашки. Тут только Яков Соломонович сообразил — ведь двух его других полуночных гостей уже нет в квартире. Он обернулся кругом, оглянулся по сторонам. Так и есть — белолицый и его спутница исчезли.

— Кого-то ищите? — поинтересовался блондин.

— Нет-нет, — испуганно промямлил хозяин квартиры, — что вы. Вот разве что... где-то завалялись мои очки.

Вдруг он подумал о том — ушли они до того как проснулся господин Деев, или встреча всё же состоялась? Вчера Яков Соломонович так устал, что не мог даже подумать о том, что может произойти утром. Ведь вся эта троица оставалась под крышей его дома до самого утра, и то, как произойдёт их утренняя встреча, могло отразиться не только на каждом из них, и на их, с таким трудом восстановленном его скромной персоной здоровье, но и на его собственном благополучии. Встреча тайного агента УБ со вспоротым армейским тесаком животом и ефрейтора полиции Розы Норман с рукой, простреленной армейской пулей калибра 9x19 не сулила Якову Соломоновичу ничего хорошего. И господин Деев, и незнакомец с лицом после пластической операции не вызывали у мед-эксперта ни малейшего доверия.

Но судьба оказалась добра к старому еврею, и видимо опасная встреча не состоялась.

«Стало быть, ушли ещё ночью, — подумал Яков Соломонович, и поднял к небу благодарный взгляд, — хвала Святым Спасителям. Значит, так было нужно».

— Налейте и себе чашечку, — предложил Алекс, — тяжелая ночь выдалась.

Повеселевший было Липсиц, напрягся снова.

— Ничего подобного, — буркнул, как можно непринужденней пожав плечами, — ночь как ночь. Почему вы так решили?

— Вы каждую ночь вправляете кишки и зашиваете животы?

— Нет... Я не это имел ввиду...

Он замялся, и чтобы перевести разговор, потянулся к чайнику.

— ...пожалуй, выпью кофе.

Солнце залило гостиную утренним светом — начало апрельского дня выдалось замечательным. Алекс улыбался во все тридцать два зуба, от чего Якову Соломоновичу тоже стало радостно. Он сделал глоток из горячей чашки и почувствовал, как сокращения миокарда участились, стали интенсивно разгонять кровь по ещё сонному телу.

«Пронесло, — сам себя успокаивал он, — этот шлимазл даже не догадывается, что тут творилось, пока он спал».

Вдруг его бросило в жар. И не от кофе. Яков Соломонович неожиданно подумал, что

если Роза замешена в преступлении, и он, помогая ей, невольно стал пособником. К тому же с виду этот её «меченный» спутник — уж он-то точно преступник.

«Нет-нет, — гнал прочь невесёлые мысли побледневший мед-эксперт, — эта девочка — образец полицейского. Я-то знаю. А вот этот субъект...»

Он подозрительно посмотрел краем глаза на Алекса и вдруг съежился от ощущения нависшей тревоги.

«Этот всё может. Не зря его пырнули. Что если его уже ищут? — вдруг подумал Липсиц, глядя на Алекса, беспечно листающего томик Кинга. — Если этот скрывается от властей? Смотрю, он и не думает уходить. Точно — прячется. Но ведь это уже сокрытие... Бедная моя седая голова! За что мне всё это?!»

Вспомнились времена «чистки», и могильный холодок пробежал по спине. Тогда расстреливали за всё без разбору. За вскользь обронённое слово, за косой взгляд, за то, что ты знакомый или, не дай бог, родственник «врага прогресса». Нынешние времена стали мягче, но мудрый еврей помнил слова, когда-то невзначай оброненные сидящим сейчас напротив него тайным агентом Управления Безопасности: «Времена всегда одни и те же». И вот этот самый тайный агент, молча, смотрит ему в глаза, и Яков Соломонович не знает, стоит ли продолжать дорожить его навязчивой дружбой, или пора её опасаться.

— Не беспокойтесь, дорогой Липсиц, — мягко сказал Деев таким тоном, что мочки ушей мед-эксперта поledenели. — Вы ни в чём не замешаны, мы с вами незнакомы и никогда не встречались. Надеюсь, вам не придется нигде объяснять, как результаты экспертиз трупов Кариди, Шамшагана и его компании попали ко мне в руки. Потому что вы есть, и всегда будете, меня же в природе не существует. Я фантом, и гоняюсь за такими же фантомами как сам.

Алекс допил кофе, взял пищевой пистолет и, порывшись в коробке с капсулами, вынул одну из них.

— Куриный бульон, — прочёл на капсуле, вставил в проём аппарата, и вопросительно посмотрел на Якова Соломоновича: — Какой же я голодный. Вы не возражаете?

— Пожалуйста... будьте как дома, — всполошился тот, — еда — это как раз то, что вам сейчас нужно!

Липсиц так и не привык к синтетической пище, и по возможности старался готовить себе что-либо «старообрядческое». Но пищевой пистолет в его доме все-таки был.

Алекс приставил прибор к плечу и нажал на рычаг. В аппарате щёлкнуло, и Алекс с наслаждением прикрыл глаза. Минуту он сидел, не двигаясь, затем встал и надел рубашку. Липсиц заметил, что та была наспех застирана от густых пятен крови. Рваная мокрая дыра зияла между последней и предпоследней пуговицами.

— Вы мудрый человек, Яков Соломонович. Прожили долгую жизнь и сделали хорошую карьеру. Хорошую для того, чья семья почти вся была расстреляна в течение полугода. Ваше умение приспособливаться достойно уважения. А вот я не умею... хотя в моей работе это чуть ли не главное правило. По крайней мере, одно из основных правил выживания. Но я не думаю о выживании в отличие от других. Я думаю о том..., — он сделал паузу и покосился на пищевой пистолет, — я думаю о том, что принято подавать холодным.

И поднявшись, скрылся в спальне. Липсиц затаил дыхание, глядя на закрывшуюся дверь. Спустя минуту блондин вышел с тяжелым двадцатизарядным «магнусом» в руке. Деловито и внимательно осмотрел оружие, вынул и проверил обойму, вставил её обратно, перезарядил и только после этого поставил оружие на предохранитель.

— Поэтому ваша безопасность — это моя безопасность. И наоборот.

Он надел пиджак, подошёл вплотную к поникшему Якову Соломоновичу и игриво подмигнул. Посмотрел участливо, будто они старые приятели расставались совсем ненадолго, точно есть одна общая тайна, известная только им двоим и хранимая обоими глубоко внутри до лучших времен.

— И всё же... Вы хороший человек. Спасли мне жизнь. — Блондин сделал паузу и недобро посмотрел на притихшего еврея. Свёл брови, и выражение его лица резко изменилось, а голос стал жестким: — И всё же... насколько я помню, меня вчера резали, но никак не стреляли. Тем более из служебного оружия «управы».

Лоб мед-эксперта покрылся холодным потом.

— Я нашёл это здесь, на книжном столике, — Алекс разжал кулак.

На его крепкой узловатой ладони Яков Соломонович увидел небольшой кусок металла — пулю от боевого патрона калибра 9x19. Это была та самая вчерашняя пуля, извлеченная из руки Розы Норман, и капельки засохшей крови ещё чернели на её боку.

Алекс Деев держал на ладони боевую пулю и угрюмо смотрел на Якова Соломоновича. Блондин знал, такая пуля не подходит ни к одному охотничьему ружью, ни к травмату. Не годится она даже для армейского наградного пистолета. Только к специальному боевому. А хранение и ношение подобного оружия на Объединенных Территориях разрешено лишь спец-службистам. Обо всём этом отлично знал и эксперт-криминалист Яков Соломонович. И тем ни менее, ошибки быть не могло — на ладони у блондина лежала использованная боевая пуля от Глок-43.

— Откуда? — спросил Алекс Деев.

— Оттуда, — вздохом вырвалось из груди Липсица.

* * *

Алекс Деев помнил слова отца: «Человек без цели — не человек».

У Алекса цель была. Она была проста: месть — то блюдо, которое нужно подавать холодным. Про себя же он добавлял — и хорошо приготовленным.

Люди, попадавшие ему на пути, делились на «нужных» и «ненужных» в достижении этой цели. «Нужных» он использовал, стараясь ради задуманного до поры до времени терпеть их рядом, «ненужных» обходил стороной, немедленно вычеркивая из своей жизни. Других категорий для Алекса попросту не существовало.

На первый взгляд полковник не подходил ни к первым, ни ко вторым. Поэтому и понравился ему. У Алекса Деева был особый нюх на сильных людей. Таким был его отец. Таким хотел быть он сам.

Ещё тогда, сидя у полицейского отделения в своём «Нагано», когда он впервые увидел этого крепко сбитого, седовласого мужчину, тот сразу напомнил ему отца. Тогда Алекс прогнал неуместное сравнение — седой человек был «по ту сторону». Он был из УБ. Деев знал, этот Феликс — полковник Безопасности и правая рука Агаты Грейс, главной заказчицы Алекса. Знал так же, что известен полковник в узких кругах под прозвищем — Феликс Стальной Кулак. Но тогда Алекс ещё не знал, зачем тот здесь, у здания полиции, и кем интересуется. Седой убэшник просто напомнил ему стоящего на снегу отца, также крепкого, как этот полковник, с таким же угрюмым, но ясным взглядом, в такой же белоснежной рубашке. Теперь этот образ бессознательно всплывал перед глазами всякий раз, когда Алекс видел Феликса Аристовского.

Тогда, в конце марта полковник и его хромой напарник весь день следили за покойным Марком Кариди. Алекс же следил за всеми тремя. С самого утра, сидя в «Нагано», припаркованном неподалеку от полицейского отделения, он занял выгодную позицию для наблюдения и в который раз перелистывал досье инспектора Кариди, которое изучил наизусть. В тот день под вечер он увидел ещё одного из списка Агаты Грейс — Аркадия Шамшагана — бездомного оборванца по прозвищу Шмайсер, который зачем-то битый час ошивался у полицейского отделения, сверкая свежим гипсом на правой руке.

Алекс понимал, полиция — не лучшее место для задуманного, но такая удача выпадала не часто. «Куй железо, пока не остыло», всякий раз подбадривал он себя в случаях удачи и

неважно где выполнять работу, будь то рядом со зданием полиции, а если придётся, то и внутри его. Даже в кабинете самого комиссара Витте, если этого потребует результат.

Тот день был обычным днём, и место было обычным местом. Необычным были заказ и объект — этот самый Шмайсер. В багажнике «Нагано» у Алекса лежал автономный переносной холодильник и необходимые для выполнения заказа инструменты. Его немного смущала необходимость трансплантации черепа клиента и изъятие головного мозга, но смущало оно лишь с точки зрения возможности выполнения в таких не совсем подходящих для этого условиях. Но иных условий не было, разве что мед-лаборатория в подвальном этаже полицейского отделения и потому он решил действовать по обстоятельствам.

«Всё должно получиться», — подбодрил себя тогда Алекс, привычно поглаживая эспаньолку.

Он вышел из машины, жестом подозвал загипсованного бомжа и спросил дружеским тоном:

— Хочешь заработать?

Алекс вспомнил, как этот Шмайсер расплылся в радостной бесхитростной улыбке и как-то живо согласился. Он с удивлением отметил неестественное состояние убогого побирушки. Казалось, Шмайсер был самым счастливым бомжем на планете. Он светился так, будто любил целый мир, и мир отвечал ему взаимностью.

Алекс ещё тогда должен был догадаться — если дело началось с абсурда, то абсурдом оно и закончится. Как такое может быть? Клиентом Алекса Деева, лучшего тайного наёмника, вернувшегося из Пустоши без единой царапины, оказался грязный нефильтрационный бомж, и заказала его не кто-нибудь, а лично Председатель УБ Совета Объединённых Территорий. Какой-то абсурд! И всё же привычка не обсуждать клиентов и не думать о причинно-следственных решениях сыграла в этот раз с Алексом злую шутку. Но что поделать, привычка — вторая натура.

— Хочешь заработать? — ещё раз спросил он у Шмайсера, хотя тот уже согласно кивал в ответ.

— Конечно! — наконец-то радостно подтвердил тот.

— Тогда за мной.

Они обошли здание, и вышли на другой стороне улицы, ближе к стоянке электрокаров, прямо перед полицейским отделением.

— А вы весьма симпатичный молодой человек, — вдруг ни с того ни с сего произнёс клиент.

Это было сказано таким противоестественным для бомжа тоном, что Алекс остановился и изучающее глянул на Шмайсера через плечо. Тот, не ожидавший внезапной остановки, едва не уткнулся носом Алексу в спину.

— Ой, простите, — по-доброму извинился он.

Алекс круговым движением потёр бровь.

«Как же там? — попытался вспомнить описание под фото в досье. — Два привода за мелкие кражи... бытовое насилие... избиение... соц. кредит — 68 единиц».

Он ещё раз осмотрел Шмайсера с головы до ног и подумал: «А это точно он?»

— И что мне придется делать? — бомж с детской наивностью таращился на блондина как на старого знакомого: — Надеюсь ничего физического? Ведь я на больничном.

Он выставил перед собой загипсованную руку и хихикнул как-то очень весело и непринуждённо. Затем расхохотался так задорно, что непроизвольно рассмеялся и сам

Алекс.

— Это ничего, — сказал сквозь смех блондин, — мешать не будет.

Они подошли ближе к стоянке.

— Что-то связанное с машинами? — поинтересовался Шмайсер. — Я, знаете ли, никогда не любил машины. Раньше... жил как-то вне их. И вообще вне жизни. А сейчас...

Он задумался и тихо добавил:

— Раньше я был в самом низу, а сейчас на самом верху. Вы можете такое представить?

— На самом верху чего?

— Всего, — бомж произнёс это так, будто вместил в одно это слово всё мироздание. — После одной встречи случилось... э-э. Этим хочется поделиться... и с вами тоже.

— Чем этим?

— Всем, — и опять это было сказано так ёмко, что Алекс непроизвольно остановился.

— Подели...тесь со мной, — сам того не замечая, блондин обратился к Шмайсеру на «ВЫ».

Он внимательно осмотрел бомжа. Заштопанный серый свитер, грязное пальто, бесформенные штаны, глупо белеющий гипс. И только детская шапочка и сияющее счастьем лицо казались к месту. Но именно эта шапочка очень кстати подходила к детской улыбке на изъеденном морщинами пропитом лице.

— Пожалуйста, — задиристо выпалил бомж, — берите!

Он широко развёл в стороны руки, словно открывая всего себя нараспашку.

«А куда подевался грудной кифоз? — подумал Алекс. — На фото точно есть. Но по описанию... неучи убэшники».

— Как же хорошо жить! — почти прокричал Шмайсер, подняв радостные глаза к небу. — Как хорошо, что и вы, и я есть. Я есть! Представляете?

— Что же вас так удивляет?

— Не удивляет, радует! — и опять эта всеобъемлющая глубина в одном слове.

Алекс напрягся. Чувствовал, впервые при выполнении задания что-то пошло не так, но не мог понять, что именно.

«Он не тот, за кого себя выдает. Точно! И не так прост, как кажется. Какой же он бомж. Скрывается под видом бомжа. Это его легенда. Какой-нибудь опальный политик или военный. А может ученый-интеллектуал из пустынных. Таких во времена чистки косили пачками».

Такое объяснение походило на правду. Алекс успокоился и облегченно выдохнул.

«Агата кого попало не закажет. Я уж подумал, что председатель Грейс решила очистить Мегополис-Сити от асоциального элемента. Благотворительность ей не к лицу».

— Мое тело словно помолодело на двадцать лет, — тем временем продолжал Шмайсер. — И дышать стало легче, и в голове такая ясность и лёгкость... Ой, простите, я вас совсем заболтал. Понимаете, я тут познакомился с одним человеком...

Он вдруг задумался и пробормотал:

— А с человеком ли...

Затем улыбнулся чистой светлой улыбкой, и лицо его опять засияло.

— Со мной что-то приключилось, представляете? Пока не пойму что. То ли сон, то ли наяву было... будто лечу в пропасть. Или вверх. Непонятно. Словно растворяюсь в пустоте. И как бы нет меня. Но я есть. Я рассыпался и вновь появился. Уже настоящим. Тем, кем был всегда, и каким буду вечно. Вдруг стал таким большим. Нет, огромным! Больше земного

шара. Готов съесть его. Ха-ха-ха!

Внезапно Шмайсер вытянулся на носочках сбитых ботинок, вскинул голову вверх и начал декламировать, точно со сцены:

*Во всем мне хочется дойти,
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.*

Он остановился, посмотрел смеющимися глазами на Алекса и пропел, раскачиваясь в стороны и вскидывая вверх руки, взмахивая ими, как птица крыльями:

— Как же хорошо жить! Жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытья!

Затем внезапно осёкся:

— Вы меня понимаете?

Блондин пожал плечами.

— Я сам не совсем понимаю, — вздохнул Шмайсер. — Поэтому и здесь...

Он немного помолчал, размышляя, стоит ли говорить дальше:

— А ведь я здесь не просто так.

— Неужели? — попытался как можно естественнее удивиться Алекс.

— Мне нужен один человек, — Шмайсер по-шпионски огляделся и добавил: — очень нужен. Чтобы понять всё до конца...

Они шли среди припаркованных электрокаров. Первым шагал блондин и редкие солнечные блики, отражаясь в складках его белоснежной рубашки и алебастрового пиджака, придавали фигуре зловещую элегантность. За ним мелкими шажками, еле поспевая, радостно семенил бомж. Моросил слепой дождь, и на крышах и стеклах припаркованных машин собирались редкие блестящие капли. Алекс тронул промокшую косичку и оглянулся. Основное движение на стоянке происходило в часы пик — рано утром и в конце рабочего дня, сейчас же, спустя час после обеда, стоянка выглядела совершенно безлюдной. Миновав второй ряд электрокаров, Алекс мысленно проговорил одно из своих главных правил: «Если хочешь что-то спрятать, положи на видное место».

Он остановился и непринужденно повернулся к спутнику.

— Пришли.

— Уже? — по-детски удивился тот.

— Вы говорили о каком-то человеке?

— Да-да, о человеке, — оживился бомж. — Такой... в полосатой тельняшке. Очень хочу его снова повидать. Очень надо. Чтобы понять...

— А причем здесь полиция? — перебил его Алекс, осматривая пустынную стоянку.

— Он был здесь.

— Ну и?

— Значит и здесь есть такие, как и я...

— Какие такие? И где здесь?

— Вот там, — Шмайсер, повернувшись к блондину спиной, показал в сторону полицейского отделения, — наверное, там...

Договорить он не успел. Резкий удар замертво повалил его на мокрый асфальт. Кастет разрубил височную кость, будто хрупкий мартовский лед, и из раны фонтаном хлынула алая густая кровь, прямо на загипсованную руку, мигом окрасив белоснежный гипс кроваво-красным цветом. Широко открытые глаза бомжа застыли, уткнувшись в затянувшееся небо, и жизнь стремительно покинула их.

Алекс прислонил отяжелевшее тело к колесу ближайшей машины, и чтобы труп не завалился набок, развёл в стороны ещё не успевшие окоченеть руки и ноги. Сняв со Шмайсера так глупо и уже совсем не к месту выглядевшую детскую вязаную шапочку, он аккуратно положил её рядом с остывающим телом. Из сумки он достал большой тесак, одно лезвие которого было острым как бритва, другое же представляло мелкозубчатую пилу и, опершись левой рукой в грудь убитого, правой прислонил тесак зубьями пилы горизонтально прямо ко лбу мертвеца, на пару сантиметров выше бровей. Кровь фонтаном брызнула в стороны, когда Алекс принялся пилить череп Шмайсера.

* * *

Феликс нёсся по скоростному тоннелю, не притормаживая, не сбрасывая скорости. Скорость зашкаливала, автопилот отключён, педаль акселератора вдавлена в пол. Удерживая руль одной рукой, второй полковник поглаживал приклад лежащего на пассажирском сидении полицейского дробовика и улыбался.

Он ошибся дважды, поскольку ситуацию изначально просчитал неверно. Оценил линейно, по-военному. Решил, что чипированный гражданин, молодой неопытный мальчишка — легкая добыча. На самом деле всё оказалось с точностью до наоборот. Легкой добычей оказался он сам.

Теперь всё получится. Чернеющий на приборной доске «Бубен Шамана» монотонно попискивал, подмигивая оранжевым зрачком.

Как же просто и понятно, когда находится последний пазл и картина собирается в целое. Теперь Феликсу не нужен контактёр. Он обещал Агате найти «инога» и интуиция подсказывала — сегодня он встретит его.

«Не на того ты поставил, пришелец, — думал полковник, вдавливая педаль в пол, — не с тем вошёл в контакт...»

«Тесла» выскочила из тоннеля и понеслась вдоль поля, разрезая ночь пронизывающим ксеноновым светом. Мимо мелькали столбы, деревья, бетонные ограждения. Как в ускоренной киноленте, сливаясь в хаотично ревущий нескончаемый хоровод. Лишь холодный лунный диск неподвижно висел над бешеной каруселью, вглядываясь в лобовое стекло одноглазым магическим взором.

«Тесла» мчалась на предельной скорости, а полковник думал о том, что ему совершенно не важны мотивы, движущие его хозяйкой. Пусть та в одиночку пошла против Совета, что, кстати, вполне, похоже на правду, пусть так, он всё равно верен ей до конца. Потому что давно умер в своих снах.

Стрелка спидометра залегла в крайней правой точке — не хватило шкалы. Вокруг все стихло. Звуки остались где-то позади. Не было слышно ни рева мотора, ни шума ветра, бьющегося в лобовое стекло, ни биения сердца в висках. Осталась лишь скорость и мигание «бубна шамана»...

Он поздно заметил темную фигуру на дороге. Большую коренастую фигуру с развивающимися на ветру волосами. Резко дернув руль вправо к обочине, он обеими ногами вдавил педаль тормоза в пол. Колёса завизжали, разрывая резину в клочья, и «Тесла» волчком закружилась вокруг своей оси. Человеческая фигура осталась позади. Впереди пологий склон, уходящий в темноту ночи. И гигантская тень на небосводе, сожравшая звезды. Фары бешено резали пространство, электрокар вертелся юлой, а в голове мелькало: «Я видел это во сне». В упавшем на землю небе образовалась огромная воронка — разорвавшая пространство чёрная дыра. Внутри неё яркий световой тоннель, уходящий в бездну металлического сопла, выступающего в центре неподвижно застывшей над полем гигантской серебристо-черной тени. Могучий смерч подхватил «Теслу» и закружил, словно щепку в горном ручье. Феликс закрыл глаза, убрал руки с рулевого колеса и расслабился. Непонятно как, но перед глазами навязчиво маячило лицо человека, оставшегося стоять на дороге.

— Расставайся с собой легко, — вполголоса произнёс незнакомец.

«Тесла» кубарем катилась по склону обочины вдоль столбов электромагистрали. Всё длилось доли секунды. От удара в столб дверь вырвало «с мясом», и полковник, легко как пылинка, будто в невесомости, полетел в ночь.

глазах сверкали живые огоньки молодой энергии, будто и не было вовсе вчерашнего дня. Будто не было ни заброшенного цеха, ни убитого Витте, ни погони, ни простреленной руки, ни квартиры Липсица, ни двух часов беспокойного тяжелого сна.

— Можно было остаться и у Соломоныча, — сказал Марк.

— Нет, — возразила Роза, — там опасно.

— Почему? Ты ему не доверяешь?

— Доверяю, но... — Роза встала с кровати. — Чутьё. А здесь, в бабушкиной квартире, нас точно никто искать не будет.

Она повернулась спиной, и он увидел её шею с выступающими позвонками под смуглой кожей, такую нежную и до боли чуткую, что оторопел. Бабушкина картина никак не вязалась с образом «железной леди». Он подавил желание прикоснуться, ощутить пальцами всю нежность бархатной кожи, пахнущей мягким тонким ароматом чистоты и тепла.

«Какая она все-таки ранимая, — подумал он, — пытается казаться... пытается быть сильной. Готовит себя к любым испытаниям. Лучший полицейский прошлого года. И всё же... такая ранимая».

Он сглотнул подступивший к горлу комок и снова отвернулся к окну, пытаясь скрыть не к месту нахлынувшую сентиментальность.

Ночью, как только Розе стало лучше, они ушли из квартиры Якова Соломоновича, тихо прикрыв за собой дверь. Два часа пешком добирались в спальные рабочие кварталы пригорода, и наконец, очутились в этой маленькой однокомнатной квартирке на первом этаже двухэтажного здания рядом с заброшенной шахтой. Даже не закрыв за собой дверь, замертво упали, кто куда, и тут же забылись тяжелым беспокойным сном. Так закончился долгий кошмарный вчерашний день.

Утром первым проснулся Марк. Удивительно, но он вполне спокойно переносил отсутствие сигарет — его совершенно не тянуло курить. И кофе ему не хотелось тоже. Чувствовалась необъяснимая свобода. Он посмотрел в окно и увидел, как подсыхают лужи, как над их поверхностью образовывается пар и тонкими волнами поднимается вверх. Как падают с веток капли утренней росы, как выползают на оживающую землю муравьи и дождевые черви. Он слышал щебет птиц, и казалось, понимал его. Он снял очки и положил их на подоконник, теперь они были ему не нужны. Он видел всё, даже то, как сквозь влажную почву чуть заметно пробиваются тонкие ростки зарождающейся жизни. Сквозь стекло он чувствовал запах этого нового бытия. Тонкий и сильный запах начала. Марк глубоко вдохнул его, и легкие наполнились силой.

Он посмотрел на людей, идущих по улице. Они спешили к станции скоростных вагонов, и он ясно слышал звуки их шагов, стук их каблучков по бетону, шорох их подошв. Люди шли, не оборачиваясь, но Марк слышал их разговоры, читал их мысли. Он уже умел это делать.

— Почему апостолы пошли за Иисусом? — спросил он, не отрываясь от окна. — Может потому что, когда что-то знаешь, чувствуешь непреодолимое желание поделиться этим знанием с другими?

Он повернулся к Розе и деловито сдвинул то, что должно было быть бровями.

— Вот и у меня такое. Не могу носить в себе это знание. Боюсь, оно так и останется бесполезным. Бессмысленным. А бесполезное знание — это уже незнание. Вот и двенадцать апостолов, прикоснувшись к знанию, не смогли жить как прежде. Поэтому понесли его в мир к людям. И я, как они, уже не могу жить прежней жизнью.

— Ты на прежнего совсем и не похож, — улыбнулась Роза.

— Я пойду к людям, — твердо сказал он, не обращая внимания на Розину ухмылку.

— Ну-ну, — девушка ещё больше растянулась в саркастической улыбке, — напрямик в Черную Башню.

Марк вздохнул и принялся снимать с головы повязку.

— Зачем? — спросила Роза.

— Чешется. Наконец-то стала приживаться проклятая синтетика.

Грязная повязка упала на подоконник, и Марк принялся яростно чесать обеими руками рыжие островки на голове, там, где начинал пробиваться редкий ёжик волос.

— Не могу, — приговаривал он, неистово работая пальцами. — Не могу!

— Что не можешь?

— Ничего не могу! Понять не могу. Не знаю, что делать. Но точно знаю, нужно что-то делать. Обязательно!

— Делай-делай, — буркнула девушка.

Он прекратил чесаться, успокоился и сел:

— Надо идти к людям, просить их..., нет, заставить освободиться. Заставить раскрыться. Но вряд ли они меня не послушают. Не услышат. Они слышат только голос диктора вечерних новостей, и ещё ведущего телешоу «Вперёд в будущее». Меня они засмеют.

— Или убьют, — тихо сказала Роза.

Марк не слышал. Он нервно елозил бинт по подоконнику, с надеждой глядя на Розу, словно та знает ответ:

— Мы заперты собственным умишком. Но все может быть по-другому? Правда?

— И многим помогли твои апостолы? — спросила девушка.

— Может быть, может быть... — вдруг Марк поднялся и поднял руку вверх. — А может плюнуть на всё и улететь? Полетишь со мной?

— Куда? — Роза замахала руками будто крыльями. — В окно?

Марк погрузился, отвернулся и снова уставился в немытое стекло. Казалось, он был далеко отсюда, за гранью солнечного утра, где-то там, в потустороннем мире.

— Марк очнись! — крикнула Роза, — подумай о себе. Мы в бегах. Ты это понимаешь? В бе-ега-ах! А ты о человечестве и о полётах.

Ей надоела его юношеская рефлексия.

— Пойду к людям, пойду к людям, — передразнила она, раздраженно дернув плечами, — сначала оживи.

Роза смотрела внимательно и строго, как на ребенка, будто хотела передать взглядом всё, что думает о его душевных метаниях, таких неуместных сейчас.

— Соберись, Марк, — приказала назидательно, — иначе не быть тебе апостолом. Убэшникам всё равно, апостол ты или бомж. Сгниешь в рудниках, и я вместе с тобой.

— Ты снова меня спасёшь, если что, — улыбнулся Марк.

— Значит так, — Роза стала серьёзной, — а теперь давай по делу. Что мы имеем? С первого взгляда, конечно, всё плохо, но мы не в послевоенное время живём.

Она выпрямилась будто в строю.

— Есть закон, а мы — его представители. Поэтому выше нос. Первое, — Роза стала загибать пальцы, — ты жив — это факт. Второе, перед законом ты чист — тоже факт. Третье, следовательно, ты должен ожить официально. Факт.

— А ты? Что делать с тобой?

— А что со мной? — Роза внимательно осмотрела себя со всех сторон. — Рука? Сказано

же, до свадьбы заживет.

— Ты спец-службиста застрелила.

— Когда? — удивленно спросила девушка, сделав круглые глаза.

— Вчера, — передразнил её Марк.

— Ты видел? Не видел. А кто видел? Может тот седой убэшник, который убил комиссара полиции? Он видел? Это он-то спец-службист? Да он бандит! Настоящий притом. А моя задача как представителя закона всегда применять оружие против бандитов без лишних слов и размышлений. Что я вчера и сделала. И у меня это отлично получилось. Посмотрю я, как они выдвинут против меня обвинение. Если осмелятся выдвинуть. Да меня ещё наградят, вот увидишь! И главное, тот седой сказал, что покойник ему самому не нравился.

От этих слов Роза завелась и покраснелась.

— Ладно-ладно, — рассмеялся Марк, — разошлась. Хотя... ты как всегда права. Стало быть, мне надо оживать?

— А что, всю жизнь здесь прятаться? Или улетишь на Луну или на Альфа-Центавру?

— Быть или не быть, вот в чём вопрос — театрально продекламировал Марк. — Согласен, будем быть!

Теперь они смеялись вместе.

— Я никак не могу к тебе привыкнуть, — сказала Роза, когда они перестали смеяться. — Понимаю, что это ты, но... хотя тебе даже идёт. Шрамы как говорится... ну, сам знаешь.

Она вдруг смутилась.

— Не успокаивай, — с досадой в голосе произнес Марк, — тоже мне красавец. Как такое может украшать? Тогда и тебе идет простреленная рука.

— Не умничай! Когда на лице затянется, всё будет по-другому, вот увидишь. Надо верить в лучшее. Но сейчас... жуть. Вот какой из тебя сейчас апостол? Посмотри на себя. Разве что апостол погорелого театра. Отлежишься здесь, отдохнешь, отъешься, приведёшь себя в порядок. А там, глядишь, всё само собой и наладится. Я разужнаю, что и как, а потом будем тебя оживлять. Так что отлеживайся пока.

— Я что похож на медведя? — Марк попытался придать голосу командный тон. — Отлеживаться в берлоге не намерен. А вот ты обязательно должна отлежаться. Куда тебе сейчас с такой рукой. И потом, пока я не ожил, я — покойник. А вот ты...

— Марк! — не менее властным тоном прикрикнула Роза. — Ты в чьём доме находишься? К тому же сам сказал, тебе необходима моя помощь. Так вот, пока не придёшь в себя, ухаживать за тобой буду я.

Здоровой рукой она взяла подушку и вдруг швырнула её в Марка. Вот так просто, как в детстве.

— Ах, так! — весело закричал тот, поднял упавшую на пол подушку и бросил обратно в Розу.

Импровизированный снаряд пролетел мимо, столкнул с полки большую фарфоровую вазу, и та вдребезги разбилась о пол. Ошарашенные оба, они открыли рты и замерли на мгновение в ожидании, словно прямо сейчас в комнату войдет бабушка Розы и накажет обоих, лишив сладкого. Но естественно никто не вошёл, и они заливисто расхохотались веселым звонким смехом.

Оба вели себя как дети. Не зло пререкались, перебивали друг друга и говорили с

напускной значимостью. А внутри у каждого был трепет перед завтрашним днем, чувство опустошенности и одновременно наполненности. И огромное желание защитить друг друга от страдания и боли. Поэтому и подшучивали по-доброму над своими ранами, как солдаты после тяжелого боя подначивают друг друга, чтобы не завывать, не зарыдать, не застрелиться от безысходности. И каждый из них старался спрятать за напускным безразличием какое-то новое ощущение, неведомое ранее, непостижимое, но заставляющее светиться их глаза добротой и нежностью, несмотря на усталость, на боль, на чувство безнадежности. И такой симбиоз вполне понятного и осязаемого трепета вместе с новым неизвестным до сегодняшнего дня желанием, волновал и будоражил их.

Они сидели в маленькой комнатке, и каждый хотел, чтобы эти минуты, проведенные рядом друг с другом, продолжались как можно дольше. Какая-то теплота заполнила пространство, и они купались в этой теплоте. И колкости, запускаемые друг в друга, лишь веселили. Всё пережитое вчера осталось позади, и было уже пережито. А что будет завтра — будет завтра. Но сегодня, этим светлым солнечным утром, во всей Вселенной были только они, и казалось, что всё случившееся, в конце концов, разрешится наилучшим образом. По крайней мере, для них двоих. И то чувство, сейчас ещё крохотное, только-только зарождающееся, а вместе с ним робко зарождающееся ощущение счастья, скоро станут огромными как Вселенная, и заполнят собой весь мир и всё вокруг. И всё плохое и непонятное, что окружает сейчас — и злые убэшники, и добрые пришельцы, и всё страдание, и вся боль, пришедшая не по их воле в их жизнь, останутся во вчерашнем дне, далеко за пределами этого утра, за пределами нового дня.

Они ещё долго смеялись, задирали друг друга, по очереди угрожая подушкой, подшучивали друг над другом, наигранно обижались и тут же заново начинали смеяться, не в силах остановиться.

И вдруг одновременно замерли и посмотрели друг на друга как-то по-новому, по иному, не так как раньше.

Генеральный прокурор Георгий Новак не находил себе места. Сидя у стены с красным трясущимся лицом, он нервно стучал костяшками пальцев по соседнему стулу и то и дело поднимал руку к носу, поглядывая на часы. Стрелки показывали ровно девять ноль-ноль, но его коннектофон безмолвствовал. Прокурор несколько раз трогал его в кармане пиджака, убеждаясь, что тот на месте, и один раз даже достал проверить, не выключен ли. Но аппарат был в полном порядке.

— Что дальше будет? — бормотал прокурор, бегая мышинными глазками по лакированному полу морга. — Ай-ай-ай, как же теперь.

И тут раздался долгожданный звонок. Прокурор вскочил, выхватил из кармана звенящий коннектофон и поднёс к уху.

— У аппарата! — по-солдафонски отчеканил в трубку.

Затем выпрямился, приподнял подбородок и принялся услужливо поддакивать, время от времени то округляя глаза, то сужая их до тонких ниточек-щёлок. Его толстые щёки дрожали, как желе и, казалось, жили собственной жизнью.

— Да, так точно... понял, понял... так точно. Пока не... узнаю, а как же.

Он сделался пурпурным, губы его затряслись, ладони стали влажными.

— Сейчас не могу, — прокурор вдруг перешёл на шепот, прикрывая трубку свободной рукой, — ...на службе. Да... с госпожой Грейс не говорил.

Затем опасливо посмотрел на дверь смотровой, повернулся к ней спиной и добавил в трубку:

— Буду... конечно, обязательно буду. До свидания.

Наконец он отключил аппарат и обессилено выдохнул. Немного отдышавшись и приведя себя в порядок, Георгий Новак поправил скомкавшийся на левой руке манжет, сделал глубокий вдох и вошёл в смотровую. Как раз когда молодой эксперт в форменном накрахмаленном халате показывал председателю Управления Безопасности Агате Грейс маленькую блестящую пулю.

— Незарегистрированный Магнус-12. Видите своеобразную бороздку на боку?

Он держал пулю двумя пальцами высоко над головой прямо перед лицом Агаты, и та напряженно вглядывалась в кусок металла.

— Вот, держите, — эксперт протянул ей большую профессиональную лупу.

Агата взяла лупу и стала скрупулезно рассматривать сквозь неё пулю, внимательно слушая при этом комментарии эксперта.

— Такой след оставляет только срезанный ствол, — лаконичным лекторским тоном говорил тот. — Стволы срезали наёмники в отрядах Сопротивления в самом конце войны. Такие до сих пор есть у пустынных.

Прокурор робко кашлянул в кулак. Оторвавшись от своего занятия, Агата повернулась к Новаку.

— Опаздываете, — упрекнула, взглядом указав на настенные часы. Большие больничные часы показывали девять ноль семь по средневропейскому времени.

— Простите, госпожа председатель. — Прокурор по-черепаши втянул голову в покатые плечи.

Сухо поблагодарив, Агата отдала эксперту лупу:

— Спасибо. Результаты экспертизы завтра мне на стол. — И обращаясь уже к прокурору, добавила: — Вы идёте со мной.

Из смотровой оба вышли молча. Первой шла Агата. Она шла стремительно, уверенно, и большезадый коротышка Новак еле поспевал.

«Позволяет себе опаздывать», — раздраженно думала она.

Этим утром её нервы были на пределе. Агата отлично знала, кто был обладателем незарегистрированного Магнуса с обрезанным стволом, но играть в открытую пока не могла. Убийство её штатного сотрудника её же тайным агентом — это уже моветон. Стоило проявить хитрость и смекалку, что она сразу и сделала, вызвав прокурора Юго-Восточного Кластера на личную беседу.

«Этот Новак не самый худший вариант, — думала Агата, быстро выходя из здания морга. — Как для руководителя такого уровня он в меру исполнительный, в меру трусливый и в меру глупый. Другие значительно хуже».

Кадровый кризис в управленческих кругах Объединенных Территорий в последние годы стал настоящей проблемой. Агата терпеть не могла лизоблюдов, но среди чиновников среднего звена их становилось всё больше. Да и где взять других, когда общество тупеет на глазах. К начальственным высоким креслам всё чаще стали пробиваться подхалимы и приспособленцы. Как пауки в банке они пожирали друг друга, карабкаясь выше и выше по карьерной лестнице, занимая кресла весомее и значительнее. Доносы, наущничество, клевета в гонке партийной элиты прогрессоров стали обычным делом.

Агата разбиралась в людях, поэтому доверять могла лишь некоторым, остальными умело манипулировала. Жадных, беспринципных карьеристов можно запугать или купить. Систему манипуляции кнута и пряника Агата усвоила «на пять» и умело чередовала между собой эти два рычага влияния.

Кто стоял за ночным происшествием она поняла утром, как только в дальнем тоннеле на окраине Мегополис-Сити нашли тело Чёрного. Тогда и вспомнила о прокуроре Новаке. Алекс подался в бега, и всё-таки ему необходим контакт со своим человеком в силовых структурах. У него такой человек был. Именно Агата несколько лет назад сделала так, что им оказался услужливый себялюбивый толстячок — генеральный прокурор Юго-Восточного Кластера Георгий Новак. Он всегда выполнял поручения с таким боязливым рвением, что был рад любому её заданию. Пора вынуть припрятанного в рукаве джокера, чтобы сыграть по-крупному. Прокурор был этим самым джокером, и сейчас она как никогда рассчитывала на его услужливость.

Выйдя из здания морга, Георгий отстал, и чуть не потерялся. Раскрасневшийся и запыхавшийся он еле-еле поспевал за Агатой.

— Мне нужен Алекс Деев, — хлётко бросила она через плечо. С чинушами Агата всегда переходила к делу сразу, без прелюдий. — Не спрашивайте почему, но сейчас вы — единственная оставшаяся с ним связь. Вы скоро понадобитсяе ему и уж поверьте, он, несомненно, выйдет на вас. Когда это произойдет, наберёте меня и будете держать в курсе. Всё понятно, Георгий?

— Конечно, госпожа председатель, — закивал прокурор.

Она точно знала, рано или поздно Ал объявится. Ему обязательно понадобится информация, а единственный для него доступный источник в управленческих кругах — этот трясущийся Георгий Новак.

— Так, теперь дальше, — продолжила, не сбавляя шага, — Что нового по розыску

Губера?

— Комиссар Побединского отделения, которому поручено это дело, пропал.

— И что? — раздраженно спросила она. — Назначьте нового.

Агата знала, с такими как Новак нужно разговаривать жёстко и чуть по-хамски. Такие это любят.

— Уже назначили, но... — прокурор замялся.

Ему трудно было говорить на ходу. Казалось, вся кровь прилила к лицу. Он задыхался, но Агата и не думала сбавлять ход.

— Так в чем дело? — спросила она.

— Дело в том... машину пропавшего Константина Витте... она три дня простояла на стоянке... перед зданием полиции. Фух... в общем, мы её обыскали и...

— Ну, быстрее. Ближе к делу, господин прокурор.

— Вот, — он почти на бегу протянул небольшой свёрток, — официально изъято при досмотре.

Агата, наконец-то, остановилась. За ней остановился и схватившийся за сердце прокурор. Взяв протянутый сверток, спросила:

— Что это?

— Нашли под приборной доской, — еле выдавил из себя почти задохнувшийся Новак. — Это диктофон комиссара Витте. Советую прослушать.

Он порылся в кармане и протянул исписанный лист с печатями и подписями:

— Заключение экспертизы. Голос на плёнке принадлежит ефрейтору Розе Норман... она пропала в один день с комиссаром.

* * *

— Откуда это, — снова переспросил Алекс.

Яков Соломонович молчал. Он лихорадочно перебирал варианты ответов, но ничего путного не приходило на ум.

— Э... это... пуля, — наконец выдавил из себя мед-эксперт и заискивающе посмотрел Алексу в глаза.

— Неужели? — съязвил тот.

Он зло посмотрел на притихшего хозяина квартиры, взял пулю двумя пальцами, поднёс к окну, повертел перед глазами и произнёс тоном знатока:

— Я бы даже сказал, не просто пуля, а очень интересная пуля.

Яков Соломонович отвернулся. Вчера ночью он был настолько разбит, выжат и морально и физически, что не смог убрать следы всех, так сказать «непредвиденных ночных операций». Был не в состоянии подумать о последствиях.

— ...именно очень интересная... — продолжал тем временем Алекс. — Может, вы и не знаете, уважаемый Яков Соломонович, но это пуля от патрона 9×19мм Парабеллум. Как раз от того патрона, который подходит только к пистолету Глок-43. Хороший пистолет и хороший патрон. И всё бы ничего, если бы не одно но...

Липсиц догадался, куда клонит блондин. Взяв его руку, Алекс разогнул дрожащие пальцы, вложил пулю в раскрытую ладонь и продолжил:

— Все бы ничего, дорогой мой друг, если бы не одна деталь — и этот пистолет, и этот

патрон вот уже семь лет используется исключительно сотрудниками Управления Безопасности.

Ноги старого еврея подкосились, и он медленно опустился на кушетку.

«Так я и думал, — по спине пробежал холодок. — Значит все-таки в Розу стреляли убэшники».

Он смотрел на пулю, лежащую прямо перед ним на раскрытой ладони и тихо шептал: — Бедная девочка, бедная девочка...

Алекс отошёл от окна и присел на подлокотник хозяйского кресла. В углу, на продавленном сидении лежал томик Кинга, на обложке которого отчётливо проступали следы зубов. Полукруглая дуга прикуса была настолько чёткой, что ямочки, оставленные чьими-то зубами, были различимы даже невооруженным глазом. Алекс нагнулся и заглянул под кушетку — возле красного от крови таза лежал комок окровавленного бинта.

— Вы понимаете, в какую историю вляпались? — спросил Алекс, двумя пальцами поднимая бинт.

— Понимаю, — кивнул Липсиц. Он стоял, низко опустив голову, как нашкодивший школьник, теребя пальцами концы застиранного халата.

— Я мог бы конечно все это использовать, но... — Алекс бросил бинт в таз, туда же аккуратно положил томик Кинга и продолжил, указывая на свой забинтованный живот: — но сам не в лучшем положении. Это если честно. Хочу быть с вами именно честным и надеюсь на взаимную честность. Сейчас я пока не знаю всего, что произошло, но как бы там ни было, пересекаться с УБ мне не с руки. Кстати, как и вам. Поэтому мой ночной визит должен остаться строго между нами. Это понятно?

Яков Соломонович согласно кивнул.

— Дальше, что касается вашей домашней врачебной практики...

— Это было всего лишь раз, — сбивчиво пролепетал Липсиц.

— Мне не важно, чем вы тут занимаетесь, но не каждый день из чьего-то тела вынимают боевую пулю, выпущенную сотрудником УБ из служебного оружия. Это понятно?

Яков Соломонович кивнул снова.

— Я не могу так это оставить, — блондин ткнул пальцем в сторону таза, — и поэтому сейчас вы мне всё расскажете. А там посмотрим, что с этим делать...

— Да-да, конечно, — кивнул в третий раз Яков Соломонович, — куда же я...

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Ближе к делу, доктор, — приказал Алекс.

— С чего же начать, — Липсиц вытер пот со взмокшего лба, — вчера, сразу после вас, здесь была одна девушка...

Алекс удивленно хмыкнул.

— Так вот, — немного уверенней произнес Яков Соломонович, — вчера после вас здесь была одна девушка. Я не знаю, что произошло, но... ей понадобилась медицинская помощь. Так же как и вам, кстати.

— Не отвлекайтесь, — строго перебил Алекс, — только по делу.

— Да, конечно. Вчера задавать ей вопросы у меня не было ни времени, ни сил. Да и желания особо не было. Меньше знаешь — лучше спишь, так, кажется... Да и какие вопросы? Она ефрейтор полиции, и мало ли что могло случиться на дежурстве. Может по службе... задержание, погоня... может как раз рядом с моим домом... хотя...

Он сам не верил во все эти «может».

— К тому же я врач, — попытался повысить голос Липсиц. — Я просто обязан оказать первую помощь даже если пациент...

Он запнулся, не найдя подходящего слова.

— Я вас ни в чем не виню, — сказал Алекс. — Все обвинения вам предоставят в Черной Башне.

Услышав это, Яков Соломонович сник.

«Черная Башня, — мысленно повторил он, вздрагивая. — Какое страшное слово».

Липсиц сидел, низко опустив голову, и всем своим дряхлым телом вжался в такую же старую, как и он сам, кушетку. На него было жалко смотреть. Бледен как мел, губы дрожат. При упоминании этого ведомства его всегда сковывал необъяснимый животный страх. Ведь он ничего плохого, ничего антигосударственного не сделал и никогда не делал, но стоило представить перед глазами Черную Башню, как страх, поднимаясь из глубин подсознания, приводил тело в необъяснимый ступор, сковывая руки, ноги, мысли.

— Да-да, конечно, — в который раз повторил он, опустив голову на грудь.

— Полноте, — попытался успокоить Алекс, — с вами ничего не произойдет, если будете со мной откровенны. Продолжайте.

Яков Соломонович глубоко вздохнул, мотнул головой и немного запинаясь, продолжил:

— Вчера, сразу после вашего визита, здесь побывала Роза Норман, ефрейтор полиции Побединского отделения. Того, в котором имею честь служить и я. Так вот, у неё была прострелена рука. Всё в одну ночь, представляете?

— Дальше.

— Рана простая, ничего не задето, пуля застряла в мягких тканях... Я не спрашивал, что случилось. Я лишь вынул пулю и оставил их здесь...

— Их?

— Роза была со спутником. Такой тоже весь перебинтованный, но... медицинская помощь ему не требовалась. Вид странный. Вот только сейчас, вспоминая его лицо, думаю, что парень только-только после пластической операции. Пересаженная кожа уж очень похожа на синтетическую. Но к чему такая пересадка? Подобные операции делают либо при раке кожи, либо при ожогах третьей степени и выше...

Яков Соломонович вдруг задумчиво замолчал. Он опять вспомнил глаза незнакомца. Такой до боли знакомый взгляд...

— Неужели? — онемевшими губами прошептал он и судорожно замахал руками: — Неужели такое может быть? Нет-нет...

— О чем вы? — насторожился Алекс, — Яков Соломонович, что с вами?

Липсиц вскочил так, словно невидимая пружина вытолкнула его из кресла.

— Этого не может быть, — повторял трясущимися губами.

Алекс перехватил его за локоть и силой усадил обратно.

— Успокойтесь! — приказал он. — Держите себя в руках!

Яков Соломонович смотрел влажными от слез глазами, снизу вверх как голодная собака на хозяина и еле слышно шептал:

— Это был... Марк Кариди.

Всё успокоилось довольно быстро. Яркий свет погас, утихли бессвязные крики. Лишь гул в ушах и ощущение высасывающего воздух вакуума. Электрический разряд пронзил грудную клетку. Тело дёрнулось и обмякло.

— Этой души не спасти, — слышался голос рядом, — вряд ли у них получится, да и зачем? И всё же, шансы есть... пятьдесят на пятьдесят.

Полковник открыл глаза, оглядел себя и понял, что жив. Осмотрелся краем глаза. Он лежал на земле, рядом в голой лесопосадке шумел ветер, вдалеке гудела автострада.

Рядом вполоборота к Феликсу, скрестив по-турецки ноги, сидел человек. Его лица не было видно из-за длинных, спадающих до плеч, чёрных волос. Заметив, что Феликс очнулся, человек продолжил:

— Расслабься и больше не закрывай глаза. Что может быть лучше вечного покоя для уставшего солдата.

— Ты кто? — прохрипел полковник и не узнал свой голос. Он лежал на спине, а безразмерный чёрный диск над ним закрывал полнеба.

— Тот, кого ты ищешь, — ответил незнакомец.

— Это хорошо. Выходит я нашёл, кого искал.

Феликс попытался подняться. Не вышло. Он не чувствовал своих ног. Их будто не существовало. Но и боли не было тоже — лишь пугающее бессилие. Словно запеленованный ребёнок он безвольно лежал, уставившись в чёрнеющий в небе диск.

— Что со мной? — спросил он.

Глянул вдоль тела. Безжизненные конечности носками ботинок таращились вверх.

— Так бывает всегда поначалу. — Человек повернулся к Феликсу и положил руку на его горячий лоб. Рука оказалась холодной, почти ледяной. — Сначала шок, потом привыкнешь. На врачей не обращай внимания, они просто делают свою работу. Вскоре твоё состояние стабилизируется, и ты почувствуешь себя как новорождённый. Тело твоё медленно уснёт, в конце концов, оно когда-нибудь должно выспаться, а ты вновь обретёшь невесомость, которой лишили тебя пятьдесят семь лет назад. Безболезненный уход, это всё, полковник, что я могу для тебя сделать, хотя болью тебя не удивить.

Человек в тельняшке стал подниматься.

— Подожди, — остановил его Феликс. — Ты пойдёшь со мной.

— Вот как? — в голосе слышалась ухмылка. — Не получится. Ты уже пришёл.

— Не понимаю тебя, — Феликс безрезультатно пытался пошевелить ступнями ног.

— Скоро поймёшь.

— Ты арестован, — полковник нащупал кобуру на боку. Кобура была пуста. Он пальцами тронул прикреплённые к поясу наручники. Только сейчас он заметил, что лежит в луче света, нисходящего откуда-то сверху. Он произнёс назидательно: — Мне нужна информация...

— Ты не исправим, — перебил его незнакомец, качая головой и поглаживая ладонями колени. — Не представляю, чем всё закончится, даже интересно как-то... хотя... может, в чём-то ты прав. Самую малость. В том...

Его силуэт был на удивление довольно хорошо различим, хотя на небе не было ни звезд, ни луны. Поток света струился откуда-то из чрева чёрнеющего над землёй диска.

— ...что ты показал парню? — завершил фразу Феликс.

— В том, что настоящий волк всегда должен гнаться за зайцем. До самой смерти кого-то из них двоих. Воистину бег зайца через поля.

— Я обещал ей, — сказал Феликс.

Незнакомец вдруг энергично повернулся и произнёс назидательным тоном:

— Можешь представить обезьяну, впервые увидевшую огонь? Сначала она смертельно боится не только подойти, она опасается даже смотреть на него. И всё же не отступает. Огонь притягивает своей энергией и силой. Со временем инстинкт самосохранения притупляется, и обезьяна забывает о страхе. И только-только стоит ей возомнить себя хозяйкой положения, она тут же выхватит из костра горящую головешку и помчится в лес пугать сородичей. Так, хвастаясь новым умением, показывая превосходство над другими, она обязательно спалит лес.

— И всё же, что ты показал парню? — настойчиво повторил полковник.

— Твоя «хозяйка» довольно близко подошла к огню. Она может ненароком спалить лес.

Незнакомец пристально смотрел на полковника, словно пытаясь уяснить, понимает ли тот сказанное:

— Ваши возможности раскрыты на крошечные десять процентов, и каждый новый процент приращивается в течение миллиарда лет. Вот так, десять миллиардов — десять процентов — ваш сегодняшний порог развития. Хотя потенциал безграничен. К примеру, одна микроскопическая клетка всего лишь за девять месяцев самостоятельно развивается в теле женщины до ребенка весом в три с половиной килограмма, но стоит ей выйти в ваш искусственный мир, этот процесс резко замедляется.

— Не понимаю, — сказал Феликс.

— Временами среди людей появляется такой, что стремится ускорить этот процесс и забывает историю об обезьяне с огненной палкой.

— Ты дал ему оружие?

— Не о том думаешь, солдат. Огненная палка — это не оружие. Это всё.

— Помоги подняться.

Феликс протянул руку.

— Тебе лучше лежать.

— Дай руку! — требовательно повторил полковник.

Человек в тельняшке отвернулся и выдохнул, словно разговаривал с тишиной:

— Удивительные вы люди. Бросаешь утопающему спасательный круг, а он вместо того, чтобы ухватиться, начинает его грызть. Ты, полковник, так долго жил в ожидании смерти, из раза в раз каждую ночь переживал её, что когда она пришла, так ничего и не понял. Забудь о своих обещаниях, подумай лучше о своей душе. Твоё тело ещё довольно крепко, но твоя душа дряхлая и немощная. Она пережила всё отведённое ей время. Люди умирают не потому, что стареет тело, а потому что мертвают их души. Свою ты износил и довольно бездарно, потому смерть каждую ночь и напоминает тебе о себе.

— Это вряд ли радостная новость, — вполголоса сказал полковник.

— В любом случае, с этого дня твоя душа обретёт покой, и ты уснёшь без сновидений.

— И всё же... пришелец... сейчас ты пойдёшь со мной. Я обещал ей.

— Да ты оказывается упёртый.

Человек посмотрел вверх, туда, где пол небосвода заслонила огромная тень чего-то громоздкого, неподвижно зависшего в ночном небе, и лунный свет, огибая поверхность этой

тени, слился в яркий поток, струящийся из широкого конического сопла прямо землю.

— Так и быть, раз обещал, доверь мне все свои грехи, и я продолжу за тебя этот бесконечный заячий бег. Но прости, впредь Феликс Аристовский больше никогда никому ничего не будет обещать. А госпоже Грейс я передам от тебя привет, если она, конечно, вспомнит о своём верном полковнике. А может, ты сам ей всё когда-нибудь расскажешь. Ваши человеческие души без исключения все в руках судьбы. Скажешь ей, пусть больше меня не ищет, я сам найду её. Но если повезёт мне, я скажу что есть единственный способ получить то, что ей нужно — когда в мире нет порядка, пусть наведёт порядок в себе. Силой нельзя владеть, ею нужно быть. Так или иначе, в любом случае пусть всегда помнит об обезьяне с огнём.

Видение померкло, и Феликс прикрыл усталые веки. Шум двигателей, наполнив пространство, заглушил гул автострады. Кругами замерцали белые силуэты, послышался вой сирены и обрывки фраз. Его тело снова пронзил электрический разряд, но пальцы на ногах так и не пошевелились.

«...забыться... забыться...»

— Тебе плохо? — услышал он чей-то тонкий голосок.

Перед ним стояла девочка лет пяти. Она смотрела большими как блюдца глазами. В руке она держала скакалку, а подмышкой старую тряпичную куклу, которая, так же как и её хозяйка с интересом смотрела на Феликса. Разница была в том, что кукла смотрела одним глазом. Даже не глазом, а большой перламутровой пуговицей.

«Здесь, в такое время... одна?» — подумал Феликс, озираясь.

— Тебе плохо? — ласково переспросила девчушка.

Феликс подумал, что где-то уже слышал этот тонкий приветливый голосок. Эта девочка когда-то была в его сне.

— Нет, — ответил он, — мне хорошо.

— Хорошо, — повторила за ним девочка, — хорошо, что тебе хорошо.

Задиристо хихикнув, она облегченно выдохнула: — Ух, — как делают это дети после долгих утомительных игр.

Её глаза оживились. Подпрыгнув, она склонила голову набок, улыбнулась и добавила почти смеясь:

— Если тебе хорошо, то и мне хорошо.

Затем протянула к нему одноглазую куклу, и серьёзно произнесла:

— Это Кэйли, но я зову её просто Кали. Так проще. Она тебя тоже любит.

Девочка развернула куклу лицом к себе и, заглянув в перламутровый глаз, строго спросила:

— Правда, Кали?

Феликсу на миг показалось, что безмолвная кукла утвердительно кивнула в ответ тряпичной головой.

— Видишь, — сказала девочка, — значит, ты сегодня не умрешь.

«Вот и хорошо», — почему-то подумал Феликс.

— И больше никогда не уйдёшь от нас с Кали.

— Что?

— Теперь ты не сможешь уйти, — но тут её внимание что-то привлекло в его виде. — Ты умеешь прыгать на одной ноге?

— Нет.

— Тебе надо научиться. Это просто, смотри, — хихикнула девочка и, поджав одну ногу, проворно поскакала прочь на другой, весело крича: — Догоняй!

«Надо отдохнуть, — подумал полковник. — Эти видения изматывают вконец».

— Разряд! — послышалось вдалеке.

Залитая пеной, искорёженная «Тесла» дымилась в кювете. Неподалёку, мигая проблесковыми огнями, краснела пожарная машина. Рядом в свете прожектора полицейского вертолёта виднелся наспех припаркованный реанимобиль. Бригада службы спасения, вызванная сигналом автопилота, склонилась над бездыханным человеком в забрызганном грязью и кровью сером плаще.

— Ещё разряд! — кричал старший врач группы.

Получасовой массаж сердца, наконец, дал результат, но из-за потерянного времени ритм был крайне нестабильным. После того, как пожарные обесточили электромагистраль и срезали сбитый электрокаром столб, им удалось убрать стойку опоры с разможенных ног пострадавшего, и перед ними открылась жуткая картина. Белые раздробленные кости торчали из кровавых ошмёток брюк и две мёртвые оторванные конечности носками ботинок таращились в охваченное пунцовой зарёю небо.

* * *

— По-видимому, этот Губер имеет что-то такое, что очень ей нужно, — прокурор Новак опасно огляделся вокруг.

— Угу, и что же это такое? — сухо спросил блондин.

— Я думал, вы знаете? Ну, мало ли... — пожимая плечами, прокурор развёл в стороны свои маленькие пухленькие ручки, — последние годы я ничему не удивляюсь. Кто знает, что у них на уме. Неужели очередная диверсия? Как бы ни было, на него объявлена настоящая охота уровня «А».

— Странно, что до сих пор не нашли. Не похоже на работу служб.

— Как сквозь землю...

Они встретились на окраине, на последней станции скоростных вагонов, в самый час пик. Было восемь вечера, и горожане спешили по домам. На станцию приходили вагоны с людьми, «выплывали» на перрон усталых пассажиров и мчались за новой порцией. Не спешили только Алекс Деев и Георгий Новак. Сидя на лавочке, рядом с большим сверкающим расписанием скоростных вагонов, оба делали вид, что ожидают свой поезд.

— Пожалуйста, не звоните мне больше, — как можно деликатнее попросил прокурор. — Госпожа Грейс уже догадывается, что вы будете искать со мной встречи.

— Вот как? В интуиции ей не откажешь.

— Я, разумеется, ничего не сказал. Ни про ваш звонок, ни про... Вы же знаете, все разговоры прослушиваются...

— Ваши нет, — перебил блондин.

— Это правда, моя спец-связь вне прослушки... была до последнего времени. Я вас крайне прошу, пожалуйста, не звоните мне больше. Я очень боюсь.

— Так и быть, более не беспокою, если сейчас расскажете всё, что знаете.

— Я готов, но... я действительно не догадываюсь, чем могу быть вам полезен, — прокурор нервно заёрзал по скамье.

— Всё вы знаете, — жестко возразил Алекс. — Не юлите, дорогой Георгий, со мной не стоит играть в кошки-мышки.

— Да, естественно я боюсь. А как иначе? И вас боюсь, и её... У меня жена, дочь. Я не имею права не бояться.

— Вот и дайте такую информацию, которой хватит на все наши впредь несостоявшиеся встречи. Сделайте это именно ради вашей семьи.

Прокурор сжался и побледнел.

— Да-да... ради семьи, — пробубнил дрожащим голосом.

Шумел бесконечный человеческий поток. Вагон сменялся вагоном. Двери открывались, и людские потоки стремительными ручьями растекались по перрону. Вначале насыщенные они быстро редели, но не успевал перрон полностью опустеть, как приходил следующий вагон, из которого выплёскивалась очередная спешащая волна.

Прокурор огляделся и воровато вынул из кармана маленький предмет — флешку в виде брелока. По шпионски отвернув лицо в сторону, он положил сжатый кулак рядом с рукой блондина и легонько коснулся её.

— Держите, — шепнул не оборачиваясь.

Алекс ладонью накрыл прокурорский кулак, Новак разжал пальцы, и влажная от пота флешка оказалась в руке у блондина.

— Здесь запись разговора комиссара Витте с ефрейтором полиции Розой Норман...

— С Розой Норман?

— ...в машине, — прокурор осёкся. — Вы её знаете?

— По слухам. Так, и что тут интересного?

— Надеюсь, информация окажется для вас настолько полезной, что вы больше никогда не побеспокоите меня.

— Может быть и так...

— Это запись разговора, в котором Роза Норман рассказывает об инспекторе Побединского отделения Марке Кариди ... и о его знакомом, некоем пришельце, умеющем управлять нереальной силой. Всё бы ничего, мало ли вокруг сумасшедших, но дело в том, что зовут этого пришельца Эрик Губер.

Алекс очнулся от забытья. За эти дни он совершенно вымотался. Ныла рана, хотелось есть. Он разжал ладонь. Белая металлическая флешка блестела в тусклом свете тоннельных фонарей. Он посмотрел на часы. Там, наверху ночь подходила к концу, а здесь в транспортном тоннеле, через полчаса прибывал первый утренний скоростной вагон.

Перрон быстро заполнялся пассажирами. Их становилось всё больше. Люди торопились на работу — в офис, на производство, на службу. Каждый спешил, гонимый заботами, проблемами, обстоятельствами, долгом. За десять минут до прихода вагона вспыхнули большие голографические телемониторы, расположенные высоко над головами на сферических стенах станции, и диктор профессиональным, хорошо поставленным голосом произнёс заученную фразу:

«С добрым утром, дорогие жители Мегополис-Ф5899. Счастливого дня».

Никто не поднял головы, не посмотрел на экраны. Вглядываясь пустыми глазами в черный проём, в ожидании первого утреннего вагона, который вот-вот должен появиться в пасти тоннеля, каждый думал о своём. Никто не сомневался, что поезд придёт по расписанию. Опоздания быть не могло. Зелёные огоньки циферблата показали пять двадцать три по средневропейскому времени, и в чреве шахты раздался глухой протяжный гудок.

Люди на перроне оживились и, подхватывая стоящие у ног сумки, принялись готовиться к посадке. Вскоре под нарастающий колёсный стук, сверкая вымытыми глянцевыми боками, на станции появился первый скоростной вагон.

Занятые посадкой и своими мыслями люди не замечали молодого блондина, неподвижно сидящего на лавочке рядом с расписанием поездов. Со стороны было трудно различить, спит он или же умер.

Сбившаяся бесформенным белым комком простыня, целый день неспешно сползавшая с кровати, наконец упала на притихшую на полу подушку, усталую от бесконечных полетов над кроватью. День подходил к концу, но никто этого даже не заметил.

Они проговорили весь день. Говорили обо всем и ни о чем. Роза лежала в кровати, а Марк сидел рядом на краешке, и увлеченно взмахивая руками, рассказывал историю за историей. Их крохотное убежище заливало апрельское солнце, и то ли от его теплых лучей, то ли от того, что они были рядом, но им обоим было хорошо и спокойно. Хотелось, чтобы день не заканчивался, и чтобы такое долгожданное после дождливых недель весеннее солнце никогда не заходило за крыши соседних домов.

Притаившийся и набирающий силу вечер понемногу нависал над радостным солнечным днем, вытесняя его за горизонт. Вечер на удивление оказался таким же теплым, как и уходящий день. Он принес с собой нежную томность и приятную усталость. И когда к концу этого удивительного дня они случайно задели друг друга кончиками пальцев, то смущенно одернули руки, будто прикоснулись к чему-то запретному, к чему-то такому, что могло навсегда перевернуть их жизнь. И это было правдой.

Это стало правдой. Так бывает — то, что совсем недавно было неведомо, пугало, заставляло смущено опускать глаза, вдруг обрело силу и стало манить, притягивать к себе, наполняя каждую клетку горячим желанием. Он и она ясно чувствовали — сегодня случится то, что навсегда поделит их жизнь на «до» и «после». Каким-то глубинным чувством ощутили — еще немного, и они, наконец, прикоснутся к чему-то сверхъестественному. Коснутся друг друга своими мирами, до краев наполненными желанием.

Рождались новые ощущения — такие удивительные, что обоим становилось страшно. До боли, до экстаза. Прикосновения били током. До экстаза, до боли. Пересохшие губы шептали — да, тела кричали — да. А в голове у обоих — нет. От прикосновений их тела пронзил удар электрический разряд. Такой страшный и одновременно приятный.

— Нет. Что это? — шептала она.

— Ты такая... — шептал он.

Ее смуглая шелковая кожа горит под его поцелуями. И мурашки по телу... Он прикасается к ним губами, и они — теплые, тонкие — растворяются от его дыхания. И тут же появляются вновь, дрожа от страха перед чем-то неизведанным и таким желанным. Сейчас ее кожа предательски рассказывает все ее тайны. Просто кожа не умеет лгать. Он нежно гладит ее шею, которая так приятно пахнет, и она вздрагивает от этого прикосновения. И опять мурашки...

Вдруг ей становится легко и спокойно. Рубикон перейден — прикосновения сильнее любых слов. Тело расслабляется и растворяется в неге. Она жаждет утонуть в его руках, в его губах. Захлебнуться ими и тонуть, тонуть, закрыв глаза. Она закрывает глаза.

Ее рука на его руке. Она прижимает его ладонь к своей обнаженной груди, и он чувствует, как в его ладони бьется ее сердце. Оно стучит набатом, готовое вырваться наружу. Такое маленькое и такое большое сердце. Такое слабое и такое сильное. И слышно как сердце стучит во всем ее теле. В каждой клетке, в каждом атоме. Он прижимается к ней, принимая удары на себя. Ближе, еще ближе. Как же хочется в ней раствориться...

Он целует ее, не стесняясь — сильно и нежно, страстно и страшно. Целует все ее тело.

Целует ее дрожь, ее страх, ее зов. И нет ничего, что смогло бы остановить эти поцелуи. И нет ничего, что смогло бы заменить их.

Их одежда, скомканная и ненужная, лежит на полу рядом с позабытой простыней и одинокой подушкой. В комнате уже совсем темно и тихо. Лишь ее пронзительные стоны разрывают тишину. Она слышит их, будто они чужие. Будто это стоны той Розы, еще неизвестной до этой минуты, которая в ней до сих пор спала. А проснувшись, открыла себя новую, еще не известную ранее. Она испугалась себя новой, и одновременно обрадовалась этому. Что-то наконец наполнило ее, дополнило, сделало цельной. Чувство себя измененной, ощущение перемены уже не забудется никогда.

Он лежал на ней, и она, горячая, дрожащая все сильнее и сильнее прижимала к себе его жаркое тело, такое желанное тепло которого соединялось с ее теплом. Его пот с ее потом, его страсть с ее страстью.

Она раздвинула ноги, сжала бедрами его бедра и сильно прижала к себе. И в то же мгновение почувствовала внизу живота жар. Он обжег ее всю, поднимаясь снизу вверх, из глубин вырываясь наружу. Было горячо так, как не было еще никогда. Такого с ней не было никогда! На миг стало страшно. Но лишь на миг. Ей нестерпимо захотелось сгореть в этом огне. Сгореть дотла, до пепла. Перестать быть собой, наполниться этим огнем.

Она вскрикнула, открылась, опустошаясь, и в это время огонь вошел в нее. Тела задвигались в такт, и с каждым движением пустота начала заполняться новой Розой. Очищенной и обновленной.

* * *

— Что же вы творите, молодые люди?

Он беззвучно задргал челюстью, хватая воздух.

— Нам жаль, что доставляем беспокойство, но вы опять нужны нам.

Яков Соломонович лишь развёл руками, пропустил Розу и ее белолицего спутника в квартиру и молча поплелся следом.

— Можно сесть? — спросила Роза, когда они прошли в гостиную.

Яков Соломонович утвердительно кивнул.

— Как рука? — спросил он, как только гости расселись.

— Заживает, большое спасибо. Надеюсь, вы никому не рассказали о том, что произошло той ночью?

— Нет, что вы! Конечно, нет. Будьте покойны.

— Мы вам верим, Яков Соломонович. К тому же, вы мудрый человек и против себя не пойдете. Вам это совершенно ни к чему, ведь так?

— Несомненно, девочка моя, и не сомневайтесь, — закивал головой старый мед-эксперт и покосился краем глаза на белолицего, стоящего чуть в стороне, рядом с дверью в спальню.

За прошедшие сутки лицо того заметно изменилось, разгладилось, приобрело здоровый цвет. Шрамы почти рассосались, лицо оживилось, став более естественным.

«Несомненно, он», — Яков Соломонович еле удержался за подлокотник стоящего рядом кресла, чтобы не упасть.

— Вам плохо? — спросила Роза.

— Нет-нет, мне очень хорошо, — попытался сострить побледневший Липсиц.

Роза подошла вплотную и твёрдо посмотрела в глаза.

— Вы узнали?

— Да, узнал, — потупил взгляд Яков Соломонович.

— Вот и хорошо, теперь не надо объяснять.

Она подхватила обессиленного хозяина квартиры под локоть и усадила в кресло.

— Значит, вы его узнали, и скорее всего ещё той ночью. Но никому не сказали.

Понятно.

— А что я таки мог сказать? Марк мёртв, и я судебный мед-эксперт, который ни разу не ошибся за всю свою многолетнюю практику, лично идентифицировал его труп. И вы хотите, чтобы я после этого стал утверждать, что видел Марка Кариди живым? Ой-вей, не смешите мой радикулит. Меня же сразу примут за выжившего из ума старого маразматика!

— В этом есть логика.

— Яков Соломонович, — наконец заговорил белолицый спутник, и Липсиц подумало том, что он впервые за эти две встречи услышал его голос. И этот голос действительно оказался голосом Марка.

— Марк, — произвольно вырвалось у него.

— Да, это я.

Марк открыл дверь спальни и заглянул внутрь. Затем прошёл к ванной комнате и сделал то же самое. Так он проверил всю квартиру и, не найдя ничего подозрительного, опять вернулся в гостиную, сев напротив Якова Соломоновича.

— Мы знали, что вам стоит доверять, поэтому снова пришли сюда.

«Это когда-нибудь закончится? — с досадой думал Липсиц, теребя край домашнего халата. — Ну почему именно я? Ведь всё уже разрешилось. Все они сказали мне своё «спасибо» и ушли. Вот пусть и дальше занимаются своими делами. Но без меня! Мне шестьдесят пять, и я в три раза старше их всех. Я старый больной человек и очень хочу покоя. Когда это все закончится, уйду к чёртовой матери на пенсию. Забуду как кошмарный сон. Буду днями спать и читать...»

Он схватился за сердце.

— Вы слышите меня, Яков Соломонович, что с вами? — Роза почти кричала, стоя над ним.

— Валерьянка там, — он указал на маленький шкафчик, рядом с большим книжным шкафом.

«Лучше бы они не приходили. Всё так хорошо разрешилось. А ведь блондин догадывался, что они вернутся. Поэтому и потребовал, чтобы я позвонил, когда появятся. Ну, зачем они пришли? Эх, пронизательный этот... О! Если сделать вид, что их не было? Но он узнает. Старый шлёмил ты, Яков. Ты же знаешь — он всё всегда узнаёт! Что же делать? Когда умру, тогда всё и разрешится. Покойник забот не имеет».

Роза достала из шкафчика бутылочку с валерьянкой и подала Липсицу. Яков Соломонович дрожащими руками накапал необходимое количество в специальную ложечку и одним махом влил лекарство в рот.

«А может они больше никогда не придут? Конечно! Они уйдут, я позвоню и всё. Я позвонил, а они больше не пришли. И ко мне вопросов нет».

Или валерьянка подействовала, или самовнушение, но эта мысль подбодрила его.

«Так и скажу. Они пришли, я позвонил, но они больше не явились. Моей вины нет ни

перед ним, ни перед ними. Воистину, и кривыми ногами можно идти по ровной дороге».

Он оживился, на бледном лице появился румянец.

— Так чем могу быть полезен? Что вы, молодые люди, от меня хотели?

— Оживить Марка, — сказала Роза.

— Как, еще не всё? — Яков Соломонович округлил глаза.

Молодёжь рассмеялась. Девушка показала на своего спутника:

— Сейчас он официально мёртв, но надо сделать так, чтобы это признали ошибкой.

Надо вернуть Марка к жизни, и для этого нужна ваша помощь, как специалиста.

— Опять за рыбу гроши! А моё медицинское заключение?

— Всё подстроено, и это легко доказать. На обгоревшем трупе был чип? Был. Так вот, та личка не Марка. Поверьте, вашей вины в том, что случилось, нет. Помогите нам.

— И что я должен сделать?

— Если сделать анализ ДНК живого Кариди и содержимого его экстренного запаса Банка крови, то всё встанет на свои места. Дадите новое заключение, что вот этот с корявым лицом действительно является инспектором Марком Кариди 2018-го года рождения, полным здоровья и сил. В общем, подтвердите, что это именно наш Марк, пожалуйста. Если согласны, приступим с завтрашнего дня.

— Тут такое дело... Но кто же позволит, Роза? — Яков Соломонович напрягся.

Он повернулся к Марку.

— Марк, я не знаю, стоит ли... и как это сделать? Есть одно обстоятельство...

— Дорогой Яков Соломонович, — перебила его Роза, — вы только проведите экспертизу ДНК и всё. Сделайте что нужно, а дальше мы сами. Хорошо?

Она говорила таким ласковым голосом, что казалось, вот-вот погладит Липсица по голове словно ребёнка. Спорить с ней было бесполезно, и тот кивнул головой в знак согласия и смиренно опустил голову.

— Вот и славно. А сейчас нам надо идти.

И уже в дверях, уходя, добавила:

— Будем завтра в это же время.

И закрыла за собой дверь.

Яков Соломонович держал потными руками телефонную трубку так близко ко рту, будто боялся, что сказанное им прохожие прочтут по губам.

— Это я.

Его голос дрожал и срывался. Держась, чтобы не упасть, за дверь телефонной будки, он никак не мог побороть дрожь, бившую его изнутри.

— Говорите, — услышал голос в трубке.

— Они были у меня.

Возникшая пауза зазвенела в ушах. Она была не долгой, но за это время ручьи пота водопадами текли с седых висков Якова Соломоновича.

— Так, понятно. Когда?

— Сегодня... только что.

— Дальше.

— Это они...

Он сбивался. Держащая трубку рука дрожала. Голос на том конце провода был спокоен.

— Это я уже понял. Вы знаете, что мне надо?

— Да-да, конечно знаю.

Он немного помолчал, вытер пот вместе с накатившими слезами и, наконец, сказал в трубку:

— Они завтра придут снова. В это же время.

И быстро положил трубку на рычаг.

* * *

— Я просил купить без сахара, — раздражённо буркнул Хромой. — Эту гадость пьёт исключительно био-мусор.

— Вот и пей, — ухмыляясь, парировал напарник.

Так они пререкались вот уже больше часа. Труп Чёрного увезли ещё вчера, и теперь они без явного интереса наблюдали за тем, как бригада экспертов почти до винтика разбирает спортивный «Нагано». Обоим было откровенно скучно. Они сидели в служебном электрокаре, и Хромой отрешённо разглядывал сквозь солнечные очки молоденькую девушку-эксперта, склонившуюся у стены над большим пятном засохшей крови.

— Как тебе та пышечка? — спросил он напарника, высокого худощавого шатена в светлом болоньевом плаще.

Тот почти дремал, прикрыв глаза широкополой шляпой. Он выглядел моложе Хромого и был довольно симпатичным сукиным сыном. Потому и нравился женщинам. Потому и презирал окружающий мир.

— Куда тебе, Альфред. Пора уже ноги в тазике греть по вечерам, а не на девчонок пялиться.

Напарника звали Пьер, и он был «утилизатором». Хладнокровным и циничным. Несмотря на молодость, считался настоящим профессионалом, и Хромому приходилось молчаливо терпеть его хамский тон.

— Ну, ты и фрукт, — тихо прорычал Хромой. — Не понимаю, как я тебя терплю?

— Была у меня недавно одна история. С такой же, как эта... — Пьер намеренно пропустил брошенный упрек мимо ушей.

Он приподнялся на пассажирском кресле, сдвинул шляпу на затылок и продолжил:

— Приглянулась как-то мне такая пышечка-криминалист из пятого экспертного отдела. Симпапулька. Но недоступная... меня аж трясло, когда я сталкивался с ней в коридоре. Запах такой от нее шел приятный. Лаванды. Одним словом — влип по уши. Запал на нее так, что даже снилась пару раз. Такая светленькая, чистенькая, как куколка. Ты ее может тоже видел в управе. Так вот, решил я — познакомлюсь, во что бы то ни стало, а там будь что будет. И понеслось. Один раз подмигнул ей — она отвернулась, аж фыркнула. Эх...сучка! В другой раз улыбнулся — ноль реакции. И так продолжался месяц. Месяц! И вот как-то раз, так же как сегодня, на выезде столкнулись мы с ней нос к носу. Смотрю — глаза в пол воткнула и краской заливается. Мне потом ее коллеги из группы говорят — мной интересовалась. Представляешь? Спрашивала кто, да что... в общем, клонула на меня. Так, думаю, растопил лед. Теперь точно моя будет. Решил дальше действовать настойчивее. Неделю поджидал ее на Главной Площади под Черной Башней. Чтоб эффект случайности и неожиданности получился. Тогда они лучше ведутся. Но столкнулись не там, а после службы. В центре Мегapolis-Сити. И точно — совсем случайно. Увидела меня — чуть в обморок не упала. Предложил подвезти, она согласилась. Ну, Хромой, дальше тебе не

интересно будет...

И Пьер презрительно расхохотался.

— Вот ты, Пьер, молодой ты дурак, — недовольно скривился Хромой.

— Ладно, слушай дальше, — хамовито продолжил напарник. — Там, в машине и случилось у нас всё. Ну, ты понимаешь? Оказывается, она сама давно этого хотела. Давно ко мне не ровно дышала. Прямо сохла по мне. Вот такая пышечка была.

Он замолчал и опять накрыл лицо шляпой, намереваясь заснуть.

— А дальше? — нетерпеливо спросил Хромой.

— Что дальше? — удивленно переспросил Пьер, опуская шляпу на глаза.

— Ну, дальше... чем закончилось?

— Ничем, — небрежно бросил напарник, и его глаза опять скрылись под фетровыми полями.

— Как это? — не понял Хромой.

— Так, ничем, — послышалось из-под шляпы.

Пьер устало зевнул. Было видно, что его утомила затянувшаяся беседа. Они редко разговаривали так долго, а историями делились и того реже.

— Она исчезла куда-то, — добавил он бесстрастно. — Потом выяснилось, что пыталась покончить с собой. Сейчас таких случаев много. Суета, стресс, нервы...

Хромой понял, больше он от напарника не услышит ничего. Лимит общения на сегодня был исчерпан. Он скрестил руки на груди, удобнее устроился в водительском кресле и, прикрыв глаза, тоже задремал.

Его разбудил незнакомый голос. Он проснулся и в зеркале заднего вида увидел светло-серые глаза:

— Доброе утро всем, — глаза дружески улыбались.

— Вы... это откуда? — обескуражено выдавил из себя сонный Хромой.

— По поручению Агаты Грейс, — уверенно произнесли с заднего сидения. — Ознакомьтесь с предписанием.

— Что? — вырвалось у проснувшегося Пьера.

Между кресел показалась рука с протянутым документом, и Хромой принялся читать:

— Предъявитель... с целях государственной безопасности... — Хромой тянул слова, внимательно вчитываясь в написанное. Закончив, повернулся к человеку сзади.

— Моё имя Алекс. Вы здесь закончили?

— Да-а, как бы... вроде того.

— Значит едем.

Хромой не мог взять в толк, как смог этот пижон так просто из ниоткуда, вдруг появиться на заднем сидении его спецкара.

— Не объясни... те, нам...? Господин Алекс... — начал он.

— Потом, — сдержано перебил незнакомец, — ...может быть. Не время для объяснений. С сегодняшнего дня вы в моём распоряжении.

И он назвал адрес судмедэксперта и Хромой завёл мотор.

— Успеем перекусить? — спросил Пьер. — Без завтрака торчали, как привязанные бараны.

Казалось «чистильщик» не особо задавался вопросом, кто этот незнакомец, и почему теперь командует он. Пьер вообще мало задавался вопросами. Не любил спрашивать, сам предпочитал давать ответы. По части ответов лучшим его аргументом был автоматический

«люггер», спрятанный под широким плащом.

— Ничего кусать не будем, — твердо сказал Алекс. — Оружие при вас?

— Обижаете, — фыркнул Пьер и хлопнул себя в оттопыренный бок.

— Хорошо. Отчёт отдела «Зет»?

— Держите, шеф, — Хромой передал толстую зелёную папку на заднее сидение. — Это всё что им известно об «иных» и «контактёрах».

И служебный электрокар тронулся с места в направлении города.

Проехав метров сто, машина вырулила из тёмного тоннеля на залитую солнцем автостраду, быстро набрала скорость и, блеснув яркой вспышкой, молнией в чистом небе, бесследно исчезла, растворившись в ослепительных солнечных лучах.

— Оружие на стол! — Алекс с пистолетом в вытянутой руке стремительно вышел навстречу, остановился посреди комнаты и внимательно осмотрел гостей.

— Они? — вопросительно покосился на Липсица.

В комнате воцарилась тишина. Лишь из угла гостиной слышался лепет Якова Соломоновича:

— Простите меня. Так получилось, простите.

Он был вконец подавлен. Бледный как мел, прислоняясь спиной к такой же белой, как сам стене, он еле держался на негнущихся ногах и без остановки бормотал извинения, но его никто не слышал.

— Без сомнения, они, — чуть слышно произнёс Алекс.

Оружие он держал уверенно и агрессивно. Ствол пистолета смотрел Марку между глаз.

— На стол! — повторил Алекс загробным голосом.

Не сводя глаз с блондина, Марк достал пистолет. Положил на книжный столик рядом с кушеткой. Натянутое тетивой напряжение звенело так, что казалось, любое неосторожное движение, любой шорох или звук станут детонатором необратимых последствий. Слышалось, как в подъезде натужно гудит, поднимаясь, столетний лифт.

Алекс взмахнул пистолетным дулом, требуя показать руки.

— Убэщик жив? — спросил, разглядывая Розину повязку.

Девушка не шелохнулась. Лишь капелька пота выступила на пульсирующем виске.

— Понятно. — Алекс указал на одинокое плюшевое кресло. — Пусть она сядет.

Его тон был ровным и даже немного галантным. Марк протянул Розе руку, помогая сесть, и та опустилась в старое продавленное кресло, то самое, где Яков Соломонович много лет подряд каждый вечер перелистывал почти наизусть зазубренные книги отцовской библиотеки.

— А вы, молодой человек, отойдите-ка туда, — блондин махнул стволом в сторону окна и передёрнул затвор, тем самым показывая серьёзность намерений.

Оставив девушку, Марк попятился к окну, упёршись спиной в подоконник. Блондин поднял с книжного столика пистолет, вынул обойму, отметил, что патроны все до единого на месте, понюхал ствол и убедился — из оружия не стреляли минимум неделю. Сунул пистолет за пояс.

— Неожиданная встреча, — улыбнулся, отходя в сторону, — но чертовски приятная.

Пригладил бородку и, стараясь придать голосу максимально вежливый тон, произнёс:

— Отлично. И так, все в сборе.

Заботливо осмотрел всю троицу, одного за другим, и остался доволен. Липсиц дрожал в углу, то и дело извиняясь. Роза застыла в кресле напротив, и по ее сдвинутым к переносице хмурым бровям было заметно, как она лихорадочно перебирает в голове варианты как выбираться из сложившейся ситуации. И лишь Марк казался невозмутимым. Стоя у окна, весь залитый солнечным светом он с нескрываемым живым интересом изучал блондина. Это немного настораживало и выбивало из равновесия.

— Отпустите меня, — чуть слышно простонал Липсиц. — Я ничего не знаю.

Сказано это было глухим тихим шепотом, но его услышали все присутствующие. Алекс добродушно посмотрел на старика светло-серым взглядом:

— Нельзя, дорогой Яков Соломонович. Как мы без вас?

— Я очень устал, — Яков Соломонович еле сдерживал слезы. — Мне нужен отдых.

— Придётся немного потерпеть. Как минимум до утра. Мечтайте о светлом будущем.

Завтра всегда лучше, чем сегодня.

— Но ведь так никогда не происходит? — попытался возразить Яков Соломонович.

— Не важно. Всё равно помните об этом и надейтесь. Вера в завтрашний день — лучшее лекарство от сегодняшних проблем.

— Но я хочу, чтобы мне было хорошо сейчас, — не унимался Яков Соломонович. — Вы обещали...

Алекс раздражённо выругался:

— Ничего не поделать, такова жизнь. Всё завтра!

— Но... поймите, — Яков Соломонович судорожно всхлипнул, — завтра для меня может и не наступить.

Блондин жалостно осмотрел полуживого Липсица, и его взгляд на миг смягчился:

— Тогда я лично буду скорбеть по вам. Но опять же, это будет завтра. Не хандрите, милейший. Живите с надеждой и проживёте долгую жизнь. С надеждой в завтрашний день.

— Ладно. Завтра, так завтра, — подавленно согласился Липсиц, сползая на паркет.

— Так, теперь с вами, — Алекс повернулся к Марку.

Этот странный разговор Марк слушал отрешённо, словно не было заполнившего квартиру, давящего чувства опасности. Ни человека с пистолетом, от которого эта опасность исходила, ни всхлипывающего в углу старика, ни притихшей в кресле девушки. Стоя в апрельских солнечных лучах, он улыбался неестественно глупо и широко, насколько позволяла новая кожа, и со стороны казалось, что страдающий запором облысевший рыжий клоун репетирует неудачную пантомиму. Алексу стало неловко от этой пластмассовой улыбки, и захотелось всадить в неё пулю. Но дело есть дело, и он опустил пистолет.

— С воскрешением вас, господин Кариди, — съязвил он. — Если будете со мной откровенны, больше воскресать не придется. Тут слухи ходят... вами интересуется Агата.

— Кто?

— А я надеялся на честный разговор.

— Я правда, не понимаю, — Марк демонстративно пожал плечами.

— Я о хозяйке Черной Башни, о председателе Управления Безопасности, о госпоже Агате Грейс.

— А-а... теперь понятно.

— Что именно?

— Откуда УБ.

Минуту они молчали. Алекс нервно переключал пистолет из одной руки в другую. Марк глазами следил за его действиями.

— Ну и... — скорее самому себе, чем собеседнику сказал Алекс.

Он сел рядом с входом, упёр рукоять пистолета в колено, направив ствол Марку в голову.

— Значит тебе знаком и полковник Аристовский? — спросил, переходя на «ты».

— Немного.

Марк показал на обезображенное лицо.

— Значит тот пожар — его рук дело?

Марк утвердительно кивнул. Алекс задумчиво поправил очки.

— Но зачем?

— Ложный след. Для таких как ты, — Марк тоже перешел на «ты»: — «Хочешь спрятать что-либо — не скрывай, просто уведи внимание в сторону». Ты, Александр Деев, два года подряд сдававший на «отлично» психологию толпы в Берновском университете, неужели не догадался?

Алекс опешил.

— Откуда знаешь? — спросил удивленно.

— Вижу.

— И что ты видишь? — Алекс недоверчиво прищурился.

— Немного отрывками. И только прошлое...

— Брось меня дурачить! — Вскинутый пистолетный ствол вновь смотрел Марку между глаз. — О моей учёбе есть в досье. Ты читал?

— Какой смысл продолжать этот разговор, если ты не веришь? — Марк махнул рукой. — Это как вспышка, как укол. Раз, и всё по-другому. Сам не понимаю, но вы все хотите знать как. Витте, полковник, теперь ты. Даже я хочу того же.

Он отошёл от окна и, как ни в чем не бывало, будто и не было у оппонента пистолета в руке, подошёл к креслу, где сидела Роза, и встал позади него. Глупая клоунская улыбка испарилась с синтетического лица.

— Могу рассказать. — Он облокотился о плюшевую спинку, и посмотрел на Алекса, будто они сто лет знакомы: — А поверишь или снова скажешь, что дурачу? И надо ли оно тебе?

— Для чего я, по-твоему, здесь?

Алекс осмотрел комнату. Старый махровый халат на гвозде, вбитом в дверной наличник, упавшая на пол, жёлтая от жирных пятен газета «Время вперед», на стенах две репродукции акварельных пейзажей, посеревший от времени подвесной потолок. Настоящее жилище старого отшельника. Такое будет и с ним лет через сорок.

* * *

— И ты уверен, что я поверю в этот бред? — натянуто рассмеялся блондин, как только Марк закончил рассказ.

— Дело твоё, — невозмутимо обронил Марк, отходя к окну. Он с нескрываемым разочарованием посмотрел на блондина: — Тогда ответь, куда мы подевались на той улочке? Мы же были прямо перед тобой. В твоих руках... и на твоих же глазах рассыпались на атомы.

Он сделал долгую паузу, уловив на лице блондина зарождающееся сомнение. Стоя спиной к окну, в свете своеобразного нимба отбрасываемого обновлённым, омытым долгим дождем апрельским солнцем, Марк, казалось, был наделён такой силой, что возьми и выйди из комнаты, Алекс ничего не смог бы сделать. И блондин чувствовал это. Стоял задумчиво, осмысливая услышанное.

— Мне тоже нужно это, — наконец нарушил молчание.

Марк улыбнулся:

— Я бы с радостью, но невозможно.

Глаза Алекса сузились до щёлок.

— Думаю, возможно, когда от этого будет зависеть... — он подошёл к сидящей в продавленном кресле Розе и легонько погладил дулом пистолета её шею, — ...к примеру, чья-то жизнь.

Затем окинул девушку такими ледяными глазами, что у той похолодели руки. И не от страха. По крайней мере, не из-за боязни за свою жизнь, а от внезапно нахлынувшего неприятного мерзкого ощущения, когда становишься заложником чужих желаний. Будто стала жертвой изнасилования, и твоя воля скована волей насильника.

Всё произошло в доли секунды. Ствол уперся в висок, Роза вскрикнула. Марк непроизвольно поднял руку, призывая остановиться, но блондин в ответ крепче ухватил девушку за волосы.

— Хватит болтать! — грубо рявкнул. — Делай, что говорят!

— Это ты зря, — произнёс Марк, глядя в упор.

— Ты даже не догадываешься, на что я способен.

— Всё-всё, — Марк поднял руки, — я стою на месте.

— Как, оказывается, всё банально. Вот и у тебя нашлась ниточка, за которую можно дёрнуть. Не правда ли, забавно? Миром на самом деле движут обычные человеческие пороки. Вот где она — твоя «кнопка».

Блондин вдавил ствол девушке в висок с такой силой, что та закатила глаза от боли.

— Что делать? Нажать или нет? — язвительно спросил, и словно найдя ответ, добавил: — Вот, что сделаю. Предлагаю обмен. Мне сила, тебе девчонка. Согласен?

Марк молчал.

— Нет? Хочешь заплатить такую цену? Пойми, пришелец, не подумав, случайно вышел на тебя. Но мы это легко исправим. Видишь, у меня есть то, что нужно тебе, у тебя, что должно принадлежать мне. Чем не равноценный обмен?

— Это может только иной...

— Ну, так, где он? — перебил Алекс, нервно вскинув пистолет.

Он резко выпрямился, встал в полный рост и жестко приказал Розе:

— Поднимайся!

Та не шелохнулась. Блондин схватил девушку за волосы так, что та невольно вскрикнула, и грубо развернул к себе. Вдавлив ствол в щёку, выкрикнул:

— Есть возражения?!

— Не надо, Роза. — Марк жестом показал девушке, чтобы та поднялась.

Роза нехотя встала. Алекс силой притянул её к себе.

— Сюда! — поманил пистолетом притихшего в углу мед-эксперта.

Яков Соломонович, шаркая непослушными ногами, поплёлся в центр комнаты и поравнялся с Розой. Блондин пристегнул наручниками его запястье к девичьей руке.

— Вот так. Теперь туда! — указал на дверь спальни.

Роза посмотрела на Марка. Тот утвердительно кивнул:

— Иди, не бойся. Всё будет хорошо.

— Даже не сомневаюсь, что все закончится хорошо, если ты, Марк, сделаешь правильно, — хмыкнул блондин, и втолкнул прикованных Розу и Липсица в спальню.

Затем плотно прикрыл дверь, пододвинул стул и вставил его ножку в дверную ручку, заклинив её наглухо.

— Альфред! Пьер! Поднимайтесь наверх, — крикнул в коннектофон Алекс Деев.

— Роза, девочка моя, поверьте, он меня силой заставил это сделать, — оправдывался Яков Соломонович, когда они остались одни. Затем с опаской посмотрел на закрытую дверь. — Он страшный человек. Он шантажирует меня. Как же я не хотел, чтобы все случилось именно так. Я надеялся, что вы с Марком не придете сегодня. Что не будете...

— Кто он? — сухо перебила Роза.

— Что вы спросили?

— Имя этого человека?

— Конечно, как же. Его зовут Александр Деев, и он тайный агент Управления Безопасности СОТ. Как они говорят, внештатный. Он всё знает о вас. Он обо всех всё знает. Представляете, всё?

— Нельзя знать всё обо всех.

Крохотные глазки Якова Соломоновича испугано забегали.

— Да конечно, нельзя. Но он-то знает...

— Что вы ему о нас рассказали?

— Ровным счетом ничего. Совершенно ничего нового. Он и так всё знает. Я должен был лишь позвонить и сказать, когда вы снова придете ко мне. Это всё, поверьте...

Он запнулся, немного помолчал и, преодолевая нерешительность, добавил:

— И про Марка.

— Что про Марка?

— То что... — Якову Соломоновичу стало трудно дышать, — то, что... Марк жив.

— Понятно, — выдохнула девушка.

Она ещё утром чувствовала — не стоило идти сюда. Роза хорошо помнила аксиому из уроков по теории конспирологии — никогда не появляйся в одном и том же месте трижды. Помнила, но не воспользовалась. И вот результат.

— Что творится. Мир сошел с ума, — приговаривал мед-эксперт Липсиц, качаясь взад-вперед на деревянных ногах. — Боже-боже, кто теперь поможет этому миру?

Он был бледен, держался из последних сил и, похоже, вот-вот упадет в обморок. Молил Создателя, чтобы все поскорей закончилось, и желательно хорошо, но в хороший конец верилось всё меньше и меньше. Воистину, чего боишься больше всего на свете, то случается в первую очередь. Как глупо изворачиваться, юлить, предавать коллег, пытаться сохранить свою жизнь и все одно лишиться ее вот так бездарно. В том, что он именно сегодня лишится жизни, Яков Соломонович несколько не сомневался. Но тогда зачем нужны были все вывертывания и потуги? Зачем согласился на сделку с совестью? Ведь ясно — он всего лишь маленький человек, и игроки большого стола видят в нем только инструмент в этой страшной игре.

А началось всё с появления в его кабинете того странного бродяги. Странного, если не сказать больше. Была бы возможность вернуться назад, в день медосмотра, Яков Соломонович смог бы изменить ход событий. Но есть ли возможность вернуться? Он поднял голову и мысленно посмотрел сквозь потолок куда-то далеко вверх, будто увидел кого-то.

— Каждый сам за себя, и только Создатель за всех. Но и он скорей всего уже не с нами, отвернулся и не желает помочь. Сколько бы он не присылал сюда своих посланников, все заканчивается крестом на Голгофе. А хотим ли мы его помощи? Создатель не в силах

помочь грешникам, которые сами отказываются снять рабские колодки. Им так лучше, так безопаснее. Но кандалы остаются кандалами, даже если они золотые. На старо-еврейском слово грех означает — человек, промахнувшийся мимо цели. Именно так, человечество промахнулось.

Яков Соломонович смотрел на Розу влажными глазами. Он думал о том, что человек, по сути, так и остался диким, невежественным, но очень хорошо приспособленным приматом. Что окружил себя необходимыми ему вещами, придумал власть, государство, мораль, долг. Но все это ширмы, за которыми прячется животное, каждую секунду готовое преступить все ограничения, придуманные им же, и загрызть, растерзать, сожрать. А если не получится, то поджав хвост, раболепно пресмыкаться перед сильными мира сего.

— Как же Создателю трудно с нами, — произнес он. — Как же непосильно быть Богом.

В уголках его глаз выступили слезы. Он корил себя за то, что в свои шестьдесят пять многое повидав, многое пережив все еще цепляется за эту серую безрадостную суету любой ценой, словно нищий за последний кусок хлеба. Он ненавидел себя за то, что предал в желании прожить еще каких-то несколько унылых лет. Предал молодых и сильных, в надежде сберечь свое старое слабое тело. Сберег его, но потерял душу.

— И еще я трус. Увы, девочка моя, это так. Синоним рабства — трусость. Вот это грех, так грех! Я дешевый бесполезный трус.

Яков Соломонович указал на запертую дверь.

— Он не виноват. Мне легко все свернуть на него. На его шантаж, на то, что он из управы. Но не он разрушает наш мир, его разрушают такие, как я...

— Ну-ну, успокойтесь, — перебила Роза. — Не наговаривайте на себя, Яков Соломонович, не занимайтесь самоедством. Мы с вами еще повоюем.

И она взмахнула рукой, будто саблей, подбадривая старика.

— Нет-нет, девочка моя, ты не понимаешь. Именно с такими, как я Богу и трудно. Именно с такими...

За закрытой дверью послышалась возня. Раздался пистолетный выстрел. Следом автоматная очередь, затем ещё одна...

— Пока твои друзья будут здесь, ты отведёшь меня к Губеру, — сказал Алекс, перекидывая тяжёлый пистолет из руки в руку как пушинку.

— Одно и то же. Почему все уверены, что я знаю куда идти?

Алекс дёрнулся:

— Надеюсь, у тебя хватило здравого смысла расспросить адрес?

Подойдя к окну, он опёрся на подоконник, вдавил пальцы в пластик так, что кожа на костяшках побелела, и отражение его глаз сверкнуло в тусклом стекле ярко-синим заревом.

Он вспомнил, как далёким январским утром мальчишкой вот так же стоял у окна. Как тонкими пальчиками держался тогда за подоконник и тянулся на носочках, пытаюсь заглянуть в окно.

Там внизу плещутся в молодом снегу солнечные блики. Слышатся голоса. Но мальчик не может разобрать, о чём говорят люди. Среди голосов прорывается один родной.

Алекс сглотнул сгусток боли, застрявший в пересохшем горле. Сквозь солнечные весенние лучи он напряженно и внимательно всматривался в улицу, будто пытался разглядеть что-то своё, понятное лишь ему одному. Лицо его посерело, глаза потеряли цвет.

Тем утром выпал первый снег. Человек в белоснежной рубашке, стоял у стены на чистом, только выпавшем снегу, и выросший с тех пор мальчишка ненавидит снег, одновременно скучая о нём каждую зиму. Цвет снега невыносим — нестойкий, предательский — но Алекс ни разу не изменял белой рубашке, как у того человека за окном.

Он неспешно отстранился от окна и уселся в кресло, в котором несколько минут назад сидела Роза. Он молчал, неосознанно перекидывая пистолет из руки в руку.

За окном среди доносящихся снизу голосов один женский. Вернее, совсем ещё девичий, молодой, живой, дерзкий — чистая энергия. Говорят, с годами голоса не меняются. Он запомнил этот голос и за много лет привык к нему так, что первое впечатление стёрлось из памяти. С годами тембр стал спокойным, хорошо поставленным, но голос остался прежним.

Алекс невесело улыбнулся, поджав уголки губ. Вспомнилась любимая её фраза, сказанная тем голосом: «Вы, Ал, так и не научились расслабляться».

Но в тот день на заднем дворе голос её был бойким, звенящим. Она бодро зачитала постановление «рейдерской тройки», после чего всё становилось бессмысленным, в ход шли пули. В те годы расстрельные приказы зачитывались почти каждый день. Арестованных выводили за дом, на задний двор или просто на улицу, без суда и следствия предьявляли постановление о казни. Тем утром маленький мальчик впервые узнал, что тот человек в белой рубашке уважаемый ученый и его отец — оказался врагом прогресса.

Алекс опустил голову, и плечи его дрогнули.

— Инструктор по идеологии Агата Грейс, уже тогда красиво зачитывала расстрельные приказы. — Он посмотрел на Марка злыми волчьими глазами: — Она и сейчас всё делает красиво.

— Я отведу тебя к Губеру, — сказал Марк, протягивая руку, — но обещаю, после ты отстанешь от нас.

— Так-то лучше, — улыбнулся Алекс, но вместо рукопожатия поднял пистолет на уровень груди.

Вдруг Марк поднырнул под руку с пистолетом, подался вперёд и головой боднул

блондина в недавнюю рану. Тот вскрикнул от боли и, вывернув локоть руки с оружием, попытался прицелиться сверху, но Макс, резко разогнувшись, толкнул эту руку вверх.

Раздался выстрел. Марк дважды кулаком коротко ударил в рану. Пистолет выпал из ослабевшей руки. Превозмогая боль, Алекс всем телом навалился на противника, но тот просел ещё ниже и Алекс, перелетев через подставленную спину, кувырком покатился к стене.

Сладковатый дым быстро заполнял комнату. Макс видел, как очертания силуэта сидящего на полу Алекса приобретают сначала размытые формы, а затем и вовсе растворяются в свете окна.

Короткая автоматная очередь и с потолка градом посыпалась штукатурка. Кто-то выбил входные двери, и в дверном проёме с автоматом в руке показался Пьер. Внезапно он выронил автомат, повалился на пол, и тонкая кровавая струйка вытекла из его пробитой головы. За Пьером распластав руки в стороны, лежал Хромой.

Алекс закрыл рот ладонью, стараясь сдержать рвоту. Он видел, как комната растворилась, и как Марк растворялся вместе с ней. Создавалось ощущение, что оба они и всё, что есть вокруг, превращаются в пыль книжных полок, в шорох тяжёлых оконных штор, в тихий ход настенных часов.

Силы быстро покидали обоих. Головы кружились, слезились глаза, и через минуту ни Марк, ни Алекс уже не могли видеть, как люди в противогазах входят в задымлённую квартиру, переступая через трупы Хромого и Чистильщика.

Время остановилось, и пространство рассыпалось на атомы. Стены разошлись, мебель испарилась, реальность померкла навсегда. Марк растворился, и Алекс растворился вместе с ним. Теперь оба были везде и всюду. И в густом дыму, заполнившем старую коммуналку, и на обочине рядом с тлеющей «Теслой», и в операционной с бригадой врачей двадцать часов борющихся за жизнь полковника Аристовского, и в каждом уголке безжалостного монстра по имени Мегполис-Сити.

* * *

Под ногами послышался писк и Макс понял, его ботинок обнюхивает крыса. Ухо уловило другой шорох, идущий от дальней стены.

— Головная боль пройдёт быстро, — услышал он голос.

Его обладатель вышел из тёмного угла. Это был седой старик с худошавым, изрытым морщинами лицом. Пыльное тёмно-синее пальто с широкими засаленными лацканами на голом, вполне моложавом теле, кожаные затёртые штаны и довоенного образца армейские сапоги.

— Прости, пришлось некоторое время держать тебя в таком виде. — Раскосые азиатские глаза его смотрели с любопытством. — Твой друг в порядке. Он в соседней комнате. Им мы займёмся позже.

— Вы... кто? — едва выговорил Марк, хватаясь за голову. Она раскалывалась, точно внутри взорвалась бомба. Тело бил озноб.

— Моё имя Вард, но здесь в тоннелях все называют Инженером.

Ростом Инженер был выше среднего. Осанистый, поджарый. Повязанная цветастым платком голова с коротко стриженным «ёжиком», такая же седая, как и ровно подстриженная

бородка. Сухая загорелая кожа обтягивала широкие ладони рук. На левой руке недостаёт мизинца, на безымянном пальце массивный перстень с чёрным продолговатым камнем. В правой металлическая кружка. Он подул на неё, отгоняя клубящееся облачко пара, сделал короткий глоток и удовлетворённо облизал серебристую растительность над верхней губой.

— Ты, верно, голодный? Еда готовится, придётся подождать. Увы, быстрой синтетикой не пользуемся.

— Где я? — спросил Марк.

— Сразу предупреждаю, мы несколько ограничили твои сверхспособности. Сейчас ты находишься в контролируемом нейтринном поле, регулирующем электромагнитные мозговые импульсы. Проще говоря, ты стал обычным Марком Кариди каким был с рождения.

— Вы знаете моё имя?

— Как думаешь, кто изобрёл «Бубен Шамана»? — сказал старик не совсем понятное.

Марк огляделся. Помещение походило на трансформаторную подстанцию. В скоростных тоннелях такие были рядом с каждой станцией, но эта, по-видимому, заброшена и довольно давно. Шлейфы полусгнивших проводов на чёрных от пыли стенах, пустые распределительные шкафы, ржавые и одиноко торчащие из бетонных оснований металлоконструкции, на которых стояли когда-то многотонные трансформаторы. Такой разрухи не могло быть ни в действующих тоннелях Мегалополиса ни в тоннелях прилегающих кластеров, разве что...

— Это Пустошь, — человек согласно кивнул, словно прочитал мысли Марка. — Мы «пустынники» — отверженные, которым не нашлось места в вашем мире. Противоположность прогрессу. Таких антипроги как мы здесь тысячи, и они разбросаны по всему периметру, а ты сейчас в затопленных восточных шахтах.

После ограничения 30-го года, когда к востоку от Мегалополиса многокилометровые массивы солнечных батарей были переведены на автономный цикл управления, специально созданная комиссия СОТ приняла решение затопить ставшие ненужными транспортные тоннели восточных окраин вплоть до побережья. Сейчас согласно картам по этим шахтам текут подземные реки, охлаждая аккумуляторные накопители, но это лишь на ваших картах. Всё оказалось сложнее, чем планировалось. Пришлось в каждом тоннеле построить дамбу и, подключив насосы к вашим наземным аккумуляторам, в течение двух лет откачивать воду. Теперь затоплены только охладительные системы окрестностей Мегалополиса, ограждающие нас от вашего мира. Здесь же сухо, как в пустыне, вот только немного донимают крысы и летучие мыши.

Он поднял камень, метнул в обнаглевшую крысу и на удивление попал. Та с писком бросилась в темноту.

— Как голова? — отряхивая ладони, поинтересовался старик.

— Нормально, — недовольно поморщился Марк. Голова гудела невероятно.

— Впервые вижу, чтобы «трансферт» был так беспечен.

— Не понимаю.

— Твой друг едва не умер. Это он подал сигнал?

— Он мне не друг.

— Он тебе не нужен?

— Нет, — ответил Марк.

— Нам тоже. Нам нужен ты. Но раз так, мы его вернём обратно...

— Там были ещё люди.

— Ты о спецслужбистах? Забудь о них.

— Нет. Я о девушке и о старике, о хозяине квартиры и о моей...

— Мне о них не докладывали.

— Но они там были.

— Кто твой друг?

— Никто.

— Это вряд ли. Тоновый резонатор — прибор совершенный. Кто-то из вас двоих попал в «трансмутационный отрезок». Поначалу было неясно, потому разобрались. Но твой товарищ на вид крепче тебя. Я думал, это он подал сигнал.

— Какой сигнал?

— Удивительно, что контактор не сообщил тебе о системе распознавания. Вы оба «розетки», но «трансфертом» всё-таки оказался ты. Хотя наверняка, твой уровень контакта пока самый низкий. Твой контактор, как он выглядел?

— Обычный... — Марк напрягся, — вы его не знаете?

Старик не ответил. С неподдельным интересом он разглядывал Марка, и серо-голубые глаза его излучали искреннюю радость.

— Как долго я ждал этот день, — произнёс он чуть слышно.

Затем поставил кружку на чугунную печь, распахнул дверцу и поднёс узловатые мозолистые ладони к ожившему в топке огню. Блики пламени мерцали на его бронзовых скулах, весёлыми зайчиками отражаясь в белках глаз. Вверху, где терялась печная труба, протяжно загудело нарастающим волчьим воем, и лёгкий ветерок колыхал концы платка на его голове. Дышать стало значительно легче.

— Свежий воздух уймёт головную боль, — произнёс Инженер. — День на отдых, а затем займёмся делом.

— Что вам всем от меня надо! — не удержался Марк, скрежеща зубами от злости. В его макушку словно вбили кол.

— Поначалу мне надо, чтобы ты отдохнул. И заметь, ты не связан и без охраны. Ты — гость. Хотя... — Инженер подбросил в печь несколько топочных брикетов, обтёр беспалую ладонь о фалды пальто, и многозначительно добавил: — ...отсюда сбежать можно разве что в Пустошь.

Сняв с плиты алюминиевый чайник, он налил в кружку парующую жидкость и протянул её Марку. В нос ударил терпкий пьянящий аромат.

— Грибной отвар псилоцибе. Пей. — коротко кивнул подбадривая. — Моментально придаёт силы.

Взяв кружку, Марк сделал глоток. Передёрнулся от горького привкуса.

— Ну как? — чуть заметно улыбнулся старик.

Массивная дверь легко и бесшумно отворилась, и в комнату вошёл светловолосый подросток лет двенадцати с перекинутым через плечо полотенцем и с чугунным казаном грибного супа в руках.

— Грибы — наше всё. — Старик принял из рук мальчишки ароматное варево и взгромоздил на металлический стол. — Ассорти. Здесь и шиитаке, и шимиджи, и шампиньоны. Ирма прекрасно готовит.

Жажда оказалась сильнее мерзкого вкуса своеобразного напитка, и Марк, отпивая понемногу из кружки, опорожнил её до дна. На удивление головная боль и дрожь в теле

отступили. Теперь он мог внимательнее осмотреть, где находится. В тусклом мигании светодиодного светильника, глаза различили стопку книг на железном ящике у стола. На столе из-за торчащих карандашей и ручек похожий на дикобраза массивный письменный прибор, кипы мелко исписанных листов бумаги, очки на раскрытом блокноте. Дальше у стены металлическая панцирная койка, рядом умывальник, под раковиной с выщербленной, пожелтевшей эмалью старое алюминиевое ведро.

— Мой кабинет. Здесь и живу, и работаю, — пояснил Инженер, уловив заинтересованный взгляд. Повернулся к парнишке: — Приберись здесь, Унц. Эту оставь.

Он взял со стопки толстый фолиант в чёрном переплёте. Мальчишка, собрав в охапку бумаги и оставшиеся книги, коротко поклонился и вышел.

— Угощайся. — Инженер протянул Марку полную миску супа: — Когда поешь, считаешь на досуге. Станет понятней.

Он положил оставленную книгу. Белые затёртые буквы на обложке гласили: «Генрих Корнелий Агриппа. Оккультная философия 1533 г».

— Зачем? — спросил Марк, пытаясь удержать ложку в непослушной руке. — Зачем я вам...?

— Завтра начнём работать. Проводники имеют свойство работать в обе стороны.

За дверью послышался нарастающий шум. Из проёма вынырнула русая мальчишеская голова с горящими возбуждёнными глазами в пол-лица. Побелевшие губы дрогнули:

— Он... сбежал... тот, второй...

* * *

Алекс ладонями сдавливал пульсирующие виски, пальцами тёр покрасневшую воспалённую кожу и, казалось, от этого боль утихает. Но стоило опустить руки, как она возвращалась с удвоенной силой, протыкая мозги тысячами игл.

Тяжёлые ноги заплетались, по сгорбленной спине градом катил пот. Но удивляло, что резаная рана, зашитая Липсицом, затягивалась на глазах. Шов сросся, побелел, и даже гематома вокруг него перестала гореть пурпурно-маковым пламенем, приобретя бледно-жёлтый оттенок восстанавливающейся плоти. То, что случилось недавно без сомнения пошло на пользу, если бы не невыносимая, медленно убивающая головная боль.

Впереди, в глубине тоннеля слезящиеся глаза вырвали из темноты неясный свет. Алекс остановился, и чтобы не упасть, упёрся рукой в стену. Прикосновение к влажной холодной поверхности каменной кладки одновременно и испугало и придало уверенности. Если в конце тоннеля они, он знал, как поступать — за три года в пустыне выработались необходимые навыки. Несмотря на нестерпимую головную боль, он и без оружия умел постоять за себя. Тот охранник видимо знал о боли, потому не связал ему руки, поступив и гуманно и опрометчиво. Алекс поступил так же, сохранив парню жизнь. Скорее всего, тот уже пришёл в себя, и теперь пустынники взяли след.

Ему показалось, что свет в конце тоннеля движется. Покачиваясь как в детской колыбели, дрожа и подмигивая, он из тусклой матовой точки постепенно превращался в светло-белое пятно, грозя стать ярким прожекторным лучом. Без сомнения что-то двигалось навстречу, и монотонные звуки этого движения пробивались сквозь плотную тишину заброшенного подземелья. Тихий металлический скрежет и мерная дрожь монорельсы

говорили о приближении самоходного механизма. Не поезд, не вагон.... ну, конечно! Однообразный надрывный писк — именно так звучит мускульный привод ручной дрезины.

Скрываясь за кирпичным уступом, Алекс спиной врос в холодную стену шахты. Гул монорельса нарастал, металлический писк усиливался, приближающийся свет прожектора разгонял полусонные стаи летучих мышей, кишачие под высокими тоннельными сводами.

Не обращая внимания на головную боль, Алекс напряг слух. Ему показалось, что движение дрезины стало свободнее. Шум плавно стихал, превращаясь в размеренный цокот затухающего метронома, и вскоре затих совсем. Дрезина остановилась прямо напротив притаившегося Алекса.

Немного выждав, блондин выглянул из-за угла. Оглядел пустую платформу. Одинокий прожектор оранжевым лучом разрывал ночь, искрясь на отполированном монорельсе.

Алекс сделал шаг и замер. Холодная сталь, прорезав толстую кожу куртки, словно тонкий шёлк, предупредительно кольнула пониже ребра.

— Надя, выходи, — послышался сзади тонкий голосок.

— Перейдём к делу, — сказал Инженер, усевшись напротив Марка, — оказалось, что твой «иной» вовсе не контактор, а обычный собиратель. Ты знал об этом?

— Знал, — ответил Марк.

— Почему сразу мне не сказал?

— Вы не спрашивали.

— И как такое могло случиться?

— Не знаю.

— Обычно контакт не происходит с бухты-барахты. И чтобы «иной» низшего уровня контактировал с первым встречным? — его глаза горели негодованием. — Удивительно, что ты не окоурился прямо на месте. Я не понимаю. Объясни, ты же теперь у нас единственный «трансферт» на этой планете.

— Что с моим... с тем, вторым парнем?

— О блондине не думай, он нам не нужен. Сосредоточься и как можно подробнее ответь на мои вопросы. Говори всё, что знаешь. Вспомни любую мелочь сказанную «иным».

— Я мало что знаю.

Инженер вскочил:

— Парень, сейчас ты разговариваешь с тем, кого ведёт голос Бога! Если не скажешь того, что поможет моим планам, разобрать я тебя смогу, не моргнув глазом, а вот собрать...! Для этого у меня должны быть веские основания.

— Поздно спохватились. «Иные» покидают Землю, — скороговоркой выговорил Марк, — вот собиратель и открылся мне. Вероятно, он из тех, кто не может просто так выполнять свою работу. Он из «идейных».

Инженер долго молчал, затем продолжил:

— Стоит рассказать тебе кое-что. Про «отступников» ты знаешь всё, что тебе рассказали проги и, вероятно, уверен, что мы — противники Прогресса — рушим народное достояние и стремимся ввергнуть Землю в прежний хаос. Что воспеваем античеловеческую идеологию, руководствуемся низменными целями и вынашиваем коварные планы свергнуть нынешнюю идиллию и повернуть вспять прогресс, кинув мир в «тёмное» время угля и нефти. И без сомнения Пустошь — территория зла. Ежемесячные рейдовые зачистки и который год толпы фильтрационных и прочих изгоев, обколотых даркфомином или просто сошедшие с ума от тяжёлой работы. Всё это ты ежедневно слышишь из всех утюгов, но я не стану переубеждать тебя, я расскажу о другом, о слове Бога, сошедшего на Землю много лет назад.

Он замолчал, собираясь с мыслями:

— Дело в том, — начал он, — что энергия — это основа всей нашей жизни, но парадокс в том, что понимание сей неразрывной связи выработало у человечества главный его страх, боязнь потерять контроль над её источником, а, следовательно, потерять саму жизнь. Страх голода, болезней и старости — не что иное, как боязнь навсегда утратить энергию такую необходимую для продолжения жизни. Это как попробуй я выбить из-под тебя вот этот стул, ты тут же вцепишься в него обеими руками.

Так вот, первая энергетическая революция случилась, когда человек приручил огонь. Именно тогда из человекообразного животного он превратился в теперешнего сапиенса.

Аграрная революция стала второй энергетической революцией, и наши предки принялись размножаться с геометрической прогрессией. Но, то было лишь начало, и ненасытный землянин, избрав за цель бездумно отбирать энергию у природы, где бы то ни было и всю, какая у неё только есть, двинулся этим маршрутом дальше. Каждые сто лет он, гонимый страхом перед энергетическим кризисом, находил всё новые и новые способы отбора энергии у Земли, называя этот грабёж «прогрессивным путём развития». Но земные ресурсы оказались небезграничны и алчный по своей натуре гомо сапиенс дошёл в конце концов в этой смертельной гонке за обладание энергией до Третьей Мировой.

Глупый человек так и не понял, что энергии не может быть мало, и что она никуда не исчезнет и не стоит бояться её потерять. Энергия, необходимая людям для продолжения жизни ничтожна в сравнении с энергией отдаваемой ему Вселенной. И главный проводник космической энергии — звезда по имени Солнце. Её суммарная энергия, в течение года достигающая Земли, составляет четыре миллиона эксаджоулей, а все растения на планете потребляют лишь три тысячи этих самых эксаджоулей в год. Человек со всей его промышленностью, городами, заводами, фабриками и хаотичной ежедневной суетой использует не более пятисот эксаджоулей за год. Понимая, насколько ничтожны наши потребности, и насколько мощным ресурсом мы пренебрегали все пять миллиардов лет своего существования, становится ясно, что страх энергетического голода — это не что иное, как очередной миф, рожденный примитивным, воспалённым, бредовым и малоразвитым человеческим умом.

Двадцать лет я занимался проектами конвертации солнечной энергии в другие её виды и был лучшим специалистом в этой области. Я был настоящим проги. Я строил СЭС и верил в электричество. А потом я услышал голос Бога, который сказал мне: лучшее решение давным-давно придумала сама природа. Обычное дерево — это та же солнечная энергетическая станция. Фотосинтез преобразовывает солнечный свет в энергию плода, а мы, съедая этот плод, обращаем его энергию в собственную силу, ловкость и неутомимость.

Доверься Вселенной — этот девиз человечество позабыло. Потому некогда гениальная идея брать энергию у главного его источника Солнца оказалась, как всегда бывает у людей, исковеркана и попросту опошлена. Проги осуществили самый идиотский из всех её сценариев, облачили прекрасную идею в свою технологическую оболочку. Отсюда и индиевые заводы, и свинцовый устойчивый смог над рабочими кластерами, и бескрайние просторы солнечных батарей покрывающих планету. И как следствие — нарушение теплоравновесия Земли и скорое забвение.

Проги не услышали мои доводы. После войны эти эксперименты никому не были нужны, а затем их и вовсе запретили. Мне грозила судьба «зачищенных» если бы не случайность. И теперь я оказался здесь, забытый и потерянный. Но с твоим появлением пришло время напомнить всем о божьем откровении!

Глаза Инженера вспыхнули диким огнём:

— Всё вышесказанное поведал мне голос божий. Он же указал путь создания биологических преобразователей солнечной энергии в доступную жизненную форму и дал семена этой праведной стези — микроорганизмы, способные подобно листу растения превращать солнечный свет в работу бытовых микроволновок. Я бросил науку, индиевые батареи и свинцовые аккумуляторы и вырастил их в способных к фотосинтезу живых бактерий. Идём!

Выкрикивая слова как заклинания, Инженер направился к выходу. Выглядел он крайне

возбуждённо и всё же Марк последовал за ним. Поднявшись по крутой металлической лестнице, оба вышли на дневной свет и оказались в полукруглом бетонном сооружении без крыши, каждый уголок которого был залит солнечным светом. В центре возвышалась пирамида высотой в два человеческих роста. Все её поверхности покрывало, словно ковром, что-то вроде толстого мха. Мох этот на удивление непрерывно двигался и переливался длинными световыми волнами.

— Вот они, мои детки-сорбенты, — любовно прошептал Инженер, глядя на живой мох, — они радуют меня. Я назвал этих крох светлячками. Весь день они накапливают солнечный свет, взамен отдавая жизнь.

Он достал из кармана электрошокер и Марк увидел как шкала на панели ожила, демонстрируя начало зарядки батареи.

— В этом бетонном радиусе они создают устойчивое энергетическое поле, и любая электробатарея, помещённая сюда, будет стабильно заряжаться беспроводным способом. Представьте картину: мои светлячки многочисленными стадами заселяют специально сооружённые для них, так называемые энерго-муравейники — многогранные бетонные колонны в виде пирамид — и, нежась на солнце обширными зелёными коврами на их пологих склонах, ежеминутно впитывают солнечные лучи, как делает это любой зелёный лист на любом дереве. К вечеру, преобразовав полученный свет в энергию, они создают вокруг муравейника устойчивое биоэнергетическое поле, распространяемое на многие-многие километры.

Муравейник отдаёт заряд направленным беспроводным потоком с такими точными параметрами, что способен заряжать аккумуляторы электрокаров прямо по ходу их движения из пункта А в пункт Б. Поставьте по краям скоростной автотрассы аллею из таких вот живых муравейников и небольшая батарея, от которой питается двигатель электрокара, будет непрерывно заряжаться в этом поле по ходу движения, и вашей машине больше не понадобятся никакие громоздкие электростанции. Сразу отпадёт необходимость и в синтетической еде. Биоэнергетическое поле отличается от электромагнитного тем, что не только безопасно любому живому, но даже необходимо ему, потому как и его питает энергией. Мои светлячки умеют жить, размножаться и умирать как всё в природе, что живёт, размножается и умирает, и это должно было стать обычным биопроцессом, гармонично вписывающимся в единую экосистему планеты. Человек попав в биоэнергетическое поле сразу становится энергоприёмником. Чувствуете, как тело наливается силой? Распространившись по планете подобно муравьям, светлячки должны были стать неисчерпаемым источником «живого электричества», и люди наконец-то побороли бы свой страх перед будущим.

Он сделал паузу. Его глаза безумно сверкали подобно светлячкам, о которых он рассказывал.

— Так четверть века назад поведал мне Бог, — пафосно продолжил он. — Но, увы, его словам не суждено было сбыться, ведь они противоречили идеям прогрессорства. В моём проекте тогдашним прогам не оказалось места, и они быстро поняли, что божьи светлячки смогут жить и размножаться и без их участия, и какая, к чёрту, тогда вера в их силу, если судьба мира будет зависеть теперь от маленьких бессловесных созданий? Для «сильных мира сего» энергия — это глобальный контроль и власть. Но кому будут нужны все эти Советы и Правительства, Управления и Безопасность, если источником жизни теперь станет сама жизнь? Кто поверит в их глупый миф о светлом будущем, если сооруди такой мини-

муравейник на заднем дворе своего дома или вместо домашних цветов на балконе квартиры в городской многоэтажке, ты на столетия обеспечишь себя совершенно неиссякаемой бесплатной биоэнергией.

Так я оказался здесь, сумасшедший теоретик, вторящий потусторонним голосам. Но я не сдался и лишь укрепился в своём намерении сравниться с богами. С твоей помощью я хочу напомнить им всем, что я существую, и что владею тем, что изменит этот мир. Прогрессоры признают свою неправоту и в этом мне помогут «иные». Именно для этого мне и нужен контакт. Уже сейчас я могу заселить светлячками всю планету, вернее при определённых условиях мои световые сорбенты сами наводнят её собой. А могу этого и не делать, поскольку при несколько иных условиях, их популяции могут так же быстро погибнуть, как и размножиться. Сегодня в моих руках будущее человечества! И я не прошу много, всего лишь признания меня Посланником Божьим!

Последняя фраза была произнесена им с пафосом египетского фараона. Затем он заговорил чуть спокойнее:

— Пять тысячелетий назад такое уже случилось. Столетиями учёные спорят о предназначении египетских пирамид. Кто-то считает их прихотью эгоистичных фараонов, фантазёры — вземными сооружениями, теологи — жилищами боголюдей. Но никто из них не подумал о том, что пирамиды могли служить энергетическими источниками для прежней цивилизации, такими как этот макет, что перед тобой.

Надя, наш гениальный филолог, перевела древний египетский манускрипт, предоставленный мне богами, подтвердив тем самым снизошедшее на меня откровение, но не так как делали это два века назад никчёмные шарлатаны, и вот что получилось. Пирамиды — это энерго-муравейники для светлячков прошлой цивилизации. Единственный раз люди выбрали божий путь, влились в природный цикл и стали ближе к Вселенной. Но что-то пошло не так, вероятно фараоны прошлой цивилизации не договорились с богами и спустя время светлячки все до единого исчезли, оставив нам лишь голые пирамиды. В тех переведённых папирусах говорилось о знаниях «иных». Не собирателей и не контакторов, а именно Альфа-Демидургов, сошедших на Землю и вступивших в контакт с такими как я.

— Так вот он какой? — раздался женский голос сзади.

Марк обернулся. От входа шла высокая худощавая девушка лет двадцати пяти светловолосая и весело смотрела на него глазами стального цвета.

Подойдя ближе, шутливо констатировала:

— Какой-то он... похож на землянина. — Затем обратилась к Инженеру: — Послушай, отец, подбирать беглых дело занимательное, но всё же следи за своими гостями. Не ровён час, и этот сбежит. Пришлось нам с Фрогги под конвоем доставить второго симпатяшку обратно.

В дверях показался Алекс. Руки его были связаны, а из-за спины выглядывал смуглый карлик с длинным шестом наперевес и с привязанным на конце шеста ножом, от чего вся конструкция превратилась в двухметровое копьё. Остриё ножа упиралось Алексу в спину, чуть ниже лопатки, при этом карлик то зло щурился, то весело хихикал, вероятно, довольствуясь тем, что высокий белый человек находится сейчас в полной его власти.

— Красавчик даже не сопротивлялся, чем и заслужил свой ужин и мою улыбку, — насмешливо сказала девушка, указывая пистолетом — хромированным АПС с удлинённым стволом и увеличенным до двенадцати патронов магазином — в сторону Алекса.

Тот угрюмо смотрел себе под ноги.

— Знакомься, это Надя, — указывая на девушку, сказал Инженер Марку, — она и есть тот самый гениальный филолог, разгадавший тайну древних египтян.

— Она меня также поймает, если сбегу? — спросил Марк.

— Вызови сюда «инога» и ты свободен. А твой друг может уходить уже сейчас, несмотря на то, что Наде с ним расставаться никак не хочется.

Услышав это, карлик Фрогги удручённо опустил самодельное копьё и буркнул:

— Зря вы, шеф. Видно, он гусь ещё тот.

— Это правда, — подтвердил Марк. — Его нельзя отпускать.

— Разве он не твой товарищ?

— Он товарищ Агаты Грейс.

— Надо же? — удивился Инженер, с интересом разглядывая Алекса.

— Не то, чтобы товарищ, скорее случайный знакомый, — ответил тот.

— Это многое меняет. Он знает? — спросил Инженер у Марка.

— Немного. Но хотел узнать больше.

— Тогда пусть остаётся. Это даже хорошо. Надя, развяжи его, — и Инженер указал на связанные руки пленника.

Девушка одним движением ножа разрешила крепкие верёвки.

— Ты бойкая как для филолога, — сказал Алекс.

— Не просто знать шестнадцать языков, — ухмыльнулась Надя.

Пока они обменивались ехидными любезностями, Инженер обратился к Марку:

— Что ж, мою историю ты слышал, хотелось бы послушать твою.

— Его зовут Ерик Губер, — начал Марк.

Надя фыркнула:

— С таким же успехом он мог назваться Гэри Купером.

— Надя, — осадил её Инженер.

— Я не понимаю, отец, зачем нам очередная история «розетки»? В твоей библиотеке их тысячи, начиная от Жанны Д'Арк и кончая Мессингом. Нам нужен не этот, а «иной», — она обратилась к Марку: — Давай красавчик не будем тянуть «кота за хобот». Ты — «трансферт», а значит, можешь использовать обратную связь. Вызови нам сюда своего контактора и ступай с миром. Будешь считать, что свой вклад в светлое будущее ты уже внёс. А мы с «иным» сами найдём, о чём поговорить.

— Послушайте меня, — твёрдо сказал Марк, — дело в том, что я уже был здесь. Вашего карлика зовут Фрогги и у него искусственная нога. Вы, Вард, сделали ему биопротез и нарастили на культю. Мать Нади училась в Делийском университете, где вы с ней и познакомились. Она погибла в авиакатастрофе. Причину аварии проги так и не объявили, но вы до сих пор уверены, что виной всему был переход с авиационных турбин на громоздкие электротурбины. «Иной» показал мне мои возможности. Это ли не чудо? Он расширил моё сознание, соединив его с подсознанием, но так и не объяснил, как всем этим пользоваться. Каждый из вас пытается получить от меня что-то, и да, я теперь могу многое. Я слышу голоса как Жанна и вижу будущее как Мессинг. Но я понятия не имею, как этим управлять, и я не могу связаться ни с Губером, ни с иным «иным».

Он замолчал и все молчали тоже.

— Уву я понял, у тебя нет обратной связи? — наконец нарушил молчание Инженер.

— У меня был алгоритм, но он сгорел.

— Вот как, — хмуро выговорил Инженер. — Следовательно, «иной» не появится в

Пустоши. При всей их мудрёной методике, за много лет сами они здесь никогда не объявлялись. В противном случае мой «бубен шамана» давно бы обнаружил их.

— Остаётся одно, папа, — дерзко сказала Надя и больно хлестнула себя ладонями по упругим ляжкам, — мы сами пригласим в гости этого Гэри Купера.

Из-под двери на полу, словно над тихой утренней рекой, простилалось сизоватое облачно, и Роза догадалась, в чём было дело. Она помнила, звук хлопка приведённой в действие газовой гранаты. Схватив ближайший стул, она с размаху зашвырнула его в окно. Битое стекло со звоном посыпалось на пол. Стул застрял в раме.

Яков Соломонович онемел от увиденного.

Дым быстро заполнял спальню. Он поднимался пивной пеной и, окутывая Розины ноги, добрался до её колен. Не обращая внимания на боль в простреленной руке, Роза стремительно сдёрнула с кровати простыню, оторвала большой лоскут, смочила его в аквариуме, где вверх животами плавали дохлые золотые рыбки, и обвязала мокрой тканью нос и рот. Затем подняла за плечи свалившегося под кровать бездыханного Липсица и потащила его к окну. Боль вулканом пульсировала в ослабевшей руке, началось кровотечение, но Роза не чувствовала всего этого. Она спиной упёрла медэксперта в подоконник, под села под него и приподняла выше, так чтобы его лицо смотрело в направлении выбитого окна. Веки Якова Соломоновича дрогнули, губы приоткрылись, и он сделал слабый вдох.

Придерживая старика одной рукой за ворот халата, Роза поднялась на ноги и посмотрела вниз на тротуар. Она увидела оранжевую крышу припаркованного у подъезда пикапа и то, как через задние двери двое в противогазах грузят в него бессознательное тело того, в белоснежной рубашке, который полчаса назад угрожал ей пистолетом. В это время двое других вынесли тело Марка, и Роза поняла, что ей не стоит звать этих людей на помощь. Она моментально присела, но так чтобы оставалась возможность дышать уличным воздухом.

Раздался визг шин, и Роза поняла — пикап рванулся с места. Стоило ждать, когда газ в спальне развеется.

Розу тошнило. Немели пальцы ног и рук, перед глазами плыли радужные круги, но она судорожно держалась за потухающее сознание. Ошибиться она не могла, это был бензонбилетанин — газ, парализующий нервную систему. Такой применялся во время войны, а затем в Пустоши, во времена карательных «зачисток». Его последствия были ужасны. Жертвы попросту сходили с ума, и чтобы этого не случилось, Роза помнила — главное сейчас не лишиться сознания.

Вскоре она потеряла чувство времени, и когда дверь с шумом слетела с петель, потянуло сквозняком и в дыму показались полицейские, она решила, что прошла целая вечность. За окном высоко в небе раздался шум лопастей, и луч прожектора, осветив подоконник, ударил по глазам. Выпустив из рук ворот халата хозяина злосчастной квартиры, Роза козырьком приставила ладонь ко лбу и лишь тогда поняла что на улице глубокая ночь.

На обоих надели противогазы, да так и оставили лежать у окна, решив, что если девушка и жива, то вряд ли осталась вменяемой, а мертвецки бледный старик и вовсе не подавал признаков жизни. Лишь когда дым развеялся окончательно, только тогда полицейский в противогазе подошёл к Розе и сделал укол антидота в плечо. Как назло он выбрал плечо больной руки. Мужчина хотел было уйти, решив, что Липсицу инъекция едва ли поможет, но девушка жёстко схватила его за рукав форменной куртки, так что едва не треснул шов, и зло кивнула в сторону медэксперта. Полицейский понял её жест правильно и достал из аптечки

ещё одни шприц.

Со временем дышать стало значительно легче и Роза, сев на корточки и сняв противогаз, отвернулась к стене и вставила два пальца в рот. Её тут же вырвало, принеся долгожданное облегчение. Так прочистив желудок, Роза почувствовала, как благодарное тело расплывается от накатившей на него усталости. Рядом, по-рыбьи хватая ртом воздух, хрипел Липсиц. Его слезящиеся глаза с благодарностью смотрели на неё.

В комнату вошла высокая женщина в длинном чёрном плаще и с инкрустированным стразами чёрным зонтом в руках, и Роза непроизвольно поняла, от вошедшей ждать добра не стоит.

Женщина огляделась и не найдя более подходящего места, присела на краешек кровати, больше сесть было не на что, единственный в спальне стул торчал из разбитого окна. За ней встали двое в штатском и один полицейский с автоматом на груди.

Вошёл медик-полицейский, тот, что делал Розе и Липсицу укол, и что-то тихо шепнул женщине. Та кивнула и, пронзив колючим взглядом лежащих у окна девушку и старика, мягко спросила, будто вслед ушедшему поезду:

— Я опоздала?

Яков Соломонович привстал на колени и повернул бледное лицо на её голос. Вытер слёзы и присмотрелся:

— Вы... — тихо начал он, — я видел в прошлом годе вашу пресс-конференцию по спутнику...

— Не утруждайтесь, Яков Соломонович, — перебила его женщина, — сейчас вы очень слабы, но когда вы окрепнете, а я надеюсь, это случится довольно скоро, у вас появится такая возможность рассказать мне всё, в мельчайших подробностях, что произошло здесь в вашей квартире за последние двое суток. И у вас будет такая же возможность, ефрейтор Норман, — с этими словами женщина перевела взгляд на Розу.

— Ваш цепной пёс, полковник недавно тоже хотел ответов, — сквозь зубы процедила та, — Для этого ему понадобилось даже отравить комиссара Витте и едва не прикончить нас с Марком.

— Я искренне сожалею о случившемся, но уверена, раз он так поступил, вероятно, это имело свои основания.

— Основания? — передразнила её Роза, — А какие основания для этого?

И она выставила вперёд простреленную руку.

— Мы обеспечим вас наилучшим лечением, ефрейтор Норман, — сказала женщина и, помолчав, добавила: — Если конечно вы как полицейский с отличием и законопослушный госслужащий, согласитесь сотрудничать с вашими коллегами из УБ?

Роза демонстративно отвернулась к стене.

— Есть два варианта сотрудничества, — не обращая внимания на явную демонстрацию непокорности, продолжала женщина, — добровольно или принудительно. Выбор за вами, роза, но я бы не советовала упрячиться. Это не в ваших интересах.

— Я готов сотрудничать, — скороговоркой затараторил Яков Соломонович. Было заметно, старик всё ещё не пришёл в себя. Он то и дело задыхался, сбивался с дыхания, хватал ртом воздух, но при всём при этом старался улыбаться и выказывать максимальное участие и покорность. — Да-да... всё, что знаю... я, зная Марка много лет... Мальчишка, что с него возьмёшь? Уж поверьте, он всё сделает, как я ему скажу. Мы договоримся. Я понимаю, служба есть служба, тут уж ничего не попишешь. Но мы-то точно вам сможем

быть полезны. С властью не поспоришь, это уж точно и точнее не бывает. К тому же зачем? Смысл? Зачем спорить с такими людьми как вы, уважаемая? — Затем он повернулся к Розе, — Вы не правы, Роза, совершенно не правы... Власть — это о-го-го... ведь это наша власть, Роза, как так с ней? Вы не правы. Вы, Роза тоже власть... вы, если хотите, представитель власти. Вы обязаны, да-да, обязаны всё рассказать. — он снова развернулся к Агате и при взгляде на её невозмутимую осанку его щёки мелко завибрировали. — Мы расскажем всё, госпожа Председатель, всё, что знаем. Лично я расскажу вам всё. И если вам понадобится наша помощь, не стесняйтесь, используйте нас, в целях нахождения истинны в любое время суток... только не надо... этого... я очень боюсь боли... я старый человек...

Он говорил ещё долго, то срываясь на звонкий фальцет, то задыхаясь и опуская тембр своего голоса до заговорщицки низкого. И даже когда двое убешников застёгивали на его запястьях наручники, и когда выводили и его, и Розу из квартиры, Яков Соломонович, не переставая изворачиваться и через дрожащее плечо глазами побитой собаки умоляюще взирать на Агату, в который раз повторял:

— Мы будем полезны вам, поверьте, пожалуйста, ну, пожалуйста, поверьте...

* * *

Алекс помнил, в Пустоши никогда не бывает снега. Единственный раз, в последнюю его зиму, проведённую в этой сухой и злой пустыне, он видел нечто подобное. В то утро жестокий западный ветер принёс из-за гор много влаги и та, ниспав на стёкла панелей солнечных батарей, сковала их тончайшей ледовой коркой. Алекс долго соскребал тогда этот лёд руками и прислонял к грубым обветренным щекам, представляя, что это настоящий белый снег. Радуюсь словно ребёнок, холодным его укусам, тогда он и не мог представить себе, что спустя какое-то время снова вернётся сюда.

— Слушай Фрогги, — обратилась к карлику Надя, когда она, Фрогги и Алекс спускались по узкому коридору вниз в шахты. — Отведи его в душ, что ли. От него несёт как от дворняги.

Алекс украдкой оглядел свои промокшие брюки, туфли и серую от грязи некогда белоснежную сорочку. Так когда-то серел снег, когда на него падал утренний смог рабочих кластеров Мегаполиса.

Карлик Фрогги легонько подтолкнул Алекса вправо, остановил у массивной двери и крикнул в какой-то прибор на стене:

— Унц!

В приборе заурчало, затем оттуда раздался далёкий мальчишеский голос:

— Да, Фрогг, слушаю тебя.

— Принеси в восьмую бойлерную полотенце, и что-нибудь переодеться на... — карлик смерил блондина взглядом, — помнишь ту форму охранника супермаркета? Тащи её сюда.

Фрогги повернул штурвал дверной задвижки и Алекс отметил, что карлик обладает недюжинной силой. Открылась тяжёлая бункерная дверь с большой трафаретной цифрой в виде знака бесконечности, и из проёма дохнуло сыростью. Это и была бойлерная под номером восемь.

— Заходи, — сказал Фрогги.

Алекс вошёл. Его шаги отразились эхом.

— Мойся, — донёлся снаружи голос карлика.

Фрогги не закрыл дверь, вероятно опасаясь непредвиденных действий этого высокого человека. Но и не смотрел в проём, не следил за Алексом, предпочитая прислушиваться, чем занимается его подопечный, и таким образом контролировать ситуацию.

Алекс стянул рубашку, снял штаны и туфли, а затем и всё остальное, оставшись нагишом. Снял повязку с заживающей раны. Только сейчас он подумал, что за все эти несколько дней скитаний он совершенно соскучился по чистоте.

Он подошёл к огромному трёхметровому бойлеру, из которого торчала двухдюймовая пластиковая труба с вентилем на конце. Труба смотрела на него как выползшая при его появлении из недр бойлера расправившая капюшон кобра в смертельной стойке. Алекс тронул маховик вентиля и из змеиного чрева трубы, как из ядовитых желез рептилии, на пол шумно упали несколько капель воды.

Алекс подставил руку и сильнее повернул маховик. Струя вода оказалась тёплой и мягкой, почти горячей. Приятная дрожь охватило его измученное тело. Он встал под трубу и отвернул вентиль на полную.

Фрогги громко цокнул языком довольный тем, что ему не пришлось давать указания.

Алекс стоял под горячей струёй ногами на железной решётке и думал о том, как всё же он здесь оказался и что ему делать дальше. И ещё он думал об услышанном там, наверху и от седого старика, и от его дочери, и от Марка.

— Да, это оно и есть. Даже ботинки принёс? — послышался у дверей голос карлика.

— Это тот второй? — спросил мальчишка, вероятно тот, кого Фрогги назвал Унцем. — Тот, которого Надя чуть не убила?

— Эге, — безучастно ответил карлик. — Это я чуть было не навернул его на свой вертел.

— Так этот «избранный» или другой? — спрашивал Унц.

— Начитался всякой дряни, — грубо хмыкнул карлик. — Они оба нам оказались без толку. Зря сюда притащили.

— А как же тогда быть? — неугомонный мальчишка сыпал вопросами.

— Сами справимся.

— Но затмение уже скоро...

— Сказано справимся, — грубо одёрнул его Фрогги.

— Так же как было когда-то? Помнишь, нам Надя читала. Про тех, про древних жрецов.

— Как тогда уже не будет. Мы не глупые египтяне, мы... Эй! — вдруг Фрогги крикнул Алексу в бойлерную, словно забыл что-то. — Держи мыло!

— Ага, вижу, какие не глупые, — задорно рассмеялся Унц.

— А ну кыш отсюда, мелочь! — прикрикнул на него карлик.

Алекс подошёл к двери, протянул руку за мылом, и в этот момент за спиной у карлика появилась Надя.

Она смотрела прямо на Алекса. Взгляд её серых больших глаз начал своё движение с разметавшихся по плечам и потемневших от воды волос Алекса, затем опустился ему на грудь, широкую с чётко очерченным рельефом молодых мышц, после бегло поскакал по кубикам пресса и замер на зашитом Липсицом свежем рубце на боку. Дальше взгляд не двинулся.

Алекс увидел, как побледнело лицо девушки, как глаза её невероятно расширились, и он подумал, что он мог бы даже полюбить такие глаза. Он стоял перед ней совершенно

голый, но не она, а он без застенчивости разглядывал её. Длинные девичьи пальцы подрагивали, над верхней губой проступила капелька пота, светлые волосы собраны в тугую косу, а густые тёмные брови чуть приподняты. Ростом она была выше среднего, но всё же на полголовы ниже чем Алекс. Худошавая, но не тощая, с узким тазом и крепкими ногами, которые плотно обтянула блестящая кожа лётных штанов. Ремень с пряжкой в виде кобры, что когда-то носили головорезы Самаля и тактические сапоги с высокой замысловатой шнуровкой. Её небольшая, но упругая грудь вздымалась под лёгкой бежевой футболкой, выдавая нарастающую взволнованность.

«Пожарный шланг», висящий между ног у Алекса напрягся, и ему пришла в голову ещё одна мысль — он мог бы полюбить не только её глаза.

— Что это? — спросила Надя, указывая на багровую рану с желтоватыми островками рассасывающихся гематом.

— Обычное дело, — ответил Алекс, принял из рук Фрогги мыло, и как ни в чём не бывало, направился обратно во мрак бойлерной.

Карлик смущённо хмыкнул.

— Двери надо закрывать! — пригрозила ему девушка, и добавила: — Приведёшь его в медсанчасть. Надо его перевязать.

Вспыхнув на прощанье глазами, она гордо развернулась на невысоких каблучках своих армейских сапог и пошла прочь.

Марк вышел из скоростного вагона и, минуя автомат вызова авто-такси, направился к выходу. Он не стал брать машину не из-за боязни сканирования. В этом случае пришлось бы расплачиваться картой, которой у него не было. К тому же идти пешком предстояло не далеко, и такая прогулка была полезна для мозга. Пора обдумать происходящее.

Зачем он делает то, что делает? Почему доверился этому безумному старику в поношенном, накинутом на голое тело пальто? Может потому что за всё время их бесед, хотя вряд ли можно было назвать беседами монологи Инженера, Марк всё время думал как найти Губера?

Он брёл по пустынным улицам и вспоминал их последний разговор.

— Через пять дней кольцеобразное затмение и времени у нас нет, — говорил Инженер Марку.

— Что это значит? — спрашивал Марк.

— Это значит, что во время такого затмения, когда Луна становится между Солнцем и Землёй, и заслоняет не весь солнечный диск, а лишь его середину, оставляя по краям огненное кольцо, именно тогда «трансмутационный отрезок» открывается в широкий контактный спектр — энергетическое поле, обеспечивающее транспортировку квантовой информации между потенциально биполярными системами. Проще сказать, наступает лучшее время для контакта.

— Мудрёно, — сказал Марк.

«И сказал Господь пред глазами Израиля: солнце, у Гивона стой, и луна — у долины Аялон! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе мстил народ врагам своим. Это ведь написано в Сефер га- яшар. И остановилось солнце среди неба, и не спешило к заходу почти целый день!»

— Понятней не стало, — скривился Марк.

— Это отрывок из «Книги Йеошуа» о солнечном кольцевом затмении [тридцатого октября тысяча двести седьмого года до нашей эры](#). «И не было такого дня ни прежде, ни после него, чтобы слушал Господь голос человека» — так писал Йеошуа, предполагая начало связи людей с богами. Но некоторые мои коллеги учёные мужи, и в их числе я, считаем это время как лучшее для общения с «иными». Кольцеобразное затмение большая редкость, на сто лет оно случается два-три раза, поэтому мы не можем пропустить наше время.

Марк не заметил, как оказался в Зеленой Зоне. Он был здесь всего дважды в жизни, но сразу ощутил разницу элитного района с рабочими кластерами окраины Мегалополис-Сити. Чистые, будто только-только вымытые улицы, приветливые уличные гиды-автоматы, блестящие неоновыми офисные фасады и растянувшаяся во всё небо бегущая галла-реклама, всё говорило о том, что здесь живут сливки общества — потомственные проги.

Боковым зрением Марк следил за оранжевым пикапом, по-черепашьи ползущим следом неподалеку от него. Только сейчас Марк заметил на его боку тёмно-синий или даже чёрный круг — в быстро сгущающихся сумерках определить цвет круга было невозможно — с двумя белыми скрещенными шприцами посередине — эмблему самой известной мегаполис-доставки синтетической еды с броским названием «Бургер по вене». В темени лобового

стекла не было возможности различить ни водителя, ни пассажира сидящего рядом с ним, но Марк точно знал, за рулём Энри — молодой парень беспрестанно улыбающийся, будто обколотый дарком или «под завязку» накачанный «таблетками счастья». Рядом с Энри злобно сопит молчаливый Берк, а в самом чреве фургона, прилипнув к монитору слежения, притаились двое остальных — коренастый увалень Игорь и щупленький китайчонок Мао-Мясник. Все четверо составляли боевую группу «пустынников», выполняющую для Инженера грязную работу в пределах Мегapolis-Сити.

— Они неплохие ребята, — уверял Марка Инженер, знакомя со своей хмурой четвёркой головорезов, — методы, немного грубоватые, но ты всецело можешь им доверять.

— Угу, — недоверчиво соглашался с ним Марк, разглядывая темно-фиолетовые синяки на руках то ли от волосатых пальцев Берка, то ли от стальных лап-клешней тёмноглазого «громилы» Игоря. Сомнений быть не могло, именно эта четверка и выкрала их с блондином из квартиры медэксперта, едва не лишив обоих жизни.

Марк вспомнил о Розе, и горло сдавил горький спазм. Несмотря на удивительно, откуда взявшуюся уверенность, что девушка непременно жива и невредима, воспоминания о ней всё же вызывали у него некое чувство дискомфорта. С одной стороны он корил себя за то, что втянул её в эту историю, с другой был благодарен судьбе, что всё это время Роза была рядом. А ещё благодарил всех земных и небесных богов за ту ночь с ней.

Марк остановился, и оранжевый пикап тоже притормозил. Поправив сбившийся под курткой бронезилет, Марк двинулся дальше и пикап последовал за ним.

Инженер утверждал что «иные» обязательно следят за каждым шагом прогрессоров и знают всё, что происходит в их мире. И коль скоро информация о его опытах в Пустоши попадет в руки убешникам, она непременно станет достоянием сначала собирателей, а затем и непосредственно контакторов.

Чего он добивался? Славы? Признания? Денег? Устал от роли забытого гениального отшельника?

Марк согласился на участие, лишь потому, что Губер и его контактор были нужны ему не менее чем самому Инженеру, однако, тем вечером решение им было принято не сразу.

Впереди показался фасад больницы. Марк огляделся, глубокие сумерки полностью сковали улицу. Пикап исчез из поля зрения. Обойдя здание и оставляя за собой переполненные мусорные баки, ультрафиолетовые фонари над головой и прилипшую к асфальту мокрую прошлогоднюю листву под ногами, Марк направился к хозяйственным воротам медучреждения.

Весь первый этаж ярко светился электрическим светом, остальная часть здания утопала во тьме. Над приемным покоем по черной тыльной стене расползлись тусклые окна и, задрав голову вверх, Марк долго пытался определить, где находится реанимационное отделение интенсивной хирургии. В дальнем крыле, на втором этаже антибактериальным кварцевым цветом мерцало одинокое окно, и Марк направился к пролету этого крыла, к въезду в цокольный этаж, ведущему к стоянке реанимобилей.

— Ты трансферт, — говорил ему Инженер, — значит, доверься интуиции. В любом случае пока они рядом, тебе нечего опасаться.

Марк спустился в гараж и прошёл мимо дежурной будки. Тучный охранник отрешённо провёл его взглядом, словно парень был бестелесным созданием. Проходя тусклыми коридорами, за последним рядом медкаров Марк заметил лестницу, ведущую наверх.

— Мы, минуя военных, — объяснял Инженер, — выйдем, как говорится «глаза в глаза».

Нет ничего надёжней, доставить письмо, как вручить его адресату лично в руки. Настало время заявить о себе.

Марк поднялся по лестнице, подошёл к двери с надписью «Ординаторская» и вошёл внутрь. Он включил свет и снял с вешалки один из медицинских халатов.

— Здесь, в Пустоши всё на виду, — пояснял Инженер, — проверяют с тщательностью выискивания блох гиббонами в шерсти друг у друга. Резонаторы установлены по всему периметру, потому «иные» обходят стороной проклятую пустыню.

— Вы думаете, они на вашей стороне?

— Их трансферты веками ломали устарелые догмы, за что их жгли на кострах и предавали забвению. Они — истинные создатели новых смыслов.

— Контакторы, будь у них желание, давно предложили бы проги «иной» как вы говорите «божественный путь». Но они не делают этого. Ошибочно полагать, что проги примут чуждые им смыслы и не сожгут вас на костре, как Джордано Бруно? Вспомните послевоенные «чистки». Вспомните Христа, превратившего воду в вино. «Иные» не помогли даже ему.

— Теперь у меня не голые идеи, а реальный результат. Я готов явить им чудо.

— Прав Губер: «Они пойдут за тем, кто покажет им чудо». Но Христос не стремился к признанию. Он создавал смыслы, не требуя ничего взамен. Не будет ли резонно именно здесь, в Пустоши, зачать новую эру человечества? Возможно, для этого оно и дано вам, это божье откровение? Забудьте о проги и об «иных», заселите пустыню светлячками и дайте начало новому пути. У вас есть уникальная возможность создать свою реальность и наделить её чистыми смыслами, не надеясь на признание «среднячков» застрявших во вчерашнем дне. Станьте безвестным мессией без почестей и наград.

— Опять вспоминаете Губера?

— Понимаю. Он, как и я обычный «опер», убеждённый, что общество наше больное, а «иные» бросили нас потому, что мы — обезьяны с горящей палкой. Но не станется ли так, что и проги и «иные» окажутся против вас? Такое уже было. Иудейские первосвященники — по факту древние проги — осудили Христа, а всесильный римский прокуратор Пилат — для иудеев он практически «иной» — не воспрепятствовал такому их решению. Если похожее случится, вы взойдёте на свою Голгофу или поступите, как поётся в старой песенке: «...и вдруг нам становится страшно что-то менять»?

На последний вопрос Инженер не ответил. Разговор этот случился перед ужином, и окончательное решение Марк принял сразу после.

Ужин проходил в просторном зале, бывшем когда-то операторской электросиловых установок. Длинный самодельный деревянный стол; вместо стульев, ящики из-под переносных аккумуляторов; на стене, прямо над столом надпись: «Прогресс-консул Левин живее всех живых». В слове «живее» буква «в» перечёркнута чёрным углём и над ней начертанные неровным почерком красовались две буквы «рн», что полностью преобразало известный прогрессорский лозунг, наделяя него духом столовой. За столом Марк, Инженер со своей «боевой четвёркой» и карлик Фрогги. Надя с блондином отсутствовали. Ирма оказалась дородной пышногрудой брюнеткой средних лет с живым миловидным лицом и проворными движениями хозяйки. Раздав каждому блестящие чистотой столовые приборы, она выставила на центр стола огромный казан с ароматным варевом.

— В медпункте перевязывает этого... — ответил Фрогги на вопрос Инженера, где Надя.

— Это вы его так? — буркнул Мао-Мясник.

— Если бы, вряд ли было что зашивать, — ответил карлик.

— Померкни свет в моих глазах! — выкрикнул Энри. — Фрогги — воин Апокалипсиса!

Он растянулся в такой дебильно-саркастической усмешке, словно в его тарелке с грибным супом растворили, по меньшей мере, добрый килограмм «таблеток счастья».

Все кроме Инженера загоготали, но каждый по-своему: тучный Игорь громко и раскатисто, Мао-Мясник издевательски ехидно, а Берк сквозь сжатые зубы, выплёвывая пулёмётными очередями короткие порции смеха.

— Сам ты Абокралибсис, — обиженно прошипел Фрогги.

Услышав исковерканное карликом слово, компания прыснула таким адским хохотом, что Марк чуть не поперхнулся куском варёного гриба. Сидящий рядом Игорь стукнул в запале кулаком по столу и его тарелка, подпрыгнув, едва не перевернулась. Несколько капель угодили Марку на рукав. Берк закатил глаза и сдавил скулы, сиюсь сдержав еду во рту, не давая ей оказаться в его горле, ни тем более вырваться наружу. А Мао-Мясник и вовсе сполз под стол всем своим тщедушным тельцем. Глядя на всё это, Ирма неодобрительно кривилась.

— Чего скалитесь, придурки? — лицо карлика сделалось пурпурным. — Дождёмся Схождения, я вам покажу.

— Ты дождёшься, — фыркнул и действительно бесновато скалящийся во все зубы Энри.

— В отличие от вас, дуrolомов, я знаю, что станется!

— Из Нета знаешь? — сквозь хохот спросил кто-то.

— Из него самого! — метал искры Фрогги.

— Ещё про деда своего расскажи! Как его звали? Айптичник вроде?

— Не голосите, кони. Если вы есть бестолковые засранцы и не верите мне, тогда спросите Надю или вон шефа, — и, не обращая внимания на заходящуюся от ржания компанию, Фрогги обернулся к Инженеру: — Скажите им, шеф, ведь была до войны такая Нета, по которой можно было узнать всё на свете? Так?

— Ага, — смеясь, перебил его Мао-Мясник, — и с кнопками, чтобы не Центровещание тебе новости вещало, а ты сам их переключал. Хочешь то, хочешь это...

— Именно так и было, бестолковая твоя башка! — рычал Фрогги.

Но каждый из присутствующих норовил подколоть карлика:

— Давай, Фрог, заливай дальше... про гранженты и электрокниги не забудь...

— У шефа все довоенные книжки сплошь бумажные, а твои, стало быть, электрические?

А ну поясни, как к твоей бумаге подвести провода, а Фрог?

— Дурни вы! — огрызался распалившийся Фрогги.

Но его товарищи не отступали. Как стая волков, напавшая на заблудившуюся корову, они грызли его своими насмешками.

— Ага, и, что конектофон когда-то был у любого десятилетнего сопляка тоже не забудь... — Энри неистово вертел безумными глазами как мельничными лопастями.

— Эге, фантазёр!

— Своими глупыми сказками ты нам всю печень выел, — буркнул Берк, когда смех стал стихать. Даже смеяться этот молчун умудрялся как-то хмуро и по зловещему, — где сейчас твоя Нета?

— Говорил же, когда вы ещё под стол ползали, проги извели её под корень и всё подчистили! — Фрогги чуть не плакал. Он с мольбой взирал на Инженера, ища поддержки.

Тот отложил ложку и произнёс без тени смущения:

— Фрогги прав. Указ 21-го года запретил Интернет, — и добавил туманно: — Власти подобно египетским жрецам боятся чудесников «поцелованных богом».

Сидящие за столом притихли. Никто, кроме Марка не понял значения сказанного и все молча принялись за еду.

То, что перед ним нужная палата Марк понял по дремлющему у двери полицейскому. Подойдя ближе, пристально заглянул в глаза. Караульный потянулся было к кобуре, но его веки налились, глаза закатились, и он, как уставший боец, едва коснувшийся ухом подушки, протяжно и умиротворённо захрапел.

Марк открыл дверь и вошёл внутрь. На больничной койке, обставленной многочисленными приборами, лежал человек и смотрел на Марка, будто ожидал его появления.

— Здравствуйте, господин полковник, — приветствовал тот, присаживаясь на краешек кровати.

Перед ним был Феликс Аристовский и он был ни сколько не похож на того крепкого полковника, что неделю назад сидел у больничной койки Марка.

— Теперь вы на больничной койке, а я ваш посетитель, — сказал Марк, кладя ладонь на шершавый кулак. — Новые ноги я вам не обещаю, но жить вы будете. Помните, стоит им положить руку больному на лоб, как у того восстанавливались все функции организма и недуг отступал. Мне для этого не потребуется ваш лоб, достаточно руки.

Полковник молчал. Видимо считал Марка видением, а может, ему просто нечего было сказать. Наконец он тихо почти одними губами выговорил:

— Чёртовы кошмары...

Марк кивнул. Подождал, пока зрачки слезящихся глаз лежащего расширятся, а взгляд приобретёт осмысленность, и, дождавшись, произнёс, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Сейчас я вам оставлю координаты места в Пустоши, где скрывается небольшой отряд «пустынников». Не советую передавать их армейским, постарайтесь сообщить непосредственно Агате Грейс. Передайте так: учёный Вард Генрихович Голубинский, непризнанный Комитетом Энергозависимости, готов явить чудо. — Инженер просил сказать именно так, слово в слово. От себя Марк добавил: — Уверен, Губер тоже будет там.

Полковник моргнул. Было заметно, он понял каждое услышанное слово.

Перед тем как уйти, Марк вошёл в ординаторскую, повесил халат, открыл медицинский холодильник и взял нужные лекарства.

Он шёл по коридору к выходу, и назойливая мысль не давала покоя: а вдруг всё обернётся не так и он больше никогда не увидит Розу? На минуту он задержался у выхода, усомнившись, стоит ли возвращаться к оранжевому пикапу. Сверни незаметно в сторону Жёлтой Зоны, а там недалеко и до Чёрной Башни, где в одной из бесконечных сот прогрессорского улья его ждёт Роза.

Он колебался минуту, затем открыл дверь служебного входа и быстро зашагал к припаркованному у пищеблока оранжевому пикапу.

Федералос походили на громадных ошестинившихся муравьёв. Глухие продолговатые шлемы, чёрные кевларовые комбинезоны, налокотники, наколенники, наплечники, очки со встроенным тепловизором, под ними противогазная маска скрывающая нос и рот, на боку лёгкие, но при этом смертоносные автоматы «голиаф», со звуко- и свето-наведением, а у некоторых и с подствольным ракетомётом. От них пахло силой и смертью.

Но главное их достоинство было скрыто от глаз. Искусственная нейронная сеть, вживленная в нервную систему, делала каждого из них непревзойдённым бойцом способным в одиночку заменить целую армию.

В Камарилью Федералос — элитное подразделение УБ СОТ — тридцать лет призывали исключительно латиноамериканцев. Как показал опыт прошедшей войны, лучше храбрых мучачос бойцов для тайных заданий не сыскать.

Капитан Корнелиус Ортега, коренастый бородач совершенно без шеи и с плечами не менее чем в два раза шире его собственной талии, отдал салют и выговорил с хрипотцой заядлого курильщика:

— Полкилометра южнее два бронетранспортёра, к северу ещё два по двенадцать бойцов в каждом. Две беспилотных «вертушки» с автоматическими станковыми пулемётами на борту и здесь с нами ещё двенадцать самых лучших, мои ребята, отборные.

Судя по всему, долго разговаривать капитан не привык.

Агата выслушала короткий доклад, раскрыла перед носом бородача ладонь, на которой красовалась серебристая флешка и сказала:

— Здесь фото человека, который нужен мне только живым и никаким больше. отошлите каждому бойцу в его «образный поисковик». Пусть загрузят оба фото сразу, до пластооперации и после неё. Парень меняется на глазах, так что сличайте каждую деталь. Я не представляю, чего ждать от этих людей, но помните, ни одной капли крови именно этого парня не должно упасть сегодня на землю.

Капитан молча ретировался.

Агата выглянула в иллюминатор. За бронированным стеклом, в полукилометре к северу чернел нестройный ряд построек. Самое высокое здание инверторной станции полуразрушено, под ней крабовыми панцирями рассыпались защитные панели. Дальше виднелась аккумуляторная, перегонная подстанция, несколько трансформаторных с сорванными напрочь крышами. СЭС не использовалась десятки лет.

Сложность заключалась в том, что всё пространство вокруг было усеяно коврами автономных солнечных батарей и эти батареи были рабочими. Все они запитывались на новую станцию Ф-образца, сооружённую в пяти километрах южнее, и это обстоятельство изрядно портило планы Агаты. Повреди федералос хоть одну батарею, тайная операция тут же станет достоянием Совета.

— Начинайте, капитан, — приказала она в трубку внутренней связи.

В небе взвыл двигатель вертолёта. Агата видела, как луч прожектора впился в здание инверторной, и замигали красные огоньки на шлемах опознавательные знаки федералос.

Параллельно раздавался резкий металлический голос динамика с явным латинским акцентом:

— Несистемные и отфильтрованные! Мы не хотим крови! Выходите с поднятыми

руками по одному, в противном случае нами будет применён нервнопаралитический газ!

* * *

— Жжёный продал нас! — словно пытаюсь перекрыть динамик, во всё горло орал Мао-Мясник на другом конце заброшенной СЭС.

— Брось Мао, — успокаивал его Инженер, — парень не мог этого сделать.

— Мог! — не унимался Мао-Мясник, — Когда ты послал его в ту клинику за антибиотиками для Энри, он, ей богу, предупредил убешников через тамошних медсестёр.

— Подумай хорошенько, — отмахивался Инженер, — какой смысл сдавать ему наше местонахождение? Он мог сбежать от вас ещё там, в Мегалополисе.

— Это не военные! — истерил Мао. — Это федералос! Валим, шеф!

— погоди, — Инженер всматривался в ночь. — Ждём...

Мао-Мясника раздражало его спокойствие. Вопреки своей врождённой щепетильности, сейчас шеф неохотно бросал в ответ ничего не значащие фразы, словно сплёвывал на землю бесполезную семечковую шелуху. По его виду можно было предположить, что он больше интересуется ночным небом, подмигивающим зарождающимися звёздами в смотровом окне операторской, нежели штурм элитного отряда Камарильи.

— Надя где? — раздражённо выкрикнул он.

Мао и Игорь переглянулись: шеф явно не походил на себя.

— Энри и Берк ждать не станут! — выкрикнул Мао. — Оба больные на голову!

— Фрогги, найди их! И пусть не вздумают! — распорядился Инженер.

Фрогги бросился к двери.

— Ты запер Жжёного? — убегая, бросил он стоящему у стены Игорю. Тот утвердительно кивнул.

Северянина мало интересовали эти разговоры, больше беспокоило, не даст ли осечку его недавно починенный АК-47 как случилось на прошлой неделе. Его звёздно-полосатые шаровары совершенно не подходили к армейской пиксельной куртке, но этого славянского великана трудно было чем-либо смутить.

В это время на другом крыле, под панцирем двухтонной аккумуляторной батареи Надя заряжала патронную ленту ручного пулемёта «Балиста-9», а Алекс с серьёзным видом наблюдал за её действиями.

— Такими пальчиками не патроны в гнёзда вкладывать, — наконец хмуро сказал он. Взяв армейский монокуляр со встроенным самонаведением, он поднялся к узкой бойнице, выдолбленной в фундаменте батареи, и принялся рассматривать пустыню. В тусклом свете звёздного неба различались контуры солнечных батарей, а под ними чернел силуэт электрокара, и шагах в десяти бегущая человеческая фигура, в которой Алекс распознал Агату Грейс.

— Готово? — он обернулся к Наде.

Лента была упакована в магазин. Присоединив к пулемёту монокуляр, Алекс выставил его перед бойницей и, обернувшись к девушке, спросил:

— Так сойдёт? — а, получив одобрительный кивок, продолжил: — У него отдача не для твоего плечика.

— Надеюсь, он не понадобится.

— Как твой отец? Не пойдёшь к нему?

Надя удивлённо посмотрела в ответ.

— Не бойся, не сбегу, — улыбнулся Алекс. — Можешь запереть меня здесь как смертника в доте.

— А заодно проверить, на чьей ты стороне? — пикантно хмыкнула девушка.

— Разницы нет, либо ты меня, либо они.

— Что значит «ты меня»? — многозначительно переспросила Надя. И уже серьёзней добавила: — Я тебе не враг, а вот кто тебе они, и как они на нас вышли, скоро узнаем. Хотя здесь не бывало и месяца без облавы.

Она немного поколебалась:

— Я действительно переживаю за папу. Скоро вернусь, а ты сиди тихо как мышь. Я закрою тебя, чтобы сохранить... — она замешкалась и продолжила смущённо: — ... сохранить для себя. — И затем уже в дверях игриво улыбнулась светло-серыми глазами: — И не трогай мой пулемёт.

— Обещаю быть паинькой, — ответил Алекс, зная, что нарушит обещание.

Надя ушла, заперев дверь на замок, а он, поглаживая указательным пальцем спусковой крючок, ещё раз посмотрел в темноту, но уже через монокуляр ручного пулемёта. Пора было ставить точку.

Теперь он изгой, и ни урбанистический монстр Мегapolis-Сити, ни Пустошь не примут его. Все они — последствия прошлой войны. Не такой кровавой, чтобы возвеличить ценность человеческой жизни; безыдейной, не разрушившей догм и не создавшей смыслов; и ни для кого не ставшей победной, потому не родившей миру великие имена. Нет ничего глупее войны с настоящим «за светлое будущее», потому Прогресс и Антипрогресс, сменившие эпоху Гуманизма — идейки так себе. Пустые и никчёмные и не «путь к сверхчеловеку».

Собственная смерть — не в счёт; сумасшедший фанатик и горстка революционеров-недоумков — к чертям; Марк... он сам выбрал свой путь. Оставалась Надя, девушка с живыми глазами цвета раннего утра...

Он вспомнил её игривое: «И не трогай мой пулемёт», и на мгновение подумал: «А ведь девчонке нравится жизнь». Но смятение его длилось не долго. В руках заряженный пулемёт, а в прицеле давний враг, и вряд ли представится иной такой случай. Пришло время покончить с навязчивыми воспоминаниями детства.

Плохо, что в Пустоши не бывает снега. Выглядело бы символично — смерть убийцы его отца на фоне белого и холодного, как и тогда, на заднем дворе родительского дома.

Алекс прижал приклад к плечу, впервые в жизни перекрестился, навёл прицел туда, где скрылась Агата, и принялся ждать.

* * *

Раздался треск. Пулемёт «поливает» движущиеся огоньки федералос. Крошечные сполохи вспыхивали редкими очередями на третьем этаже здания. Геликоптер коршуном упал вниз на несколько метров, развернулся боком и выплюнул трассирующую очередь, вырвав полстены и в дребезги разворотив окно, откуда предположительно бил пулемёт. Весь третий этаж вспыхнул огнём. Вряд ли пулемётчик выжил.

— Сопротивление бесполезно! — бесстрастно вещал динамик, подкрепляя железной логикой первую смерть.

Агата наблюдала, как стремительно двигаются красные точки, как часть их засела под стенами с северной стороны инверторной. Федералос начали штурм.

Вдруг два выстрела один за другим прошли сгустившиеся сумерки, и прожектор геликоптера погас. Монотонный хруст двигателя прервался, движение винтов замедлилось, и одна из лопастей переломилась пополам. Геликоптер завертелся вокруг своей оси и стал пёрышком опускаться на землю. Он упал за лесом, и вой взвившейся в небо сирены заглушил звуки его падения.

Этого Агата Грейс никак не ожидала.

Почему «пустынники» начали стрельбу? Единственное объяснение, что их не ждали, и что Марк — заложник этих отщепенцев-«пустынников». Как и почему он оказался в больнице и был ли это он, оставалось загадкой. О Голубинском она знала совсем мало. Лишь то, что занимался био-инженерией, пока не сошёл с ума. Вспомнились слова Феликса: «Не говорите военным». Но федералос не военные и силовой захват не был её целью. Всё пошло наперекосяк.

Стоило брать инициативу в свои руки и Агата, не обращая внимания на усиливающийся бой, бросилась к бронированной машине управления с динамиком громкоговорителя на крыше.

В душном фургоне паренёк с микрофоном, в который раз выдавал в пустоту:

— Сопротивление бесполезно! Сдавайтесь! Сопротивление бес...

Агата вырвала микрофон и, подавив напряжение, произнесла:

— Марк! Я знаю, ты меня слышишь!

За решёткой, разделяющей фургон на две части раздался голос:

— Давайте сюда...

Агата вспомнила, наконец, зачем взяла с собой и эту девушку и её пожилого спутника.

— Инспектор Кариди! У меня заложники! Роза Норман и господин Яков Липсиц! Не осложняйте ситуацию!

— Дайте же сюда микрофон! — жёстко и властно прозвучал голос Липсица.

Удивляясь сама себе, Агата послушно протянула ему микрофон. Он взял его, расправил спину так, словно сбросил многолетний тяжкий груз, и молодым, хорошо поставленным высоким басом, произнёс в рифлёную ветрозащиту:

— Здравствуй, Инженер!

* * *

— Покойся с миром, Берк, — сказал Энри, глядя на то, как профессиональный огонь крылатого убийцы сносит третий этаж подчистую.

Он глотнул «таблетку счастья», дождался пока свет прожектора уйдёт вправо и неспешно навёл оптику зенитно-ракетного автомата на чернеющий в тёмном небе силуэт геликоптера. Сделав подряд два выстрела, он тут же бросился к люку даже не посмотрев, попал ли. Энри знал, что попадёт.

Внизу под толщей бетона, в мешке коридорных стен нарастающие наверху выстрелы превращались в хлопки мыльных пузырей и ветвящиеся диким плющом заброшенные

транспортные артерии для федералос, попали они сюда, превратились бы в головокружительный провальный квест. В отличие от них Энри знал здесь каждый провод на потолке, каждую усеянную грибными спорами шахтную нишу, каждую ржавую арматуру, торчащую из сырой стены. Но если федералос решили найти здесь свою смерть, а по-видимому они задумали именно это, единственный способ попасть в бункер у них был через инверторную и Энри побежал туда.

В конце пути, в пяти шагах от лестницы ведущей вверх, он наткнулся на Фрогги. Тот притаился за колонной, высматривая что-то в тени проёма. Он был без стрелкового оружия, лишь со своим «копьем» да ещё огромная дубина, приставленная к стене. Карлик воровато посмотрел на Энри и приставил указательный палец к губам.

Наверху слышалось тихое движение. Федералос были осторожны как крысы, но это не спасло. Оглушительный взрыв на миг осветил проём, утопил в себе крики и полностью обвалил лестничный пролёт. Не скрывая бесноватой радости, Фрогги расплылся во все свои гнилые зубы. Его растяжка сработала — лестница была уничтожена, похоронив под собой минимум четырёх, потушив на их шлемах красные огоньки жизни.

— Берк мёртв, — коротко сказал Энри.

Улыбка медленно сползла с лица Фрогги.

Дым развеялся довольно быстро и наверху в крошечной темноте образовавшейся дыры прерывисто замигали новые красные огоньки. Энри проверил магазин своего «Бенелли 32-го года». Не успел он поднять глаза, как два штурмовых троса молниями прорезали воздух. Тут же зашелестели блоки и чёрные силуэты гиганских насекомых полетели вниз. Едва косаясь ногами земли, федералос, кто кувырком, кто в прыжке, мгновенно терялись в тенях стен и проёмов. Энри поднял автомат, прицелился на шелест и дал несколько коротких очередей. Звуков упавших тел не последовало, нападавшие были отличными тактиками.

Дело приобретало скверный оборот, и Энри жестом показал Фрогги спрятаться за металлический силовой шкаф. Тот подхватил дубину в одну руку, «копье» в другую и присел за приоткрытой дверцей.

Энри не услышал ничего, но, наверное, что-то услышал Фрогги потому как, обхватив двумя руками рукоять дубины, он с размаху полоснул ею в темноте. Треск расколотого шлема, сочный звук как от удара кухонного молотка по сырой отбивной и крик, неясный, но бесспорно предсмертный. Вместе с грохотом упавшего тела раздалось грохотание автоматной очереди. Фрогги повалился на спину. Выстрелы продолжались лишь мгновение, но они умудрились вырвать из тела карлика изрядное количество ало-розового мяса.

Энри орал и судорожно обстреливал темноту, откуда, только что «прилетели» смертоносные мухи, пока не выронил автомат и не упал замертво с простреленным навывлет горлом.

* * *

Надя не добралась до операторской совсем немного. Находясь на нижнем ярусе и пересекая коридор южнее главного подъёмника, она едва не упала, споткнувшись об изувеченный труп Фрогги. Две сильные руки тут же схватили её за волосы сзади, дёрнули и повалили на спину. Кулак в кевларовой перчатке, проделав круговое движение, намотал на запястье добрую часть девичьих волос и федералос как трудолюбивый муравей потащил

Надю за собой.

— Это баба, — послышался его приглушённый шлемом голос.

Изловчившись, девушка выхватила из-за голенища ботинка тонкий кортик и хлестнула им по сухожилию «муравья». Идеально заточенное лезвие прорезало кирзу, но сухожилие не повредило, едва распоров кожу.

— Hostia! — отчаянно выкрикнул федералос, — Ах ты шелудивая соё! —

Он ногой ударил пленницу в живот, и та отлетела к стене. Прихрамывая, федералос сделал два шага и, нависнув над девушкой, с размаху ударил её прикладом по голове. Кровавые брызги окропили сырую стену, и Надя потеряла сознание.

Вдалеке прогремел взрыв и застрекотал пулемёт. Но эти звуки утонули в раскатистом громе чего-то нереально мощного и страшного.

— Наконец! Дождася! — выкрикнул Инженер, устремляясь к окну операторской.

Небо вмиг потемнело, словно затянутое огромной тучей и звёзды погасли как выключенные общим рубильником. В запале Мао-Мясник хотел было что-то добавить, но утратил дар речи. Над Пустошью нависло бесформенное инородное тело и застыло, словно в невесомости. Исходящий от него грохот прекратился и сквозь канонаду, трескотню вертолёта и прерывистые точечные выстрелы «голиафов» просочился металлический голос репродуктора машины управления:

— Здравствуй, Инженер!

— Нам нужны не вы, — обратился Яков Соломонович к Агате, указывая на висящего в небе космического левиафана, похожего на налитую тысячами тонн воды бескрайнюю грозовую тучу. В отличие от природной, туча эта была налита тысячами тонн металла, сверкала радужными огнями, ощеривалась многоцветными лучами и источала какую-то неземную, тайную и страшную силу, готовую в мгновение лишь жизни всё живое, попавшее в поле её зрения.

— Нам нужен лишь один человек, — уверенно продолжал медэксперт, — остальные останутся живы, если не надумают делать глупостей.

— Люди на крыше! — раздался в наушнике голос капитана Ортеги, и Агата подумала, что большего сумбурного и сюрреалистического разворота событий нельзя было себе представить.

В иллюминаторе было различимо, как на полуразрушенной крыше операторской в ярком свете, излучаемым небесным монстром, стоял человек.

Чудесным образом переменившийся Яков Соломонович Липсиц отдал команду:

— Прикажите не стрелять!

Агата подчинилась.

— Удивлены? — спросил он, разглядывая тускнеющие старческие пигментные пятна на тыльной стороне своих ладоней, будто те пропадали под его взглядом. Добившись своего, добавил с чувством удовлетворения: — Вы искали не Марка Кариди, вы искали меня, я же искал не вас, а того кто на крыше, а он в свою очередь, решив устроить аукцион собственной гениальности, искал всех нас, способных запечатлеть его в истории. Воистину, бег по кругу. Для вас, для меня и для него Марк был в этой гонке всего лишь приманкой.

И действительно, человек на крыше не был Марком Кариди. Это был высокий седой старик в длинном издавшем виды плаще.

Тот, кто некогда был Липсицом, продолжал:

— Для вас я навсегда останусь Контакторм или «иным», как привыкли называть нас ребята из «Зет», и войти в любое человеческое тело для меня пара пустяков. Сейчас я в личине старого еврея, уставшего от земной суеты и давно желавшего покинуть этот мир, — Липсиц неприятно рассмеялся, — и его дряхлая телесная оболочка поможет мне выполнить свою миссию. Моё настоящее имя Ур'Ждебин. Я жрец Ниду или, по-вашему, «космический хедхантер» и также как когда-то ваши предки селектировали в инкубаторах мясные сорта куриц, так и мы культивируем во Вселенной интересующие нас породы высокопотенциальных особей. Для этого изучаем биоматериал и даже идём на контакт с подходящими экземплярами. Но случается, что некоторые из них, возмнившие себя гениями «поцелованными Небесами», а потому крайне взбалмошные и психически неуравновешенные, исчезают из поля нашего зрения, присвоив ко всему прочему якобы «божиим провидением» то, что у вас принято называть чудом. В таких случаях и для восстановления статус-кво нам приходится прибегать к нестандартным действиям.

Следующую фразу обновлённый Липсиц произнёс в микрофон, но фраза эта прозвучала так, словно голос старика удивительным образом исходил от самого небесного монстра:

— Обращаюсь к тебе, Непризнанный! — услышав это, человек на крыше пал на колени. — Они отвергли тебя, поскольку невежественны и облачают истину в веру, а веру в

золото! Не бойся, Вселенная позаботится о тебе!

Человек простёр руки вверх, откуда ниспадал искрящийся свет и принялся страстно молиться.

Липсиц передал микрофон Агате:

— А теперь уговорите своих головорезов.

— Я хочу с вами договориться, — сказала та.

— О чём?

— Теперь я знаю...

— И хотите использовать это в собственных интересах? Подлинно человеческое желание.

— Я умею договариваться, оценить сотрудничество. Для этого вы среди нас?

— Вы не задавались вопросом, откуда такое название — «розетки»? Объясню. Потребительский электроприбор подсоединяется разъёмом к розетке, чтобы запитаться энергией. Заметьте, не отдать, а именно получить. Как ни прискорбно, вы не «розетка», потому как желаете лишь получать...

— Что я могу дать взамен?

— Ничего. У вас нет ничего, что имело бы ценность. Увы. Не скрою, особа вы занятая, но не наша цель.

— Вы знаете кто я?

— Знаю.

— И...?

— Даже великие фараоны, мечтавшие о равенстве с богами, были всего лишь людьми. Люди — ненадёжные союзники. Большинство из них самолюбивы и завистливы. Посмотрите на крышу. Вы видите человека, имевшего возможность изменить мир, но его тщеславие оказалось сильнее. Даже то, что он получил — наше «божье провидение» — он пытался превратить в инструмент собственных амбиций. И вы такая же. Хотите заполучить возможность выгоднее себя продать? Забудьте о сегодняшнем дне. Как говорил ваш кумир Марк Аврелий: «Настоящее — лишь мгновение вечности». В этот раз мы заберём нашего непризнанного гения и мирно поднимемся на корабль, но может когда-нибудь, обязательно встретимся с вами и поговорим на темы власти и вечности.

— Нет! Сейчас, а не «когда-нибудь»! — дерзко бросила Агата. — Я много сделала такого, о чём сожалею. Каждую ночь мне снятся мёртвые. И Марк Аврелий сказал вот ещё что: «Измени отношение к вещам, которые тебя беспокоят, и ты будешь от них в безопасности». За этим вы мне и нужны. Вы поможете мне сбежать от прошлого! Или я с вами, или... — Она придвинула трубку внутренней связи ближе к губам: — Ортега, вы видите старика на крыше? Держите его на прицеле!

Липсиц повинувшись неведомой силе, снова превратился в немощного запуганного старика, каким был до этого и хмуро произнёс:

— Так и быть, мадам Грейс, в этой игре вы сорвали джек-пот. Но я бы вам советовал не оставлять за спиной нерешённых проблем. Грехи всегда догоняют. А сейчас дайте отбой и следуйте за мной.

Дрожащим голосом Агата отдала в трубку внутренней связи приказ о завершении операции, добавив при этом: — Благодарю, капитан! Цель достигнута!

Когда она, а за нею Липсиц вышли в ночь, последний бросил преисполненный выполненным долгом взгляд на зависшую в небе громадину и та приветливо качнулась в

ответ. Помахав человеку на крыше, он произнёс обыденно, будто обращаясь к старой приятельнице:

— Вполне возможно вы, Агата, единственная, на чьей стороне здравый смысл.

Он намеревался было сказать ещё что-то, а может просто хотел сострить, в любом случае все последующие звуки утонули в смертельном грохоте. Стоя на нижней откидной ступеньке за спиной у Агаты, Липсиц видел, как разрывные пули калибра 9х64 вырвали из её бедра крупный кусок мяса, окатив его лицо изрядной порцией крови. Следующая пулемётная очередь, выпущенная «Балистой-9» оторвала ему руку, третья разрубила голову надвое, а спустя секунду, перед тем как всё охватило пламя, перерезанные пополам как ножом масло тела Липсица и Агаты замертво повалились на землю. Огни выстрелов загорались и гасли в щели фундамента старой аккумуляторной, и это означало, что именно оттуда шёл прицельный пулемётный огонь.

Монстр качнулся в небе во второй раз, на мгновение замер, и казалось вместе с ним замерло всё вокруг в предвкушении страшного и необратимого. Под стальным его брюхом распустился ярко-красный цветок и смертоносный ураган из огня и стали обрушился на импровизированный дот, мигом превратив остатки старой электробатареи в выжженную землю. Затем последовали глухие одиночные удары. Это в брюхе космической громадины вспыхивали жёлтые облака и тут же на земле, на месте бывшей аккумуляторной, откуда и была выпущена та треклятая очередь, образовалась глубокая воронка, и солнечные батареи расположенные вокруг неё, как срубленные умелым лесорубом молодые ели, падали в чёрное чрево бездны.

Тревожная автоматическая сирена высшей категории опасности протяжно взывала раненой волчицей, тем самым оповещая о нападении на собственность СОТ, и капитан Ортега отдал приказ атаковать небесного неприятеля. Теперь его федералос должны были продержаться против необъяснимо откуда взявшегося враждебного летательного объекта всего семь, от силы десять минут, пока полк боевых вертолетов не прилетит на вызов.

Красные огоньки на шлемах рассыпались по всему периметру и в дело пошли подствольные ракетомёты. Здесь и там вспыхивали короткие залпы, и подбрюшьё небесного монстра с шипением раздиралось ракетными взрывами, что поначалу казалось, давало чувствительный эффект. Но сверкающий сталью механический зверь и не думал отступать, и следующие ракеты взрывались, не достигая цели, словно ударяясь о невидимый щит.

Когда ракетный боезапас землян иссяк, монстр завертелся вокруг своей оси, и пространство под ним оросилось стальным дождём. Каркасы батарей сравнивались с землёй, стены операторской рушились, точно были сделаны из мокрого песка и огненный смерч охватил всю Пустошь. Красные огоньки федералос гасли с неизменным постоянством как звёзды в утреннем небе. Вдалеке взорвался бронетранспортёр, затем южнее ещё один. Капитан Ортега охрип, отдавая команды держать оборону ответным огнём.

Вскоре обоюдная, но далеко неравноценная по урону стрельба прекратилась как с воздуха, так и с земли. Разорванные тела федералос чернели в кровавых лужах под изуродованными остовами батарей, а под рухнувшей крышей операторской в одном углу лежал обожжённый с развороченной грудной клеткой огромный человек в звёздно-полосатых штанах, а напротив маленькое тщедушное тельце второго совершенно без головы. Оторванная голова валялась отдельно от тела, недалеко от груды камней и раскуроченного железа и взирала на небесного монстра налитыми ужасом раскосыми глазами.

Шелест лопастей оповестил о приближении ударной группы, и монстр, проделав в небе

крутую дугу, развернулся на звук. Беспилотные вертолеты клином шли в атаку. Монстр прорезал ночную темноту множеством красных нитей, словно умелая вышивальщица вывела багровой строчкой замысловатые узоры на чёрном полотне. Вертолеты, попадая в водоворот из этих нитей, тут же падали на землю, не успев даже выпустить предупредительный заряд.

Когда небо очистилось от боевых машин, в дверном проёме горящего кунга показался человеческий силуэт. Но теперь космический монстр, похоже, утратил всякий интерес к происходящему на земле. Белые круги его турбин как раскалённые печные кольца налились ярко-оранжевым цветом, и вся машина устремилась высоко в небо. Казалось сейчас она исчезнет в ночи, но совершив несложный манёвр, разъярённая взвешная громадина направилась в сторону, откуда прилетели боевые вертолеты.

Круша всё на своём пути и зловеще мигая прожекторами, корабль-«пришелец» несёт смерть тем, кого считал недостойным даже поднять в его сторону голову, и над горизонтом, озаряя пик Чёрной Башни и весь правительственный квартал Мегполис-Сити, вздымалась кровавая заря нового дня.

Марк ушёл, и Феликс прикрыл глаза. Рядом, мигая зелёной плетизмограммой, попискивал кардиоконтроллер и Феликс подумал, что утром надо бы повысить частоту сердечных сокращений приведя их в соответствие с режимом выздоровления.

Каждый день он, обеззараживал кровотокащие культы предупреждая гангрену, но не так быстро как мог бы это сделать, а сантиметр за сантиметром, дабы не вызвать подозрений докторов. Феликса умиляло как его лечащий врач, молодой прыщавый очкарик, по-мальчишески удивляясь жизненной стойкости организма полковника, каждое утро подбадривал его словами: «Вы ещё станцуете на моей свадьбе». Феликсу же хотелось ответить ему словами Чарли Чаплина: «Судьба, прежде чем дать человеку крылья, обычно ломает ему ноги».

Новая оболочка — это не по годам мускулистое тело зрелого тренированного мужчины — даже без ног очень нравилась ему. Каждый раз при новой замене важно совершить ненасильственное перемещение, с чем он всегда удачно справлялся. Единожды пришлось побывать в женском теле, и недолгая жизнь ведьмы Мэлин Матсдоттер завершилась печально. Его впервые казнили, после чего довольно долго пришлось пребывать вне телесной оболочки. Люди называют такое привидениями, но это лишь «иная» форма существования души. В последующих оболочках его казнили дважды — повешение и электрический стул — но в те разы он успевал подготовиться, заранее подобрав под себя новое тело: в первый раз грузного француза-палача, во второй охранника окружной тюрьмы штата Огайо.

Теперь его имя Феликс.

Он помнил все свои прежние имена и перерождения. После изначального жреческого, в год первого Схождения Альфа-Демииургов, были и другие имена, и другие тела, но решение навсегда остаться среди людей он принял, будучи в теле римского стойка по имени Марк...

Последнее имя «Эрик Губер» он выбрал себе сам, обживая тело закоренелого садиста и маньяка по кличке «Губер» довоенного губернатора северо-восточных территорий, некогда славившихся несметными залежами нефти и газа. Имя Эрик было им позаимствовано от скандинавского Eirikr, что в переводе означает «вечный правитель», каким покойный губернатор видел себя во снах.

Всякий раз, войдя новую оболочку, он старался улучшить её функционал, так пластическая инженерия сделала из социопата «Губера» греческого атлета, максимально приблизив внешний вид к обновлённому внутреннему миру.

Теперь же, с телом полковника Аристовского, жилистым и упругим, доставшимся ему в силу сложившихся обстоятельств, вышло гораздо проще. Ноги заменит инвалидная коляска, после чего на двести лет он будет обеспечен новой земной оболочкой.

Он уже послал за Агатой. Она в пути и вскоре узнает, где находится её неуловимый Марк, с помощью которого она тщетно пытается познать непознаваемое. О Варде Голубинском по прозвищу «Инженер», его Верховный знает уже сейчас. Вернее узнал об этом мгновенье назад — квантовая связь между Жрецом и его верным виктимарием (*помощником жреца при жертвоприношениях*) длится доли секунды. Поплавок дёрнулся и каждый из участников представления заглотил свою наживку.

Он подумал, всё ли сделал верно? Всё ли рассчитано с точностью шахматиста? И решил

— так и есть. Брось пару мух в банку с голодными пауками и битва, что завяжется между ними, непременно перерастёт в Апокалипсис. И никто из них даже не подумает, что виной всему тот, в чьих руках банка.

Жаль что он, потомственный виктимарий переродившийся в теле бравого полковника, так и не узнает, в какой человеческой оболочке всё это время пребывал его безликий Жрец. Священная тайна нибирийской иерархии — Жрец знает «в лицо» оболочки всех своих виктимариев, те же никогда не узнают, в кого ныне облачён Верховный. Облачко в небе и квантовая связь для обмена данными — вот и весь контактор.

Да простит его Нибиру, но как превосходный служитель, умеющий верно подать нужную информацию он в нужное время всё проделал филигранно. Благодаря умело выстроенным узорным хитросплетениям, какие он свил, будучи отверженным, а завершил в теле война, его эфемерный Жрец на Боевой Колеснице теперь вряд ли допустит, чтобы тайна пирамид, что некогда так опрометчиво была доверена сумасшедшему учёному, представителю человеческой расы, окажется достоянием прогрессоров. Обезьяна с огненной палкой неизбежно сожжёт весь лес.

Какое бы имя не приходилось ему носить — Эрик или Феликс, Марк или Мэлин — в какой аватар не облачаться, он всегда оставался египетским жрецом Кхер Хебом, библиотечным червём пять тысячелетий назад увековечившим в пергаменте откровения Альфа-Демиургов. Одно из тех писаний — бессмертный манускрипт «Дом Солнца» — с нетленных, пока светит Солнце, био-энергетических энергостанциях — пирамидах заселённых живыми биологическими трансфертами-сорбентами — вечном источнике неиссякаемой энергии — был опрометчиво поведен человеку. Ныне ошибка будет исправлена. Стоит паукам отгрызть друг другу ядовитые железы, он самолично воплотит в жизнь древние знания, поскольку единственный, кто верен наставлениям Праведных. Осталось недолго.

Он хорошо усвоил притчу про обезьяну с огненной палкой. Ацтекский шаман Тиррикан, римский префект Пилат, проповедник крестовых походов папа Урбан II, Роберт Оппенгеймер и Игорь Курчатов, не осмысливший своей миссии, любитель лавровых венков Вард Генрихович Голубинский и даже этот так ничего и не понявший Марк Кариди, которого даже немного жаль, все они лишь люди, что на нибирийском означает «ненадёжные». Человечество — низшая вселенская раса — случайно из-за ошибок Жрецов достигшая эпохи Гуманизма, но умудрившаяся бездарно её разрушить.

Что до ближайшего будущего — теперь оно не заботило бывшего полковника Аристовского. Мухи вброшены в банку и вскоре все пауки, каждый преследуя собственные цели, сойдутся в Пустоши — необратимой смертельной точке, координаты которой терпеливо ждали Агаты Грейс, лежа у него под подушкой — места начала новой эры человечества.

Дождь кончился, и в оконном стекле отразилась Луна — огромное оранжевое пятно — вечный символ циклического обновления, знак конца прежнего, и начала нового, ранее неведомого — иного.

Больше книг на сайте - Knigoed.net